

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**НАУКА И ИСКУССТВО:
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Часть I

Новосибирск, 2013 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
В74

В74 «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (21 января 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 134 с.

ISBN 978-5-4379-0203-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

Рецензенты:

- канд. филол. наук, Бердникова Анна Геннадьевна (г. Новосибирск);
- д-р искусствоведения, канд. филол. наук, Мышьякова Наталья Михайловна, профессор, заведующая кафедрой «Социально-культурный сервис и туризм» Института туризма и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики;
- канд. филол. наук, Павловец Татьяна Владимировна, доцент кафедры теории практики текста и методики преподавания Московского городского педагогического университета;
- д-р филол. наук, Труфанова Ирина Владимировна, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования (г. Москва).

ISBN 978-5-4379-0203-5

ББК 71+80+85

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
О СИМВОЛИКЕ ВОЛКА В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ Дамянова Христина Добрева	6
ЭССЕ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ ПО ПЕДАГОГИКЕ Илюшина Наталия Николаевна	16
ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕЩИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА Миролюбова Лидия Романовна	23
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ Цыпкин Владимир Васильевич	34
КУЛЬТУРА В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Яковлева Людмила Александровна	37
1.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	42
ОРГАНИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В ДЕТСКОМ САДУ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ Ахтырская Юлия Викторовна	42
О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2011—2012 ГОДЫ) Рубин Владимир Александрович	46
Секция 2. Языкознание	51
2.1. Русский язык Языки народов Российской Федерации	51
ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В ОН-ЛАЙН ДНЕВНИКАХ МЕДИЙНЫХ ЛИЦ (О. КАШИН, Л. ПАРФЕНОВ) Агафонова Ольга Владимировна	51

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАННЫХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ АРАБИЗМОВ-НАЗВАНИЙ ТКАНЕЙ Иванова Александра Алексеевна	57
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВ И ЭТАЛОНОВ В УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ) Кулик Александра Эдуардовна	61
ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Шарина Сардана Ивановна	70
2.2. Германские языки	74
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА Мойсеенко Светлана Николаевна	74
ОТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ) Попова Лариса Георгиевна	84
ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ КАК СООТНОШЕНИЕ КОГНИТИВНОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО В КАТЕГОРИИ СИМВОЛА В МОДЕРНИСТИЧЕСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Яценко Эвелина Александровна	88
2.3. Романские языки	98
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ ИСПАНСКИМИ ГРАММАТИКАМИ Глушук-Олея Анна Игоревна	98
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УПРАЖНЕНИЙ В ФОРМЕ ИГРЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ОБЩЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ Смолина Людмила Игоревна	102
2.4. Теория языка	108
ТОПОС ТЕАТР И ЕГО СТРУКТУРА В МЕТАПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г.А. ТОВСТОНОГОВА Защепкина Виктория Владимировна	108

О ПЕРВИЧНОМ ЗВУКОСИМВОЛИЗМЕ АБСТРАКТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ Петухова Елена Владимировна	114
2.5. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	119
ЛАКУНАРНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Абдулганеева Ирина Игоревна	119
ЛИТЕРАТУРНЫЕ И СЦЕНИЧЕСКИЕ ПСЕВДОНИМЫ КАК ОСОБЫЕ НОМИНАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ Джарасова Тойжан Тайбулатовна	124
2.6. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	131
ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА Чурикова Ирина Алексеевна	131

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

О СИМВОЛИКЕ ВОЛКА В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

Дамянова Христина Добрева
гл. ас. ШУ «Еп. Преславски»,
г. Шумен
E-mail: hristinadobрева@abv.bg

Волк занимает одно из центральных мест в мифологических представлениях многих народов мира. Ряд этнонимов восходит к имени этого животного (кочевников-скифов, ликейцев Аркадии, некоторых народов в Испании, Малой Азии, Ирландии, Англии и др.). Волк издревле является тотемом тюркских народов. Во многих районах Евразии и Северной Америки древняя символика волка связана с культом предводителя боевой дружины, бога войны, родоначальника племени, с мужскими военными братствами [5]. Боевая дружина, военный мужской союз традиционно сравниваются с волчьей стаей [2]. Волк — символ свободы в животном мире, бесстрашия, нравственности, преданности семье, справедливости и честолюбия. Он выделяется среди других животных своим умом, хитростью, силой.

Волк присутствует в воинской, спортивной символикe, в геральдике как знак доблести, храбрости, бдительности и осмотрительности, независимости, выносливости, победы, заботы о пропитании. Бог солнца Аполлон Ликейский был как хранителем от волков, так и самим волком [2]. В мифах, фольклоре и волшебных сказках волк имеет двойственную символику с преобладанием негативной оценки — олицетворяет коварство и жестокость, храбрость

и победу, это враждебный человеку образ. Средневековые превратило волка в символ ереси, зла из-за его свирепости, хитрости и жадности. В христианстве волк олицетворяет дьявола, угрожающего верующим [6].

Волк в славянской культурной традиции мифологизирован. У восточных славян уже в христианское время волк — спутник Егория Победоносца на белом коне, борющегося со змеем. Волком иногда *оборачивался* даже сам *Перун* [7]. *Белый волк и волк с крыльями* как символические образы надежды существуют в культурах разных народов и в русском зодчестве. Образ волка повторяется в разные времена у разных народов. В болгарской поговорке *Ще видиш бял вълк по пладне* надежда возмездия переплетается с угрозой и мстительностью.

Русские фразеологические единицы (ФЕ) и паремии с зоонимом *волк* в лингвокультурном и семантическом аспекте характеризуют мир человека, выражают восприятие носителей русского языка метафоры волка, дают сведения о человеке в иносказательной, экспрессивной, оценочной форме с т. зр. этнического менталитета. Фразеологизмы-антропоминанты как средство номинации лица связаны с сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью человека, раскрывают связь между языком и ментальностью индивида и этноса, выявляют своеобразие ассоциативных связей образа этого хищника с образом человека. Концепт «человек — волк» занимает важное место в социокультурном и аксиологическом пространстве русского этнического сознания.

Выявляется общность образа волка во фразеологии и паремиологии, ассоциаций и оценок, структуры и семантики единиц, связанных с ним. Анималистическая фразеология и паремиология являются древней формой языковой номинации, при помощи которой в процессе наблюдений за повадками и поведением домашних и диких животных человек осознавал самого себя.

ФЕ традиционно неотделимы от пословично-поговорочного фонда. Паремии с зоонимом *волк* служат источником пополнения фразеологического фонда, из фразеологии в паремиологию переходят структуры, которые являются основой создания новых пословиц и поговорок. Группировка ФЕ, объединенных на основе общности одного из компонентов, составляют зоофразеосемантическое гнездо. Сюда не входят ядерные ФЕ-идиомы.

ФЕ и паремии являются близкими по способу образования минимальными текстами, хранящими культурную информацию. Они отличаются устойчивостью, воспроизводимостью, цельнооформленностью, наличием переносного значения, эмоциональной вырази-

тельностью. Фразеологизмы — это «общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые воспроизводятся в речи в узуально-закрепленном за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [24, с. 38]). Паремии как малый жанр фольклора, воплощение народной психологии и философии, духовной самобытности, нравственных ценностей народа являются меткими маркерами ситуаций.

Двойственное отношение к волку в народных сказаниях, мифах и фольклоре отражено и в русской фразеологии и паремиологии. Преобладает негативная символика, неодобрительная оценка.

Определяющим в символике волка является признак «чужой», «злой» (6). В древнерусской мифологии волк — символ всего темного и опасного. Он является олицетворением темной ночи, темноты (*Пришел волк (темная ночь) — весь народ умолк* (русская загадка). Символика враждебности, маргинальности антагонистической группы людей характерна и для русских паремий: *Сказал бы словечко, да волк недалечко, Волка на собак в помощь не зови; Идешь в лес — бери палку: не попадетя ли волк; Как с волком ни дружи, а камешек за пазухой держи; Люди — дорогой, а волк — стороной* (все русские пословицы даются по 7, 8, 9).

ФЕ *Пальца в рот не клади* кому (о ком-л., с кем надо быть осторожным, кому нельзя доверять) [16] имеет свою конкретизацию в паремии *Не клади волку пальца в рот*.

ФЕ *смотреть волком* (иметь угрюмый, недружелюбный, враждебный вид) [16] получает свою индивидуальную метафорическую интерпретацию хищности в прессе, ср. *Типаж этих «вкладчиков», которых я встречал не единожды на просторах нашей великой державы, один — шустрые людишки с волчьим прищуром в глазах, готовые не то что ваши карманы вывернуть наизнанку, но и выпотрошить душу, если только на секунду расслабитесь* (Российская газета. 22.10.2012).

ФЕ *Хоть волком вой* (волк в Толковом словаре В.И. Даля, с. 233 дефинируется как *человек угрюмый, нелюдимый, ненадежный, который в лес глядит*) в составе паремии *С мужем — нужда; без мужа — и того хуже; а вдовой да сиротой — хоть волком вой* вызывает ассоциации о безнадежном, безвыходном положении.

Волк — символ коварства и вероломства. Это не подтверждается современными исследованиями, которые свидетельствуют о том, что волк обладает умом, бдительностью, осмотрительностью. Волки — одни из самых верных животных, они сильно привязываются к товарищам по стае [5]. Русские и болгарские паремии отражают

народное восприятие метафоры волка-коварного человека: *Не верь козлу в капусте, а волку в овчарне; Дешево волк в пастухи нанимается, да мир подумывает; Добр волк да овец, да пасти ему не дают; Как волка в хлев пустить, так он и овец всех переест; Нанялся волк в пастухи — добра не жди; Дай в долг, а порукой — волк; Худо овцам, где волк воевода; Свинья в саду не огородник, волк овечкам не пастух; Волк овец не соберет; Допустили волка овец караулить; Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел. — б. Вълк, ако го туриш да ти пасе овците, той всичките ще ги издави; Вълкът варди агнето от лисицата, за да го изяде той; Викал вълка да му варди овците; Загрижил се като вълка за овцата; Жени вълка за овцата; Цанили вълка за овчар; Вълкът казал: Аз бих живял с овците, ама кучетата ме сърдят, затова ги ям* (все болгарские пословицы и поговорки даются по 11).

Волк — олицетворение сильного и жестокого противника: *Не ступай, собака, на волчий след: оглянется, съест; И комар лошадь свалит, коли волк пособит; Кобыла за волком гналась, да в волковы зубы попалась; Не прикидывайся овцою, волк съест; Не будь овцой, так и волк не съест; Сделайся овцой — волки готовы; Смирна была овца, так волк съел. — б. Само стани овца, вълците са готови; Тежко на безрога коза, кога с вълка се бори.*

ФЕ *Остались рожки да ножки; не по зубам кому* [16] варьируются в паремиях *Смирная овца волку по зубам; Коза с волком тягалась, рога да копыта остались; Кобыла с волком тягалась, один хвост да грива осталась.*

Жестокость, беспощадность отражена в табуистическом названии волка *лютый*. *Лютень* (волк на старославянском) — свирепый и опасный зверь, лютость — это отсутствие сопереживания и жалости хищника, ведущего постоянную охоту за куском мяса [1].

Волк — символ несправедливости: *Не прав волк, что овцу съел, не права овца, что в лес зашла; На волка помолвка, а заяц кобылу съел. — б. Вълкът крив, че разкъсал овцата, ами що ще тя там;* поддержки и благосклонности сильных дня к своему окружению: *Волк волка не съест; Волк волку хвоста не отдавит.*

Одним из типов взаимодействующих структур являются адъективно-субстантивные единицы в составе пословиц и поговорок и аналогичные им экспрессивные фразеологические сочетания периферии фразеологии типа *волчьи слезы*. Волк как символ лицемерия, притворства, неискренности связывается с рядом ассоциаций в русской фразеологии и паремииологии. **ФЕ *волчьи/ крокодиловы слезы*** (притворные, лицемерные) [17] является компонентом русской

пословицы, ср. *Не верь волчьим слезам*. Адъективно-субстантивные экспрессивные ФЕ выступают характерологическим средством, служат для выражения поведения героев, их социального статуса, положительной или отрицательной оценки [14, с. 8].

Тема лицемерия человека-волка разворачивается в метафорических образах *волк-лиса*, в отношениях волка с домашними животными (*овца — кобыла*) в ФЕ *Пожалел / полюбил волк кобылу, оставил хвост да гриву; Любит и волк овцу; Пожалел волк овцу*, в пословицах *От нужды волк лисой запел; В глазах — как лисица, а за глазами — как волк*. Они дополняют и расширяют образные представления о лицемерии.

ФЕ **Волк в овечьей шкуре** (*Волк в овечьей шкуре* (о лицемере, прячущем под маской добродетели свои дурные поступки) восходит к библейскому выражению «Опасайтесь ложных прорицателей: они приходят к вам в овечьей шкуре, но внутри они — волки хищные» и к русским пословицам, которые предостерегают от них: *Волк и в овечьей шкуре не укроется; Не верь волку в овечьей шкуре, а козе — в огороде; Видать волка и в овечьей шкуре; Знать волка и в овечьей шкуре. — б. Вълк в овча кожа*).

Индивидуальные авторские преобразования ФЕ с компонентом *шкура* в публицистических текстах дают с противоположного угла образ привидной добродетели — *ягненок в волчьей шкуре: Идет очередная пропаганда — какие же бютюшки хорошие! Да только это ягнята в волчьей шкуре* (Пик. 24.09.2012).

Образ хищника в ФЕ **волчья/ мертвая хватка** (синонимы *железная хватка, крепкая хватка, стальная хватка, цепкая, сильная хватка*) (хватка у собак, зверя, при которой с трудом разжимаются челюсти, перен. о действиях того, кто не отступит, пока не добьется своего) [18] отражен и в пословицах *Волк так волчью хватку и знает; Волку в зубы попало — пиши пропало*.

Эта ФЕ активна и в публицистике: *Когда начался передел земли, люди с волчьей хваткой пошли в наступление* (Российская газета, 19.11.2010).

Волк во фразеологии и паремиологии — символ алчности, жадности, прожорливости. В одном из наиболее древних *заговоров* причитается о том, что на сказочном острове *Буяне* «*на полой поляне светит месяц на осинов пень — в зеленой лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый*» [7]. Символическое значение беспредельной жадности раскрывается в паремии *Жаден как волк, а труслив как заяц. — б. Работи като кърт, яде кто вълк*.

ФЕ *волчья пасть* прост. бранное (о прожорливом человеке) [1] входит в состав паремии *Волчья пасть да поповские глаза — ненасытная яма* — б. *Грабливо око, вълче гърло*. Семантический акцент переносится на препозитивное определение *волчий* в текстах СМИ: *Современники называли его внутривластительский курс «диктатурой сердца», «бархатной диктатурой» «политикой пушистого хвоста и волчьей пасти»* (НГ-Военное обозрение, 09.05.2012); ... *овца ДПКР волчьей пастью пытается вцепиться в трон»* (www.bulwar.room.ua/ach/2010/9/view.print) *В волчьей пасти ВТО и остаткам села пропасть. Не скатерть-самобранку, а удавку для России приготовили благодетели из империалистической торговой обдираловки»* (sunapse.ru/rushistory/Persona2.html); *Маска радетельницы за подмосковную экологию сброшена, и из-под овечьей шкуры все отчетливее проглядывает оскал волчьей пасти* (Российская газета, 16.12.2011).

Волчий рот/ зуб — символ грубой физической силы, насилия, свирепости в ФЕ *Где нужен волчий рот, а где и лисий хвост; Лисий хвост, да волчий рот (зуб); И волчий рот, и лисий хвост, И волчий рот/ зубы, и лисий хвост; Не волчий зуб, так лисий хвост* [19], в паремиях *Зайца ноги носят, волка зубы кормят, лису хвост бережет; Волк по-волчьи и рвет; Волк шерсть меняет, а зубы — никогда*.

С символикой жадности связана и ФЕ *волчий аппетит* [22] разг. экспрес. *На трассе и в городе Амарок продемонстрировал настоящему «волчий аппетит» — 13—14 литров»* (Autorambler 24.09.2012. Синонимом к нему является *зверский аппетит* [20], ср. («Волк» с автоматом показал зверский аппетит (о пикапе); ФЕ *голодный как волк* [25] коррелирует в паремиях с *очень голодный — ненасытный*, вызывает представление о беспредельной жадности: *Голодный волк и завертки рвет, Голодный волк сильнее сытой собаки; Рыщет, как голодный волк; Волку сеном брюха не набить* — б. *Гладен вълк и сред село влезва; Гладен като вълк; Гладен вълк мършаво стадо не гледа; Вълк слама яде ли*.

Волчья утроба в Волчья утроба из семи овчин сиита и ФЕ *ненасытная утроба* [15] (о прожорливом, жадном человеке или животном) взаимодополняются.

Некоторые пословицы характеризуют хищнические способности волка-человека. Мотив крепких когтей характерен для паремиологии и фразеологии, ср. *Волчьи когти — крепки, а кошачьи лапки — цепки; ФЕ в когтях, в лапах чьих, у кого быть, очутиться, оказаться*,

держатъ кого, в лапы чьи, кого, к кому попасть(ся), в когтях/ в когти, под лапой/ под лапу [15].

Согласно индоевропейским представлениям человек, совершивший тяжкое преступление, становится волком. Волк, вынюхивающий добычу, — символ вора, разбойника [10]. Само слово *волк* общеславянского происхождения. Корень тот же, что и в *волоку*, *волочить* («ташу, тащить») — «таскающий» (домашний скот) [26]. *В воровском жаргоне* волк — *главарь шайки, вожака карманных воров, шофер такси*. Волк ассоциируется с преступником у скандинавов. У славян вор, преступник, убийца, насильник традиционно именовался волком [2]. В греческой мифологии Автолик (с греческого «сам волк», «олицетворение волка») — ловкий разбойник, обитавший на Парнасе, самый вороватый из людей, получил от своего отца Гермеса дар плутовства, способность становиться невидимым, коварным, злым хищником [6].

Эти представления отражают ФЕ волчье логово разг. презр. Жилище, пристанище преступников, врагов и т. п. [23], паремии *Волк и из счета овце крадет; И считанную овцу волк съедает*. — б. *Вълкът и от броени овце яде*.

Грабительскую сущность людей-волков раскрывают ФЕ *Как волка ни корми, он все в лес глядит; С волками жить, по-волчьи выть; Родился волком, лисицей не бывать; Волком родился — овцой не бывать; Кто волком родился, тому лисой не бывать* [4], паремии с составным компонентом *волчьи повадки, родился волком: Повадки волчьи, а душа заячья; У волка всегда одна песенка; Волк и каждый год линяет, да обычая не меняет. Куда соваться в волки, коли хвост собачий; От овцы волк не родится*. — б. *Който се е родил лисица, вълк не става; Колкото и да храниш вълка, окото му — в гората; Риба без вода и вълк без гора не могат да живеят; С вълците бди вълк; Вълкът овца не става; Вълкът овчар не бива; Вълкът куче не става; Вълкът козината си мени, нрава си не мени*. Ряд пословиц можно превратить во фразеологизмы благодаря их оценочности, сжатости, краткости, афористичности, метафоричности.

Хищность идет рука за руку со спесивостью: *У спесивого волчья шея (не гнется)*. — б. *Питали вълка: защо ти е дебел вратът? Рекъл: защото сам си върши работата; Вълкът си е сам сайбия, сам кадия*.

Хищность уступает перед согласием, дружностью, резвостью, быстротой: *В согласном стаде и волк не страшен, Согласному стаду и волк не страшен; Резвого жеребца и волк не берет; Дружный табун волков не боится*. — *Която овца се дели от стадото, вълкът я изяжда*.

В современных публицистических текстах сочетания с *волчий* имплицитно ассоциируются с хищником: *И волчью я давно натуру знаю ваши* (echo.msk.ru/programa/zdor/comments.html); *Левая партия против волчьего либерализма* (РГ. 08.12.2012); *«Зайцы» с волчьим оскалом (Пассажиры ранили ножами несколько человек, одного ударили рукояткой пистолета в автобусе)* (РГ. 13.11.2012).

Волчья стая в поговорках *Попал в волчью стаю, так по-волчьи и вой; Не суйся в волчью стаю, коли хвост собачий* можно употреблять и в значении фразеологизма [21]. *Волчья стая* приобретает значение «преступная группировка» в современном языке: *Партийно-волчья стая. Харьковский гамбит*. (Пресса Украины, 29.02.2012); *Правящая партия Регионов похожа, взяв на вооружение тактику поведения хищных животных, расчищает завоеванную территорию от возможных конкурентов, не брезгуя любыми способами; Волчья стая из подворотни* (В Москве раскрыта банда, которая убивала и грабила приезжих (Российская газета. 17.03.2011).

Волк — символ грубого попирающего общепринятых норм поведения, беззакония, опирающегося на грубую силу, что находит отражение в ФЕ *волчий закон/ волчьи законы* [16], *волк в овчарне* (перен. о безнаказанно хозяйничающем хищнике, воре) [11].

В Волк в то же время — символ опытности, бывалости, мудрости. ФЕ *старый волк/ травленный волк (зверь), стреляный волк* (о человеке опытном, выдавшем виды, побывавшем в опасностях и переделках) и поговорки (*Старого волка в тенета не загонишь; Старые волки не дремлют; Старый волк знает толк.* — б. *Стар вълк от дърво се не бои*) отражают положительные коннотации в символике волка. В сказках на Руси и у всех славянских и соседних с ними народов об *Иване-царевиче* и Сером волке волк наделен крыльями, говорит мудро человеческим голосом (4). Положительное перемежается с иронией: *Старый волк КПСС в овечью шкуру влез, чтоб вписаться в поворот, подсуетился, поменяв «СС» на «Р»* (www.bulwar.room.ua/ach/2010/9/view.print).

Волк — олицетворение незнания, неопытности, глупости: *Одна лиса семь волков проведет; Не попал волк в западню, увязнет в тенетах; Не гонкой волка бьют — уловкой; Кабы лиса не подросла, то бы овца волка съела; И то бывает, что овца волка съедает; Ловит волк, да ловят и волка; Удалось теляти волка поймати; Дай бог нашему теляти волка поймати; Дай бог нашему теляти да волка забодати; Состарился волк — стал игрушкой для собак.* — б. *Дорде вълкът се научи да краде кокошки, кожата му на пазар ще иде; Вълкът като остарее, на кучетата маскара става.*

Фразеологические единицы с зоонимом *волк* составляют подсистему фразеологического фонда русского и болгарского языка, отражают культурно-историческое мировоззрение двух народов, дают полезную информацию о русской и болгарской ментальности и ее языковой вербализации через оценочно-образный эталон. Зооним *волк* обладает активным фразообразовательным потенциалом. Большая часть ассоциативных признаков, связанных с данным зоонимом, имеет негативную окраску. В комплексе коннотативных характеристик ФЕ с зоонимом *волк* преобладает отрицательное отношение человека к этому животному. Образ волка служит критерием физических и нравственных человеческих качеств.

Список литературы:

1. Агранович С.З, Стефанский Е.Е. Пожалел волк кобылу. (О синкретизме семантики славянского концепта лютость и отражении этого синкретизма в мифе, фольклоре и литературе) // Литературоведение. — 2003, — № 1. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL.
2. Бедненко Г. Образ Волка у индоевропейцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: ec-dejavu.ru/w/Wolf.html.
3. Български пословици и поговорки. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: www.doc.doc.com.
4. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: Dic.academic.ru/Michelson_old/8010/Родинка.
5. Волк в мифологии разных народов. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: www.berl.ru/article/2z2/4nog/mifolo/wolk_v_mifologii_raznyh_narodov.htm.
6. Волки. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: www.witch.mirgor.ru/Mif/zveri/wolf_mael.htm.
7. Волк. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: pagan.ru/slower/w/wolk1.php.
8. Волк. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/O/n-18617>).
9. Волк. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: dal.sci-lib.com/worddo3540.htm. Словарь В. Даля.
10. Краткая энциклопедия символов. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: www.symbolarium.ru/index.php/Волк.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-19559.htm>.

12. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. 2 т. М, Худ. литература, 1984, 430 с.
13. Русские пословицы и поговорки. под ред. В.П. Аникина. М, Худ. литература, 1988.
14. Рехова М.В. Фразеологические единицы как элемент идиостиля Б. Зайцева (на материале романов). Автореферат дис. на соискание уч. степени канд. фил. наук. Орел, 2009.
15. Русско-болгарский фразеологический словарь. М, 1980.
16. Словарь русского языка. М, АН СССР, ИРЯ, Русский язык, 1981, 1983.
17. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: dic.academic.ru/dic_synonims/268655/волчи.
18. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: ozhegov-dictionary.info/Словарь_Ожегова/221/18/Пасть.
19. Толково-фразеологический словарь Михельсона. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [www.enc-dis.com/word/g/Gde-volghi- rot- a — gde — lisi — hvost — 3072.html](http://www.enc-dis.com/word/g/Gde-volghi-rot-a—gde—lisi—hvorost—3072.html).
20. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: ozhegov-dictionary.info/Словарь_Ожегова/10011/Зверский.
21. Толковый словарь Ожегова slovari-ozhegova.info/Словарь_Ожегова/3865/Волк.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: onlineslovari.com/volchi.appetit1680.
23. Фразеологический словарь русского литературного языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://phraseology.academic.ru/6239/Волчье_логово.
24. Шанский Н. Фразеология современного русского языка. // Русский язык. М, 1979, 381 с.
25. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_фразеологизмов_русского_народа.
26. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://etymological.academic.ru/590.Волк>.

ЭССЕ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И УЧЕБНОЕ ЗАДАНИЕ ПО ПЕДАГОГИКЕ

Илюшина Наталья Николаевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры истории и теории педагогики
Института педагогики и психологии образования ГОУ ВПО
«Московский городской педагогический университет»,
г. Москва*

E-mail: innxx@mail.ru

Ещё со времён К.Д. Ушинского идет непрекращающаяся методологическая дискуссия о научном статусе педагогики, чем в большей степени она является: искусством, наукой или «ремеслом» (мы сейчас сказали бы «технологией»)? Им были заложены *основы научной педагогики*, но в тоже время он выдвинул тезис о том, что «педагогика — самое высокое и самое необходимое из всех искусств» [4] (выделено нами, Н.И.).

Почему же педагогика рассматривалась К.Д. Ушинским высшим из искусств? Он писал: «...потому что она стремится удовлетворить величайшей из потребностей человека и человечества — их стремлению к усовершенствованиям в самой человеческой природе: не к выражению совершенства на полотне или в мраморе, но к усовершенствованию самой природы человека — его души и тела...» [4]. В контексте воспитания обнадёживающе звучат слова великого педагога о том, что «человечество, наконец, устанет гнаться за внешними удобствами жизни и пойдет создавать гораздо прочнейшие удобства в самом человеке, убедившись не на словах только, а на деле, что главные источники нашего счастья и величия не в вещах и порядках, нас окружающих, а в нас самих» [4].

Практика педагога может рассматриваться как искусство, но и процесс подготовки педагога-профессионала должен включать в себя художественно-эстетическое воспитание. В основе формирования культурологической компетентности студентов лежит идея интеграции педагогического образования и художественно-эстетического воспитания. С этой целью мы вносим в учебный процесс возможность общения с произведения искусства в самом широком смысле этого слова: в основном — художественные тексты, произведения изобразительного, театрального и кинематографического искусства, т. е. пытаемся насытить учебно-воспитательный процесс яркими эмоциями, красотой и духом, философией времени, которое отражает конкретное произведение.

Изучению проблемы формирования художественно-эстетических знаний, умений будущего учителя любой специальности (математики, физики, биологии, экономики и др.) уделяется сегодня много внимания (диссертации О.Ю. Глазуновой, Д.А. Гусева, Г.Н. Казилова, О.Н. Поздняковой и др.). Учёные считают, что «решение задач художественно-эстетической подготовки специалиста в высшей педагогической школе должно быть ориентировано» на выработку ценностно-эстетических и духовных качеств будущего педагога, его интеллектуальных качеств, эмоциональной культуры, потребностей и мотивов к самостоятельному систематическому использованию видов искусств, приобретение опыта культуры общения с учащимися, способов *творческого применения специальных знаний, умений*; формирование высокого уровня мыслительных операций, умственной активности и *познавательной самостоятельности* (выделено нами, Н.И.). В процессе изучения педагогики, истории педагогики, педагогических спецкурсов по выбору мы предлагаем студентам вольнолюбивый литературный жанр — эссе.

Эссе от французского “*essai*”, английского “*essay*” — попытка, проба, очерк; от латинского “*exagium*” — взвешивание. Создателем жанра эссе считается М. Монтень («Опыты», 1580 г.). «Это прозаическое сочинение — рассуждение небольшого объема со свободной композицией. Жанр критики и публицистики, свободная трактовка какой-либо проблемы. Эссе выражает индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендует на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета. Как правило, эссе предполагает новое, субъективно окрашенное слово о чем-либо и может иметь философский, историко-биографический, публицистический, литературно-критический, научно-популярный, беллетристический характер» [1].

Исследование К. Зацепина «Эссе: от философии к литературе» начинается с утверждения о том, что «долгое время в гуманитарной традиции жанр эссе рассматривался в контексте и терминах антропологии, философии и аксиологии: *как феномен культуры*, как одна из форм ее самосознания, преимущественно в связи с проблематикой поиска индивидуальной идентичности, осмысления традиции или критики идеологий» [2], [выделено нами — Н.И.].

«Форма эссе может рассматриваться как объективация нескольких интеллектуальных процедур. Первая из них — проблематизация»; под этим подразумевается, что эссе — «прежде всего интеллектуальная провокация, отстранение привычных форм мышления», текст эссе «характеризуется принципиальной внутренней незавершен-

ностью, неструктурированностью, «черновиковостью» [2]. К. Зацепин поясняет, что «в отличие от научных и публицистических текстов, эссе — это дискурс вопрошания, а не констатации», мысль в эссе требует соучастия читающего [2], именно читатель своей интеллектуальной активностью «восполняет» незавершенную форму эссе до новой целостности» [2].

«Вторая важная процедура может быть обозначена как интерпретация»; «упорядочивая и переосмысливая собственный опыт восприятия чужих произведений, эссеист формирует индивидуальное видение мира, специфицирующееся как частное переживание и трактовка культурных смыслов. Будучи тесно связанной с частным опытом, биографией, интерпретация в эссе выступает условием возможности понимания себя и других в культуре и через культуру» [2].

Третья процедура — рефлексия. «Эссе возникает как аскеза, практика испытания пишущим себя в непрерывном движении мысли»... «Основная интенция эссе — обращенность взгляда пишущего на себя» [2].

Различие между научным текстом и эссе заключается в том, что «план содержания всецело доминирует в научном повествовании над планом выражения, не оставляя места эстетической функции... Слово присваивается автором научного текста в едином значении...» [2]. Научный текст должен быть ясен и непротиворечив: «всякого рода расхождения замысла и интерпретации на уровне содержания традиционно расцениваются как свидетельство несовершенства научного текста» [2].

Автор подводит нас к мысли о том, что на пересечении двух линий — эстетизации философии, публицистики, с одной стороны, и все большей интеллектуализации художественной прозы, с другой, формируется эссе, обретая идентичность жанра, маркирующего границы как литературного, так и научно-публицистического начал.

Эссе как феномен культуры провозглашает субъективизм, вольнодумство и свободомыслие. «Эссе становится особым видом деятельности двух взаимосвязанных творческих личностей — автора и читателя. Уровень образования и общей культуры каждой из этих двух личностей непосредственно влияет на возникновение специфического диалога, одновременного духовного потребления и духовного творчества» [2].

В процессе изучения истории педагогики мы предлагаем первокурсникам комплекс учебных заданий, развивающих, в конечном счете, рефлексивное умение отслеживать и формулировать *собственное мнение и мнение собеседника*, аргументировано и *корректно*

его преподносить. Одно из таких заданий — эссе на широкую тему: «Античность и мы» или «Античность и я». Эта творческая работа предполагает обобщение знаний по соответствующим темам истории педагогики, но главное — стыковку «текста» античной культуры с персональным жизненным опытом студента, с личными «узелками удивления». Студенты получают консультацию о том, что в данной теме желательно выбрать свою «нишу», тот небольшой вопрос, который интересен и близок автору. Кажется, что задача несложна и решаема, ведь этому учили и в средней школе. Но показателен следующий факт, который прослеживается ежегодно. Жанр эссе для многих первокурсников очень сложен и с первого раза невыполним. Типичная «ошибка» заключается в том, что многие студенты уповают на всеильность Интернета, и вместо эссе сдают добротные и обширные рефераты. Анализ анкет показывает, что камнем преткновения являются:

1. психологические трудности (не было навыка, опыта написания эссе в школе, и жанр был воспринят как недоступный, непонятный);

2. нехватка знаний по учебному предмету;

3. недостаточная эрудиция;

4. отсутствие личностных смыслов в учебном задании.

Мы объясняем, что эссе как жанр многообразен, выделяют следующие виды эссе: историко-биографическое, литературно-критическое, философское, беллетристическое, научно-популярное. Некоторые авторы добавляют: организационно-управленческое, научно-публицистическое эссе. Есть и другая классификация: 1) письмо (другу, потенциальному работодателю, политику или издателю); 2) нарративное эссе — описание студентом личного отношения (оценки) к тому или иному событию; 3) дескриптивное эссе — автор должен описать объект, место или лицо с целью сформировать у читателя их живой образ; описать реакцию; 4) ролевое эссе — от студента требуется избрать для себя ту или иную роль в определенной ситуации и описать реакцию на данную ситуацию; 5) эссе-конспект или резюме — обобщение или синтез большого объема информации; 6) экспрессивное эссе — описание личного мнения о том или ином вопросе или событии; 7) дневник или заметки — личное обращение в неформальном стиле; 8) литературный анализ — интерпретация какого-либо фрагмента или целого литературного произведения и др.

Темы «Античность и мы» или «Античность и я» относительно легче, на наш взгляд, написать в виде нарративного, дескриптивного, научно-популярного эссе. На консультации мы вспоминаем

о «правилах» написания эссе, которые были освоены ещё в средней школе. Мы призываем чуть отстраниться от этих стесняющих творческий порыв «доспехов» и свободно выразить, во-первых, свои чувства (например, вспоминая какой-то яркий эпизод своей жизни) и, во-вторых, свои мысли. При этом не надо бояться нарушить «чистоту линии», ведь можно смешать различные виды эссе. Мы не задаём строгие границы объёма работы, приветствуем и краткость изложения.

О чём же пишут молодые люди, которые через некоторое время будут вести уроки в общеобразовательной школе? Робко, осторожно они пытаются нащупать точки соприкосновения своих жизненных событий, истории своей семьи, нашего народа с античной культурой и размышляют: об античном театре, современном театре и самых ярких театральных впечатлениях своей жизни; об античности и творчестве А.С. Пушкина; об античности и поэзии М. Цветаевой; о влиянии античности на творчество А. Блока (цикл «Итальянские стихи»); об А. Белом и его кружке «Аргонатов»; о древнегреческой лирике; об Олимпийских играх; о влиянии античного костюма на современный костюм; восхищаются греко-римской архитектурой и т. д. Мы принципиально не ограничиваем тематику студенческих эссе. Главное, чтобы автор выразил свои чувства, мысли, заявил о своих ценностях.

После изучения истории педагогики бакалавры осваивают педагогiku. Одним из итоговых творческих заданий по теории воспитания было эссе на тему: «Воспитательные смыслы произведений искусства, посвящённых библейской притче о блудном сыне». Библия содержит множество идей, обращённых к сердцу и совести читателя. Мы давали на выбор пять вариантов конкретных произведений изобразительного искусства: 1) Рембрант ван Рейн «Возвращение блудного сына»; 2) И. Босх «Бродяга»; 3) И. Глазунов «Возвращение блудного сына»; 4) О. Гаркуша «Возвращение»; 5) изображение притчи в иконописи. Кажется, что жанр эссе далёк от строгих научных доказательств. Он провозглашает субъективизм, вольнодумство и свободомыслие. Но этот жанр ещё и тренирует умение искать проблему, её по-своему выражать и интерпретировать. Первокурсники учились упорядочивать и переосмысливать собственный опыт восприятия чужих произведений. Эта нелёгкая задача усложнялась нами ещё и тем, что юному автору нужно было не просто найти и выразить, сформулировать собственные смыслы, а выделить из них воспитательные смыслы. На творческий уровень

сумели выйти около 7 % студентов, остальные остались в рамках Интернет-ресурсов.

Здесь мы вновь столкнулись с принятой студентами «парадигмой обучения», которая ставит своей целью «трансляцию знаний от преподавателей к студентам» и предполагает, что знания находятся «во вне» и передаются преподавателями по «частям и крупичкам». Однако ряд современных исследователей разных стран: О. Бассис (Франция), Д. Колб (США), Р. Барнетт (Великобритания), В.В. Давыдов (Россия) формулируют другое утверждение — «размышлять и конструировать знание самому возможно, потому что опыт, знание образуются в ходе реальных процессов, продуцирующих мысль и действие. Эти процессы должны происходить в ситуации открытого столкновения собственных сомнений и противоречий с сомнениями и противоречиями других» [цит. по 1].

Наиболее яркими работами были те эссе, в которых авторы нашли воспитательные смыслы притчи о блудном сыне, связав их с *собственным жизненным опытом*. Как правило, текст их нестандартен, исповедален и смел. Он выходит за пределы «эмоционального созерцания». В отдельных выводах звучит явная профессиональная направленность: проблемы «блудных сыновей» следует рассматривать через призму наук — педагогики, психологии, медицины.

В 2011—2012 уч. году будущие учителя начальной школы под нашим руководством осваивали спецкурс «Психолого-педагогические основы исследовательского подхода к обучению школьников». Мы предложили студентам написать эссе на тему: «Научный деятель, который меня вдохновил» или «Мыслитель, который меня вдохновил». Наши ожидания оправдались, юные авторы писали в основном о выдающихся учёных в области педагогики и психологии, но самым интересным, на наш взгляд были два эссе. Первое — студентки 4 курса Института педагогики и психологии образования МГПУ Лопуховой Виктории о творчестве писателя, математика, логика и философа Л. Кэрролла. Виктория считает, что «его произведения «Алиса в стране Чудес» и «Алиса в стране Зазеркалье» научили её искать в простых вещах что-то интересное и невероятное, ведь любое исследование или эксперимент — это приключение, а будет оно интересным или нет — зависит от самого путешественника». Студентка сетует на то, что современные технологии «зашли так далеко, что уже нет ничего нереального — всё можно спроектировать, создать, и совершенство уже достигнуто. ... Думаю, что детей надо учить смотреть на мир именно так, чтобы их путешествия в будущее были радостными, окрыляли и вели к новым открытиям».

Второе эссе — о своём отце написала Планкина Диана, так же студентка 4 курса Института педагогики и психологии образования МГПУ. Рассказ Дианы благодарный, тёплый и восхищённый.

Мы считаем, что отметочное оценивание творческой работы такого жанра — не очень уместно. Нельзя «препарировать» и предавать поурочный балл состоянию души, откровенным чувствам автора. Оптимальным, на наш взгляд, будет содержательное оценивание: 1) наличие личной позиции, личного отношения к вопросу; 2) оригинальность изложения; 3) наличие по возможности педагогических выводов. Но особые требования выдвигаются нами к грамотности изложения. Это корректное оформление и использованию цитат, соблюдение лексических, фразеологических, грамматических и стилистических норм русского литературного языка, оформление текста с полным соблюдением правил русской орфографии и пунктуации.

Наши многолетние наблюдения показывают, что эссе может служить и диагностическим средством: первокурсники — авторы самых ярких эссе, как правило, впоследствии проявляют свои творческие способности и неординарность.

Педагогическая эссеистика в настоящее время активно развивается. Эссе используется как форма учёта учебных достижений в школе и вузе, в системе конкурсных отборов, для диагностики творческих способностей и профессиональных навыков. Но нашей сверх-задачей была попытка помочь студентам структурировать, пусть пока ещё совсем небольшое, собственное культурное пространство.

Список литературы:

1. Губаревич Д.И., Карпиевич Е.Ф., Кирилук Л.Г. Взаимоотношения между преподавателями и студентами в образовательном процессе БГУ: попытка анализа. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/gub.htm> (дата обращения 16.01.2013).
2. Зацепин К. Эссе: от философии к литературе. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/104/za17.html> (дата обращения 16.01.2013).
3. Методические рекомендации по написанию эссе. Государственный университет Высшая школа экономики. — СПб., 2005. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.hse.spb.ru/edu/recommendations/essay-2005.phtml> (дата обращения 16.01.2013).
4. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания, Опыт педагогической антропологии. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://studentdream.narod.ru/ushi1.htm> (дата обращения 16.01.2013).

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕЩИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Миролюбова Лидия Романовна

*канд. филос. наук, доцент Балаковского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Саратовская обл., г. Балаково
E-mail: ostapec@bk.ru*

Конец XX — начало XXI веков знаменовали, в частности, новый этап в изучении вещной среды и ее элементов в отечественной гуманитарной науке.

Современная Россия столкнулась с реалиями общества «массового потребления». Государство в лице «рыночных» политиков и идеологов 90-х годов, отказавшись от коммунистических ценностей, предложило взамен губительную для России идею «рыночной» ориентации во всех сферах жизни общества. Коммерциализация культуры, фетишизм потребления, в том числе и вещный, пропаганда западного образа жизни — все это знаки духовного кризиса российского социума.

Со всей очевидностью обнаружился губительный разрыв между материальным и духовным. Философия духовности не игнорирует материальное начало в жизни человека и общества, но возвращает ему его истинное место и значение. Движение общества и личности к целостным формам бытия возможно в той степени, в которой удастся преодолеть вульгарно-материалистическое кредо: «Материальное первично, духовное вторично». Логика субординации в системе «материальное-духовное» лишена смысла в координатах бытия. Полагаю, что основной закон бытия человека и общества можно сформулировать следующим образом: «Материальное — это основа бытия, а духовное — цель». Только с таких концептуальных позиций можно раскрыть подлинную сущность вещи в различных социально-исторических контекстах. При этом обнаруживается, что проблема вещи как социокультурного феномена перерастает свое собственное содержание и поднимается до уровня экзистенциальной проблемы человека, постигающего мир и свое место в мире.

Отношения между человеком и вещью были всегда обусловлены конкретно-историческими базовыми ценностями как общества, так и человека. Общеизвестны такие типы этих отношений, как гедо-

нистические, аскетические, рациональные, нерациональные, иррациональные. Одним из первых, кто стоял у истоков понимания сущности взаимосвязи человека и вещи, был древнегреческий философ Протагор. Его идея «человек есть мера всех вещей...» многозначна, но несомненно, что она имеет и социокультурное значение.

История развития и современное состояние концепции вещи как социокультурного явления позволяют согласиться с мнением М. Эпштейна, высказанным еще в 80-е годы прошлого века, о необходимости развития реалогии — науки о вещах. Прошло более четверти века, но эта идея, к сожалению, не нашла поддержки в научных кругах. Одна из причин видится в трудностях методологического характера, обусловленных гносеологической необязательностью некоторых исследователей по отношению к категориальному аппарату проблемы, а также разобщенностью научных подходов к изучению вещи как социокультурного феномена.

Методологический смысл постановки вопроса о содержании понятия «вещь» видится в понимании вещи не как субстанциональной данности, а как полифункционального социокультурного явления, детерминированного не только витальными, утилитарными потребностями, но и многоплановостью общественных отношений, системой духовных ценностей [9, с. 24].

В специальной научной литературе выделяются два уровня исследования проблемы взаимосвязи человека и вещи: эмпирический и теоретический. Эмпирическая констатация бытия вещи на уровне явления правомерна для начального этапа исследования, но явно недостаточна. Осознавая это, представители различных наук стремятся к постижению сущностных отношений между человеком и его вещным окружением. Широта и многогранность проблемы способствовали становлению различных теоретических подходов к ее изучению: исторического, социологического, экономического, искусствоведческого, эстетического, семиотического и философско-культурологического. Каждый из них имеет свой аспект анализа проблемы.

Сразу же оговоримся, что речь идет именно о подходах, а не о методах изучения. Подход определяется предметным интересом той или иной науки и может опираться на самые различные методы (частные и общие) решения поставленных задач.

Обратимся к сущностной характеристике основных теоретических подходов к изучению вещи.

Исторический подход. В свете этого классического подхода вещь изучается как материальный артефакт, позволяющий понять

специфику быта, образа и качества жизни различных цивилизаций, культур прошлого.

Анализ исторического бытия вещей в различных социокультурных контекстах возможен только благодаря обращению к историческим источникам, которые традиционно подразделяют на вещественные, письменные, изобразительные.

Методологический аспект изучения вещественных источников характерен для работ зарубежных и отечественных историков [3]. При этом вещный мир предстает не только как технологические достижения цивилизаций, но прежде всего как свидетельство прошлых эпох, отражающее материальные и духовные потребности человека и общества, социокультурные функции вещей.

Вещный мир первобытного общества и древних цивилизаций стал предметом интереса таких исследователей, как К. Леви-Стросс, Ф. Энгельс, Э. Тайлор, Г. Вейс, Л. Морган, Г. Чайлд, Ю. Липс, Г. Кюн. Вещная среда в контексте отечественной истории нашла отражение в классических работах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М. Рабиновича, А. Косцовой, А. Терещенко, В. Седова, Т. Стриженовой, Я. Ривоша и др.

Особый интерес представляет уникальная академическая разработка О.М. Медушевской «Вещь в культуре: источниковедческий метод историко-антропологического исследования», в которой, во-первых, глубоко и всесторонне представлена методология исследования вещественных источников в свете достижений зарубежного и отечественного источниковедения, во-вторых, проанализирована на примере отечественной истории XI—XVIII веков специфика таких источников изучения вещи (вещной среды), как законодательные акты, летописи древнерусской литературы, таможенные книги, публицистика, записки иностранцев, мемуары, картографические документы и др.

Исторический подход к анализу вещной среды предполагает выявление не только закономерностей, но и синергетизма ее развития, диалектики традиций и новаторства, взаимосвязи мировоззренческой парадигмы с установками человека и общества в отношении вещной среды. Знакомство, к примеру, с концепцией Ж.-К. Гардена позволяет говорить о проблемности классификационной археологии, обусловленной обоснованием неоднозначного выбора средств представления артефактов в терминах описательного языка (естественного, документального, информационного) [6, с. 14].

Социологический подход. Вещь есть продукт общества и вне его существовать не может. Социальная обусловленность вещи предполагает ее изучение с социологической точки зрения.

Рассматривая вещь как социокультурный феномен, исследователь обязан выявить ее место и роль в системе взаимосвязи личности и общества, раскрыть причины социальной трансформации вещи и ценностных установок человека в различных социально-исторических системах.

В структуре западной социологии особое место занимает «критическая теория» Франкфуртской школы (В. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас), направленная, в частности, против общества «массового потребления», породившего «одномерного человека», консьюмеризм как мировоззренческое кредо постиндустриального общества.

Что же касается судьбы социологии в СССР, то она была трагична в силу известных причин. Достаточно напомнить о высылки из страны в 1922 году известных социологов П. Сорокина, Ж. Гурвича, Н. Тимашева.

Однако в работах советских исследователей 20-х—30-х годов уже ставились вопросы о социальном синтезе, единстве человека и вещной среды на основе новой социальной организации общества (Б. Арватов, А. Воронский, И. Маца, И. Хвойник, Д. Аркин) [10]. Единодушно признавалась принципиально иная основа взаимосвязи человека и вещи в социалистическом обществе, которая «уничтожает господство вещей над человеком, освобождает его из-под власти их, заменяет эту власть *непосредственными*, свободными и равными отношениями между людьми. Религия капиталистического общества — фетишистское отношение к вещам... Такому фетишизму вещей социалистическое строительство полагает конец» [5, с. 163].

Идеи «антивещизма» в работах упоминаемых авторов отнюдь не были тождественны пролеткультовским идеям метафизического отрицания вещи в системе культуры. Это была объективная критика принципов буржуазного бытоустройства (потребительской психологии, вещного фетишизма, стихийности и эстетского стилизаторства) и антигуманных отношений человека и вещи в условиях капиталистического общества.

Бесспорно интересным представляется положение о диалектике социального в вещи. Так, Д. Аркин подчеркивал, что бытовая вещь не ограничивается техническим, т. е. утилитарным, обслуживанием человека, «она обслуживает его и в идеологическом смысле» [2, с. 109].

Одним из первых, кто четко сформулировал цель социологического изучения материальной культуры в целом и вещи, в частности, был А.Б. Салтыков, выдающийся исследователь декоративного искусства. Эта цель, по его мнению, заключалась в необходимости

«понять законы жизни... вещевых комплексов, связь их с обществом, установить зависимость между обществом и вещами» [7, с. 30].

Однако в силу известных причин многие социологические вопросы не могли быть поставлены, тем более, решены. Это относилось, прежде всего, к теоретико-методологическим аспектам социологии вещи.

В шестидесятые — семидесятые годы XX века после длительного перерыва актуализировались потребности в социологическом изучении вещной среды [8].

В условиях современной России особое значение приобретает социологический подход к анализу феномена потребления и его роли в трансформации социальных отношений [1]. К сожалению, социальные практики частнособственнических отношений таковы, что, порождая, с одной стороны, личную независимость, а с другой, вещную зависимость, они тем самым способствуют формированию одномерного человека-*Homo consumens*. Последствия такого противоречия для человека и общества крайне опасны, т. к. извращается духовная составляющая общества и разрушается многомерность человека.

Экономический подход. Источником социального бытия вещи в системе социума является диалектика производства и потребления, объективно предполагающая ее экономический анализ. Первыми, кто раскрыл специфику взаимосвязи человека и предметной среды (вещи) в различных социально-экономических системах, были К. Маркс и Ф. Энгельс.

В первобытном обществе между человеком и вещью существовала относительная гармония, т. к. человек всегда выступал как цель производства. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывал на то, что коллективный характер производства влек за собой господство производителей над производственным процессом и продуктом производства. В этих условиях вещи не выходили из-под контроля человека, не наделялись силами, вовсе им не присущими. Но постепенно в этот процесс проникает разделение труда, следствием которого явилось производство прибавочного продукта, породившего, в свою очередь, обмен и одновременно с ним — частную собственность: «Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним... Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения» [4, с. 113]. Вещь становится товаром, так как ее производство обусловлено, прежде всего, продажей.

Каждая вещь–товар обладает потребительской стоимостью, удовлетворяющей различные потребности людей и превращающейся тем самым в общественную потребительскую стоимость. Очень многие исследователи подвергли справедливой критике товарный фетишизм, однако основания этой критики были разные. Так, в теории К. Маркса и его последователей отмечалось, что товарный фетишизм обусловлен капиталистическим отчуждением труда и эксплуатацией человека. И далее предлагалась утопическая идея устранения антагонистических отношений между человеком и его вещным окружением в условиях коммунистического общества, в котором общественное производство будет служить средством гармоничного и всестороннего развития личности, наиболее полного удовлетворения ее материальных и духовных потребностей.

Однако, социализм, уничтожив частную собственность и антагонизм классов как основу товарного и вещного фетишизма, не смог до конца устранить в силу известных причин дисгармонию человека и вещной среды.

Английский экономист Дж. М. Кейнс обратил внимание, в частности, на роль национального дохода, потребления, сбережения и инвестиций в формировании экономической активности. Основная причина экономической депрессии, по его мнению, заключалась в сокращении совокупного спроса. Объем потребительского спроса, обусловлен «склонностью к потреблению» и «основным психологическим законом», гласящим, что при росте дохода страны увеличивается в нем доля личного потребления [11, с. 42]. Исходя из идей кейнсианства, можно понять причину «вещного» взрыва на Западе в 60-е годы XX века и в постсоветской России.

Т. Веблен, один из основоположников институционального направления в экономической теории, отмечал две стороны потребления: показную или демонстративную и скрытую. «Потребление показное» присуще «праздному классу» и позволяет ему демонстрировать с помощью вещей-товаров и услуг свою значимость. Потребители среднего класса пытаются подражать в этом направлении. Так, психологическая зависимость в демонстрации вещного престижа стимулирует закон спроса. В то же время «в результате того предпочтения, которое отдается демонстративному потреблению, семейная жизнь многих классов сравнительно убога в контрасте с той блистательной частью их жизни, которая проходит на виду» [12, с. 64].

Таким образом, экономический анализ вещи в системе производства и потребления позволяет выявить тенденции не только удовлетворения, но и формирования потребностей в вещах, имеющих

гуманистический смысл лишь тогда, когда они служат воспитанию социально активной, духовно богатой личности.

Искусствоведческий подход. Художественный опыт человека опредмечивался и в вещах, которые благодаря этому становились произведениями прикладного и промышленного искусства. Существование вещей как декоративно-прикладных ценностей создало возможности для искусствоведческого анализа артефактов прикладного искусства (одежды, тканей, мебели, посуды, утвари, бытовых инструментов, орудий, приборов и пр.). Искусствоведческий подход традиционно выступает в трех формах: исторической, эмпирической и теоретической.

Исторический взгляд на произведения прикладного и промышленного искусства позволяет зафиксировать эволюцию вещных форм, смену стилей и направлений, развитие способов художественной обработки материалов, особенности творчества конкретного мастера, художника [13].

Эмпирическое искусствоведение описывает отдельные вещи со стороны внешних связей, явлений, доступных живому созерцанию. Теоретический же уровень изучения вещи выявляет специфические закономерности ее развития [14]. Вне интересов искусствоведения остаются общие закономерности развития искусства, то, что объединяет произведения прикладного и промышленного искусства с другими видами искусства.

Эстетический подход. Наукой, способной преодолеть односторонность искусствоведческого подхода к вещи, выступает эстетика, интерес которой направлен на общие законы художественной деятельности человека, на инвариантное, устойчивое, встречаемое в различных видах искусства, в том числе и в прикладном.

При эстетическом подходе главными становятся проблема морфологии прикладного искусства, его бытия в двух формах — монофункциональной и бифункциональной (терминология М. Кагана); соотношения утилитарных и духовных потребностей, пользы и красоты; специфики вещи как эстетического объекта; наконец, особенностей эстетического воспитания личности в вещной среде и др. [15].

Семиотический подход. С возникновением в XX веке науки, изучающей законы образования и функционирования знаковых систем, стал возможен семиотический подход к изучению культуры, в том числе и вещи как элемента последней.

Семиотика, в отличие от частных наук, обращающихся к знаку с позиций предметного интереса, исследует общую природу знаков,

общие законы их использования, создает типологическую модель знаков и знаковых ситуаций.

Одним из общепринятых определений знака является такое, в котором под знаком подразумевается предмет, замещающий, представляющий другой предмет, процесс, идеи (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Э. Бенвенист, А. Ветров и др.). К характерной особенности знака относится то, что он обладает предметным и смысловым значением.

В работах зарубежных и отечественных авторов содержится интересный материал об эволюции вещей как семиотических ценностей, о коммуникативной структуре вещи [16].

Анализ значений вещи в системе общества и культуры позволяет сделать вывод о целостности и замкнутости семиотической модели вещной среды в древних и «примитивных» цивилизациях. Что же касается современной вещной среды, то она претерпела существенные изменения: неизмеримо «разрослась» количественно и стала неоднородной качественно. И это привело к тому, что наиболее типичной коммуникативной ситуацией в мире вещей стали состояние знакового хаоса, разновекторность отдельных коммуникативных аспектов вещи. Причем это состояние характерно как для западного, так и современного российского социума. Познание закономерностей внутреннего строения вещной среды в семиотическом аспекте будет способствовать как преодолению «раскола» внутри нее, так и обоснованию стилевой целостности этой среды.

В конечном итоге, на знаковую аксиологию вещи влияет не только значимость того, что она замещает в общей социокультурной системе кода, но и многозначность отношения содержания и выражения, или, говоря словами поэта В. Жуковского, «присутствие создателя в созданье». Следует уточнить, что ценность знаковой функции вещи обусловлена не только мерой опредмечивания в ней сущностных сил человека, но и мерой распредмечивания их в системе социокультурных коммуникаций.

Итак, вещь изучается представителями самых различных наук: истории, социологии, экономической теории; искусствознания, эстетики, семиотики. Не вызывает сомнения ценность достижений каждой из них в изучении вещи. Однако создание целостной теории вещи видится в преодолении ограниченности отдельных подходов, в комплексном решении проблемы на основе ее философско-культурологического осмысления.

Философско-культурологический подход.

Философско-культурологическое изучение вещи означает выявление источника, механизма и направленности развертывания

сущностных сил человека. Культура же выступает в качестве меры развития этих сил. Отсюда правомерен интерес к вещи как к «определенной деятельной сущности человека». В процессе освоения вещи, вещной среды человек «распредмечивает» сущностные силы других людей, делает их своим достоянием и тем самым получает возможность дальнейшего собственного развития. Процесс освоения социокультурных вещных форм не тождественен в различных социальных системах. Общество, лишенное подлинной духовности, не имеет основы для реальной гармонии человека и вещи. Современное общество массового потребления становится антигуманным по отношению к родовой сущности человека, его экзистенциальному предназначению. К сожалению, знаменитая антропологическая идея Протагора «Человек — мера всех вещей» подвергается сомнению максимой Номо consumens «Вещь есть мера человека». Только новая парадигма духовности способна преодолеть эту дихотомию.

Философско-культурологический подход позволяет определить место и роль вещи в общем строении культуры, обнаружить зависимость вещей от ценностей, норм, идеалов того общества, к которому они принадлежат. Кроме того, осмысление онтологии вещи в свете историко-культурологического опыта немислимо вне изучения культурных традиций и взаимовлияний, культурных модификаций в масштабах вещной подсистемы общечеловеческой культуры и в границах конкретных субкультур (социума, социальной группы, отдельного человека).

Таким образом, проблема вещи как социокультурного явления перерастает свое собственное содержание и поднимается до уровня проблемы человека как деятельно-творческой личности. Интегрирующей функцией вещи становится человекотворческая функция. Наиболее ярко эта функция проявляется на уровне *знаково-коммуникативных* связей вещи с человеком.

Построение целостной теории вещи как социокультурного феномена должно способствовать не только выявлению сущности и типологии взаимосвязи человека и вещи, но и практическому преобразованию этой взаимосвязи с позиций гуманистического идеала личности, общества и культуры, с позиций общечеловеческих ценностей.

Однако современная цивилизация обострила, в частности, вопрос о соотношении быта, повседневности и бытия человека в свете противоречия между материальными и духовными ценностями.

Экзистенциальные проблемы человека будут бесперспективны в условиях дальнейшего формирования личности тотального потребителя и потребительского образа жизни.

Институту потребления необходимо вернуть его естественные функции здесь существенную роль должны сыграть государство, религия, семья, СМИ и иные общественные структуры, принципиально иная система воспитания во всех сферах жизнедеятельности личности и общества.

Список литературы:

1. Аветисян М. Социоидеологическая система вещей и потребления. Модель отношений / Ломоносовские чтения. Т. 1. — М., 2002; Василенко О.В. Потребительское поведение в современной России: проблема выбора в условиях риска: автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. — Волгоград, 2008; Рощина Я.М. Социология потребления. — М., 2007; Тихазе В., Курилов А. Человек в мире вещей. — М.: ДЕПО, 2010.
2. Аркин Д. Искусство бытовой вещи. — М., 1932.
3. Бернгейм Э. Учебник исторического метода: в русском переводе основные положения учебника были опубликованы: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. — Спб.: Вестник знания, 1908.; Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I—II. Спб., 1910—1913; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / Данилевский И.Н., В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2008. и др.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 21.
5. См.: Новицкий П. Строительство социализма и стиль современной архитектуры. — Печать и революция. — 1928. — № 1. С. 64; Аркин Д. Мечты о новом стиле. (Искусство вещи на Западе) // Печать и революция. — 1929. — № 4.
6. См.; Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. — М.: Прогресс, 1983.
7. Салтыков А.Б. Опыт социологического изучения посуды // Декоративное искусство СССР. — 1973. — № 3.
8. См.: Кантор К.М. Красота и польза (Социологические вопросы материально-художественной культуры). — М., 1967; Тихонов В. Жилая среда: реальность и проблемы // Декоративное искусство СССР. — 1974. — № 5; Кропивницкий Л. Художественное осмысление жилого интерьера // Декоративное искусство СССР. — 1975. — № 1; Левинсон А. Живые квартиры // Декоративное искусство СССР. — 1975. — № 5.
9. См. подробнее: Миролубова Л.Р. Вещь как социокультурный феномен: монография. — Саратов: Издательский центр «Наука», 2011.
10. См. подробнее: Миролубова Л.Р. Вещная среда как феномен культуры: монография. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1986.
11. См.: Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Эксмо, 2007.
12. См.: Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Издательство Прогресс, 1984.

13. См.: Всеобщая история искусств. В 6-ти т. — М., 1959—1966; Гизе М.Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX века. — Л., 1978; Русская художественная культура конца XIX — начала XX века. В 4-х т. — М., 1968 — 1980; Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства. — М., 1982; Фокина Л.В. История декоративно-прикладного искусства. — М.: Феникс, 2009.
14. См.: работы: М.В. Алпатова, Д. Аркина, П.Г. Богатырева Н.В. Воронова, К.М. Кагана, О.С. Поповой, Н.Н. Соболева, А.Б. Салтыкова, С.М. Темерина, А. Чекалова и др.
15. См.: Аркин Д. Искусство и производство. — № 1. — 1921; Молчанова А.С. На вкус, на цвет... Теоретический очерк об эстетическом вкусе. — М., 1966; Кучерюк Д. Эстетичне сприйняття предметного середовища. — Київ, 1973; Каган М.С. Морфология искусства. — Л., 1972; Миролюбова Л.Р. Социально-эстетическая природа бытовой предметной среды. — В кн.: Этика и эстетика. — Киев, 1977, вып. 20; она же: Вещная среда и эстетическое воспитание личности. — В кн.: Эстетическое воспитание студентов. Теория, опыт, прогнозы. — Свердловск, 1983; Ковешникова Н.А. Дизайн. История и теория. — М.: Омега-Л, 2009.
16. См.: Норцов А. Значение военного мундира как символа и некоторые тамбовские военные акты. — Тамбов, 1911; Фрейденбер О. Семантика первой вещи // Декоративное искусство СССР. — 1976. — № 12; она же: Поэтика сюжета и жанра. М., 1997; Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры. — Труды по знаковым системам. — Тарту, 1967, вып. 3; он же: История и типология русской культуры: Семиотика и типология русской культуры: Семиотика и типология культуры. Искусство — СПб, 2002; Кнабе Г. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. — 1985. — № 1.; Лободанов А.П. Прикладные искусства: Лекции по семиотике. Вып. III. — М.: Изд-во МГУ, 2007; Миролюбова Л.Р. Социокультурная обусловленность вещи в искусстве // Международный информационно-аналитический журнал «Креативная экономика и социальные инновации». — 2012. — № 1 (2) [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.si-vshpp.pf/cesi/>.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Цыпкин Владимир Васильевич

*учитель истории и обществознания, ГБОУ ЦО № 1447
им. Н.А. Островского
г. Москва*

E-mail: vasilichst@rambler.ru

В создании фольклорных сюжетов, как правило, принимали участие широкие народные массы, в первую очередь, крестьянство, и это наложило отпечаток на форму и содержание сказок, где наряду с вечными философскими категориями добра и зла, богатства и бедности и т. д., довольно ярко и не всегда однозначно выражено отношение крестьян к барину. Сказка — абстрагированная форма местного предания, представленная в более сжатой и кристаллизованной форме. Изначальной формой фольклорных сказок являются местные предания, парапсихологические истории и рассказы о чудесах, которые возникают в виде обычных галлюцинаций вследствие вторжения архетипических содержаний из коллективного бессознательного.

При всем многообразии региональных и локальных форм фольклору присущи общие черты, такие как анонимность, коллективность творчества, традиционность, тесная связь с трудовой деятельностью, бытом, передача произведений из поколения в поколение в устной традиции.

В русской фольклорной прозе есть два многожанровых вида: проза сказочная и не сказочная. Отличает их то, что они выполняют разные функции: сказочная проза — функцию эстетическую и не сказочная проза — информативную. «Сказки, в свою очередь, обычно делят на три основные группы — сказки о животных, волшебные и бытовые. Их объединяет один признак: речь идет о выдуманном и невозможном» [1, с. 92—93]. Рассматриваемая социальная связка «барин-крестьянин» отражена, в основном, в бытовых сказках; в них воспроизводятся картины обычной жизни — без фантазии, характерной для волшебных сказок, и без комического фрагмента, свойственного сказкам о животных.

Основная составляющая сюжета данных сказок представляет собой житейские познания, опыт, остроту ума и его гибкость. И здесь традиционно торжествует «низкий» герой: девушка-крестьянка или сообразительный мужик оказываются мудрее барина. Можно

сказать, что в таких сказках воплотилась наивная мечта народа о «справедливом» перераспределении богатств и сословных привилегий по уму и личным достоинствам.

В своем сборнике русских народных сказок Ю.М. Соколов собрал более 60 произведений сказочной прозы. Можно отметить сравнительно небольшое количество записанных сказок о русском помещике. Например, о попе и мужике их значительно больше. Соколов, несмотря на идеологическую специфику времени написания предисловия к указанному сборнику (1931 г.), в целом справедливо отмечал: «...нужно заметить и по поводу сказок о барах, что мы располагаем материалом, значительно меньшим, чем это было в свое время в реальной действительности. Причин этому несколько. Одна из них, думается, главная — классовый состав собирателей сказок в ту эпоху, когда сатирические сказки о барах должны были быть особенно актуальны, т. е. в первой половине и в середине XIX в. Собиратель, дворянин-помещик, как бы либерален он ни был, естественно, не мог сам с нарочитым интересом относиться к собиранию мужицких сказок о барах-помещиках, а с другой стороны, и крестьянин-сказочник не имел, надо полагать, также большого желания рассказывать собирателю-помещику сказки с подчеркнутой классовой противодворянской тенденцией» [2, с. 8].

В крестьянском сознании любой дворянин из города ассоциировался с человеком «голубой крови», находящимся во власти или близко стоящим к ней. Реальной критики или сарказма в адрес помещиков в большей части случаев нельзя было услышать. Отсюда, вероятнее всего, определенное число сказок о барине и помещицкой власти не дошли до нас в записи.

Из 60 рассматриваемых произведений сказочного цикла о барине, по классификации Ю.М. Соколова, 8 (13,3 %) — о барской жестокости, 11 (18,3 %) — о помещицкой жадности, 12 (20 %) — о барской спеси, 3 (5 %) посвящены барскому безделью и 23 (48,4 %) — барской глупости [2, с. 12].

Значительное число сказок в рамках данного цикла посвящено барской глупости, где высмеивались бесхозяйственность помещиков, отсутствие знаний бытовой жизни. Это показывало превосходство крестьянской житейской хватки и ума. Пусть хотя бы в сказках крестьянин помыкает помещиком, отражая таким своеобразным образом свое стремление доказать, что он не «двуногая скотина» и не «крещенная собственность», а личность с серьезными социальными ожиданиями. По смыслу данная категория сказок очень близка к сказкам, где демонстрируется барская глупость [1, с. 476].

Крестьянские смекалка и хитрость, восхваляемые в сказках, не всегда являлись оружием против барской жадности. Нередко крестьянская житейская хитрость была направлена на неприкрытое объегоривание помещика с целью получения определенных благ. В этом случае в ход зачастую шла откровенная ложь. Два противоположных мира в русской деревне продолжали сосуществовать рядом друг с другом, не понимая и не принимая ценности другой стороны. И. Кошелев по этому поводу отмечал: «Итак, недостаток правды в нашем быту вообще не подлежит никакому сомнению но отчего это происходит?»

Оттого ли, что мы по природе неправдивы, или от того, что мы таковыми стали вследствие обстоятельств, при которых отцы наши и мы жили и при которых мы и ныне обретаемся?..

Первым, самым действенным из этих обстоятельств есть, конечно, крепостная зависимость, тяготевшая, в продолжении многих веков, на русском народе, проникая во все проявления и отправления его жизни, и еще далеко не вполне у нас отмененная. Владение одних людей другими было злом не частным, касавшимся одного или двух состояний и только в известных каких либо отношениях портившим их нравственность. Нет, это было злом, искажавшим нравственность всех состояний... При существовании в обществе лжи, допускавшей принадлежность одного лица другому, узаконившей право последнего распоряжаться судьбою первого и его семейства и безнаказанно наносить им всякие обиды; ...и при господстве произвола над законом, — могла ли в чем-либо быть правда?» [3, с. 340].

Помещики видели в крепостных исключительно физическую силу, необходимую для выполнения определенного круга обязанностей. Поэтому крестьяне не воспринимали сиюминутное проявление барской милости как что-то постоянное и имеющее реальное нравственное начало. Следовательно, существовала разница между помещиком и крестьянином в понимании добра и зла. Сословно-корпоративные ценности, чувство сословной принадлежности не могли исчезнуть у поместных дворян в одночасье.

Подводя итог, следует отметить, что фольклор, в частности сказки, являются ценным источником, в первую очередь, в рамках изучения повседневных контактов помещиков с крестьянами.

Основная же часть народных сказок четко отражает существование в русской деревне двух социопсихологических миров — помещика и крестьянина. При этом крестьянин видит в помещике исключительно эксплуататора, бездельника. В отдельных сказках отчетливо просматривается социальное расслоение общества.

Все это дает возможность более детально исследовать природу крестьянских представлений о помещике. Издавна сказки были близки и понятны простому народу. Фантастика переплеталась в них с реальностью. Живя в нужде, люди мечтали о коврах-самолетах, о дворцах, о скатерти-самобранке. И всегда в русских сказках торжествовала справедливость, а добро побеждало зло. Не случайно А.С. Пушкин писал: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Сказки являются историческими источниками, указывающими на определенные общественные отношения или исторические события.

Список литературы:

1. Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. — М., 2004.
2. Русская сатирическая сказка в записях середины XIX — начала XX века /сост. Молдавский. — М. — Л., 1955.
3. Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. Серия: тайны Российской империи. — М., 2011.

КУЛЬТУРА В КОНЦЕПЦИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Яковлева Людмила Александровна

*аспирант Тюменской государственной академии культуры,
искусств и социальных технологий,
г. Тюмень*

E-mail: yalusil@yandex.ru

Сегодня перед наукой, как отечественной, так и зарубежной, стоит проблема обозначения переломного момента в истории, перехода к очередной стадии развития и поиска направления вектора данного развития. Беспрецедентные изменения, произошедшие в последние 30—40 лет, не укладываются ни в одну из концепций индустриализма как такового.

Так, по словам В.А. Емелина, в противовес индустриальной, в 70-е и 80-е годы в форме футурологической и социологической теории развивается концепция постиндустриального общества, призванная описать воздействие новейших информационных технологий, где «ключевая роль отводится информации и электронным средствам, обеспечивающим техническую базу для ее использования». В этой связи, широкое распространение приобретает термин «информа-

ционное общество», «использующийся для обозначения цивилизации, в основе развития и существования которой лежит особая субстанция, именуемая «информацией», которая обладает свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром и, тем самым, определяет одновременно и социокультурную жизнь человека, и его материальное бытие». Теоретики постиндустриального общества высказывают различные мнения по поводу названия новой стадии социального развития. Для ее характеристики наряду с понятием «информационное общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация», «общество третьей волны» (Тоффлер), «научное общество» (М. Понятовский), «телематическое общество» (Д. Мартин), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «посткапиталистическое» (Р. Дарендорф), «постцивилизационное» (К. Боулдинг), «постэкономическое» (Г. Канн) и другие [3].

Однако заслуга по части популяризации термина «постиндустриальное общество» принадлежит Д. Беллу, обозначившему в качестве основы структуры общества три сферы, такие, как политика, экономика (технично-экономическая сфера) и культура [1, с. 15]. Разделение этих сфер основано на аналитическом принципе, позволяющем «более глубоко проникнуть в суть происходящих в обществе процессов, чем попытки вывести все общественные явления из некоего единого источника» [1, с. XVIII]. Для теории Д. Белла характерно то, что экономический базис не рассматривается им в качестве основы жизнедеятельности общества.

Культурная сфера, по словам автора, «это область значений: воображения, воплощенного в литературе и искусстве, нравственных и духовных понятий, кодифицированных в религиозных и философских учениях». Изменения в ней, по мнению Д. Белла, обусловлены воздействием трех факторов: «традиции, которая стоит на страже существующих порядков и определяет, что из нововведений принять, а что отвергнуть; имманентности, которая выражается внутренним развитием формы; и синкретизма, представляющего собой широкое заимствование и смешение стилей и артефактов, как, например, в спорте и массовой культуре» [1, с. CXXLI].

В качестве главных особенностей постиндустриального общества автор приводит в пример широкое развитие сервисной экономики, изменение профессиональной направленности деятельности в целом, а также формирование господствующего технократического класса правителей-ученых, т. е. становление меритократии [1, с. CLV-CLVIII]. Таким образом, становится понятно, на какой основе возможно трансформация общественных структур и формирование общества

знания. С приходом новой эпохи совершается революция в образе жизни, который «в значительной мере обусловлен доминированием когнитивного и теоретического знания». Такое положение дел, по мнению Д. Белла, «неизбежно бросает вызов культурной тенденции, стремящейся к возвышению личности, становящейся все более противоречивой и антиинституциональной» [1, с. 17].

Большое значение в концепции Д. Белла имеет то, что доиндустриальный этап развития общества подразумевает «взаимодействие человека с природой», индустриальный — «взаимодействие человека с преобразованной природой», а постиндустриальный — «игре между людьми» [1, с. 150]. Данная схема, предложенная Д. Беллом, раскрывает суть преобразований, которые должны произойти при становлении коммуникационной, игровой, информационной эпохи, подразумевающей прежде всего расцвет креативной, творческой подоплеки формирования отношений между людьми. Это является знаком перехода к эпохе доминирования культуры во всех аспектах ее проявлений, идет ли речь об актуализации моральных и ценностных ориентиров, обращении к искусству или о построении производственных отношений.

Д. Белл отмечает: «Для общества, группы людей или отдельной личности культура представляет собой непрерывный процесс поддержания собственной неповторимой индивидуальности, основанной на гармоничном единстве, которое достигается благодаря стройной системе эстетических взглядов, нравственных оценок своей сущности и стилю жизни... Таким образом, культура — это сфера ощущений, эмоций и нравственности, а также интеллекта, стремящегося упорядочить эти чувства» [6, с. 33].

Действительно, современный человек все более и более в своем поведении отдаляется от принципов массового индустриального общества, что связано с появлением новых или своеобразной «реинкарнацией» устаревших с позиции индустриализма ценностей и ориентиров, таких, как дом и семья. Большое внимание в новой эпохе отводится средствам массовой информации. Так, по мнению Э. Тоффлера, в данном отношении происходят процессы, связанные с демассификацией. По его мнению, для общества «третьей волны» наиболее характерны процессы индивидуализации, главной особенностью которой является широкое распространение малотиражных изданий, каналов, направлений в искусстве, ориентированных на узкие специализированные круги читателей.

В такой ситуации каждый в какой-то мере может стать автором, а значит и персонажем медийной реальности, которая служит одним

из главных инструментов «становления понятий о ценностях и антиценностях, а также развития отношений посредничества». Медиа-инфраструктура является «связующей нитью между специализированной и неспециализированной культурой, выраженной в тиражировании, трансляции, распространении ценностей, создаваемых профессиональными работниками культуры, включая писателей, музыкантов, актеров, режиссеров и т. д.». В связи с современным положением дел можно сделать вывод о параллелизме развития социальной и медийной реальностей: «Смысловые орудия, также начиная со скромной роли инструментов, связывающих уже социализированного человека с его второй, социальной реальностью, постепенно становятся новой средой обитания «человека медийного». Таким образом, человек современный становится свребразным продуктом «филогенетической медиализации» [4].

Профессиональная среда под влиянием культурной составляющей, видоизменяется. Так, одной из тенденций является возрастание роли творческой индустрии, а значит появляется необходимость в увеличении специалистов, обладающих способностью работать на уровне «средней креативности», которая «заполняет многочисленные технологические разрывы в сложнейших разнохарактерных процессах» сферы производства. Происходят процессы взаимопроникновения экономической и культурной составляющих. В частности, оно проявляется в возникновении таких промежуточных сфер, как «мода, создание медийных продуктов, реклама, финансовые проекты, в которых все традиционные «отраслевые» границы размыты». Для предпринимательской деятельности характерно появление «творческих» компонентов, действующих не только на принципах расчета и статистики, но и на интуиции; свободном графике работы, позволяющем людям работать в то время, которое им кажется наиболее продуктивным, образном моделировании, визуализации и других творческих приемах планирования и управления деятельностью. В художественной деятельности актуальными становятся такие элементы производства, как «планирование творческих достижений, маркетинг и реклама, экономические соображения как элемент принятия творческих решений, бухгалтерские навыки и пр.» [2].

На сегодняшний день становится очевидным взаимопроникновение различных сфер общества. Культура же представляет собой сплав, в основе которого лежат четкие и строгие моральные и нравственные установки, традиции. Периферия, таким образом, может без большого вреда для структуры в целом видоизменяться

благодаря новым включениям извне и комбинации «элементов» основы. Стоит сказать о том, что подобная «пластичность» не столь характерна для экономики или политики. Именно поэтому доминирование культуры на фоне становления постиндустриального общества знания, поражающего скоростью развития инновационной сферы, вполне объяснимо.

Список литературы:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. [Текст]: [пер. с англ]. / Д. Белл; [ред. и вступ. ст. В.Л. Иноземцева]. — Москва: Academia, 1999. — 956 с. (CLXX с., 788 с.). ISBN 5-87444-203-0.
2. Высоковский А.А. Креативность как ресурс. [Электронный ресурс] / А.А. Высоковский // Отечественные записки. — 2005. — № 4 (24). — Официальный сайт журнала «Отечественные записки» — Режим доступа: URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1105>.
3. Емелин В.А. Постиндустриальное общество и культура постмодерна. [Электронный ресурс] // В.А. Емелин — Официальный сайт портала «Постмодернизм» — Режим доступа: URL: <http://emeline.narod.ru/postindustrial.htm>.
4. Прохоров А.В. Третья реальность. [Электронный ресурс] / А.В. Прохоров // Отечественные записки. — 2005. — № 4 (24). — Официальный сайт журнала «Отечественные записки» — Режим доступа: URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1095>.
5. Тоффлер Э. Грядущее Третья волна [Текст]: [пер. с англ]. / Э. Тоффлер. — Москва: АСТ, 2010. — 784 с. — ISBN 978-5-17-062498-0.
6. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. [Текст] / D. Bell — N.Y.: Москва: Twentieth Anniversary Edition., 1996. — 400 p.

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В ДЕТСКОМ САДУ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ахтырская Юлия Викторовна

*воспитатель, руководитель информационно-образовательного
центра «Русский музей: виртуальный филиал»
ГБДОУ детский сад № 62 Приморского района
г. Санкт-Петербурга
E-mail: jull2000@mail.ru*

Музейная педагогика сегодня востребована всеми российскими музеями и образовательными учреждениями различных видов. Перспективы для развития музейной педагогики связаны с освоением современными музеями виртуального пространства и формированием так называемой «виртуальной музейной педагогики».

Организационной основой виртуального музея являются: сайты реальных музеев; сайты в глобальной сети Интернет, не имеющие реального аналога; слайд-шоу или слайд-показы; компьютерные программы; видео CD, DVD (диски).

Современные компьютерные технологии позволяют увлекательно и полно представить музей, его коллекции, отдельные предметы и информацию о них.

Современные тенденции

Компьютерные программы

Используя в работе музейного педагога ДОУ медиатеку проекта «Русский музей: виртуальный филиал», а, в частности, раздел «Виртуальный мир Русского музея» можно сделать выводы о том, что он представлен на высоком современном техническом уровне, но, не смотря на демонстрацию интерьера и объектов с наиболее интересных выигрышных точек, создание «эффекта присутствия», расширение представлений о культурной и исторической ценности музейного собрания, высокую концентрацию внимания в связи

с отсутствием сторонних шумов, большое количество наглядного материала для лучшего усвоения информации, детям дошкольного возраста виртуальные экскурсии представляют ограниченные впечатления.

Таким образом, абсолютизировать даже такое «продвинутое» виртуальное общение с ценностями культуры, которое предлагают Лувр, Русский музей и Эрмитаж, не стоит, так как «любое общение детей с произведением искусства через Интернет является суррогатом настоящего восприятия искусства» [4, с. 19].

Несомненно, разработчики концепции виртуальной экскурсии полагаются на два основных канала информации — зрение и слух, при этом главной задачей для них является сформировать у ребенка интерес и желание проверить свои впечатления в «живом» общении с музеем [2, с. 147]. Ребенок старшего дошкольного возраста уже имеет небольшой жизненный опыт видения окружающего мира и способен отличить то, что он видит на экране, от реального подлинного объекта.

Целью исследования было проведение анализа представлений детей старшего дошкольного возраста о произведениях искусства, изучаемых в процессе виртуальных экскурсий, в сравнении с посещением музея. Исследование затрагивало 4 аспекта: площадь помещения, размер картины, объемность мазков и цвета. Методы исследования — беседа и наблюдение.

Выборку составили 58 детей 6—7 лет. Для достоверности проведенного исследования были выбраны дети, ранее не посещавшие художественного музея. В целом, таких детей много: согласно анкетированию «Активный отдых» в апреле 2012 года только 7,4 % семей воспитанников указали посещение музея.

Количественный анализ исследования «Я побывал в виртуальном музее» свидетельствуют о том, что достоверное представление о площади помещения имеют 52 % детей, правильно оценить размер картины могут лишь 30 % дошкольников, объемность мазков (отсутствующий компонент в виртуальном видении картины) верно оценивают 11 % воспитанников.

Восприятие используемых художником цветов зависит от угла обзора, количества отображаемых цветов, контрастности, яркости, индивидуальных особенностей монитора [3, с. 34]. Правильно оценивают цвета 72 % детей. Это свидетельствует о хорошем качестве используемых для виртуальных экскурсий компьютеров в ДОУ.

Выявленные в ходе исследования недостатки в восприятии детьми произведений искусства, «оголяют» проблемы и дают повод для более углубленной дальнейшей работы музейного педагога на экспозиции музея и в ходе виртуальных экскурсий.

В целом, работа с произведением искусства в сети Интернет должна осуществляться либо как подготовительная или закрепляющая восприятие этого произведения в реальности, либо в качестве замены восприятия реального произведения искусства при невозможности увидеть в подлиннике.

Слайд-шоу или слайд-показы

ГБДОУ детский сад № 62 Приморского района Санкт-Петербурга работает по программе «Сообщество», базирующейся на современной образовательной технологии «метод проектов». Практические домашние творческие задания, подготовленные детьми старшего дошкольного возраста совместно с родителями оформляются посредством программы Microsoft PowerPoint. Полученные слайд-шоу являются основой для проведения детьми виртуальных экскурсий.

Таким образом, создавая совместные проекты виртуальных экскурсий по различным темам проектов («Зимний лес», «Молочные реки», «Экскурсия по пушкинским местам», «Детский сад» и пр.), дети углубляют полученные знания, осваивают приемы, методы исследовательской деятельности и навыки использования компьютера.

Например, с помощью виртуальной экскурсии по детскому саду можно заглянуть на кухню, в подвал и в кабинет заведующей. Такие экскурсии интересны детям и расширяют их представления об окружающем мире.

Родительские собрания с применением виртуальных экскурсий

Активно строящийся Приморский район имеет площадь 109,87 км² и население 507,2 тысяч человек. Район застраивается современными жилыми домами и очень часто дети и их родители не знают памятных, интересных, знаменательных мест района. Применение виртуальных экскурсий «Из истории Приморского района», «Интересные места Приморского района», «Куда пойти пешком?», созданных на основе программы Microsoft PowerPoint, поможет родителям познакомиться с районом и выбрать совместную с ребенком прогулку выходного дня.

Перспективные направления

Организация детско-родительского конкурса виртуальных экскурсий

Одним из перспективных направлений в работе ДОУ является организация детско-родительского конкурса виртуальных экскурсий. Его целью является формирование познавательного интереса и развитие ИТ-компетентности родителей и детей.

Задачи конкурса:

- повышение роли исследовательской и прикладной деятельности семей воспитанников;
- создание условий для творческого развития детей;

Принять участие в конкурсе может ребенок ДООУ любой группы совместно с родителями.

Номинации конкурса могут быть различными: «Осень листья осыпает», — «Я был в музее», «Моя семья, мой дом родной», «Наша малая родина», «Спорт, ты — мир!»:

Подготовленные презентации пополнят «методическую копилку» педагогов.

Виртуальная экскурсия по образовательному учреждению в 3D формате

Опыт разработки виртуальных экскурсий по образовательным учреждениям помогает родителям выбрать «второй дом» для ребенка, знакомит родителей с внутренними помещениями ДООУ, может привлечь студентов для практики на работу в ДООУ, а также опытных педагогов и специалистов.

Кроме того, виртуальная экскурсия, созданная на основе технологии 3D-панорамной съемки, в дальнейшем может быть применена неоднократно в рамках самых разнообразных и масштабных проектов, например, «Виртуальная экскурсия по Приморскому району», может быть частью большой виртуальной экскурсии по Санкт-Петербургу.

Инклюзивное образование

Инклюзивное образование постепенно начинает развиваться в нашей стране с дошкольных образовательных учреждениях. Наверное, правильно, что началось все именно с дошкольного образования. И родители с самого начала привыкнут, что дети с ограниченными возможностями здоровья имеют такие же права на образование, как и все остальные.

По-прежнему люди в инвалидных колясках испытывают трудности при спуске и перемещении в метро, есть печальные случаи запрета посадки в самолет «солнечного ребенка» в сопровождении родителей. Плохо слышащие дети испытывают неудобства при посещении экспозиции музея. Таким детям необходима организация виртуальных экскурсия и работа, направленная на расширение возможностей музеев сегодня особо актуальна.

Таким образом, виртуальный филиал музея в ДООУ это воспитательно-образовательное пространство, мир, способствующий социокультурному развитию детей, родителей, повышению культурных компетенций педагогов и первые шаги дошкольников к реальным музеям и выставочным залам России и мира.

Список литературы:

1. Ноль Л.Я. Информационные технологии в деятельности музея. Учебное пособие. — М.: РГГУ, 2007. — 204 с.
2. Ребенок в музее: новые векторы детского музейного движения / Отв. ред. М.Ю. Юхневич. — М.: Академический проект; РИК, 2006. — 176 с.
3. Себар Т.В. Учебно-методическое пособие. Материалы курса «Как учить понимать язык искусства». Лекции 1—4. — М.: Педагогический университет Первое сентября, 2006. — 72 с.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2011—2012 ГОДЫ)

Рубин Владимир Александрович

канд. ист. наук, доцент

Оренбургского государственного аграрного университета,

г. Оренбург

E-mail: seba_alex@rambler.ru

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин (в бытность Председателем Правительства Российской Федерации) в 2011 году на Всероссийском форуме сельской интеллигенции говорил о том, что «российское село будет развиваться только на основе прочного культурного и нравственного фундамента, именно поэтому необходимо приводить в порядок существующие учреждения культуры». В.В. Путин особо выделил роль краеведческих музеев, которые «...должны стать информационными, образовательными и культурными центрами, ядром российского села. Для этого в них обязательно должны быть компьютеры с доступом к сети Интернет» [1].

В начале 2012 года в Оренбургской области продолжали функционировать незарегистрированные в качестве юридических лиц так называемые народные и общественные музеи (как правило, в качестве отделов в составе централизованных клубных систем, культурно-досуговых центров, отделов культуры, образования муниципальных образований), что противоречило действующему законодательству о музейном деле в Российской Федерации. На основании статей 3, 26 Федерального закона от 26 мая 1996 года

№ 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», статей 1, 5, 10 Закона Оренбургской области от 6 июля 2009 года № 3041/666-IV-ОЗ «О музейном деле в Оренбургской области» музеем является учреждение культуры, которое осуществляет культурные, образовательные и научные функции некоммерческого характера.

Кроме того, в указанных музейных собраниях не были организованы должным образом учет и хранение музейных предметов и музейных коллекций. Данные обстоятельства не позволяли выстроить единую государственную политику в музейной сфере Оренбургской области, а также создавали условия для расхищения музейных экспонатов на местах.

Ситуация в Оренбуржье в части исполнения федерального законодательства кардинально изменилась в течение первого полугодия 2012 года. Если в 2011 г. в Оренбургской области насчитывалось 9 муниципальных музеев, то к середине 2012 года их было зарегистрировано 23. На этот процесс повлияли плановые проверки и четкая позиция Управления Минкультуры России в Приволжском федеральном округе (г. Нижний Новгород; главный государственный инспектор по Оренбургской области — Рябуха Андрей Сергеевич). Следовательно, структура музеев Оренбургской области выглядела следующим образом: 2 государственных и 23 муниципальных музея. Все остальные музейные собрания по-прежнему оставались «в тени». Необходимо отметить, что всего в регионе насчитывается 8 городов и 35 муниципальных районов. И только 4 района не имеют собственных музейных собраний (Сорочинский, Северный, Бузулукский, Тюльганский районы).

Губернатором Оренбургской области Ю.А. Бергом было подписано распоряжение от 26 сентября 2012 года № 355-р «О совершенствовании музейной деятельности в Оренбургской области», в соответствии с которым главам ряда муниципальных образований рекомендовали до конца 2012 года проверить правовое положение общественных музеев и организовать их регистрацию в форме учреждений культуры. На конец 2012 года приняли конструктивное решение и реализовали распоряжение Губернатора об образовании муниципальных музеев руководители Александровского, Бугурусланского, Курманаевского, Ташлинского, Кваркенского, Домбаровского, Оренбургского районов области. На стадии принятия решения находились органы культуры Новоорского, Сакмарского районов и городов Медногорск и Ясный [2].

Администрации Асекеевского, Первомайского, Октябрьского и Шарлыкского районов решили оставить все без изменения, то есть сохранить музейные собрания в структурах Централизованной клубной системы (Асекеевский, Первомайский) и Культурно-досуговых центров (Октябрьский, Шарлыкский) [3].

Однако необходимо отметить, что руководством учреждений клубной и культурно-досуговой деятельности муниципальных образований не предпринимались серьезные меры по сохранению музейного фонда и развитию музейного дела. В частности, глава Асекеевского района Оренбургской области писал в одном из своих писем о следующем: «Асекеевский народный музей является структурным подразделением МБУК «Централизованная клубная система» (наверное, это нужно писать в кавычках?). Музей не может быть юридическим лицом, так как не соответствует требованиям деятельности муниципальных музеев. Музей не занимается научно-исследовательской работой; не организывает научно-фондовую работу из-за недостаточного количества предметов и музейных коллекций, не имеет условий для их хранения (нет фонда хранилища); не разрабатывает специальные программы, проекты и методики работы с различными категориями и группами посетителей» [4]. Таким образом, главой отрицалась вся музейная деятельность, а музейное собрание Асекеевского района не может в принципе называться музеем и осуществлять хранение музейных предметов и музейных коллекций.

Необходимо отметить, что с представителями данных муниципалитетов ведется разъяснительная работа. В частности, они проинформированы о том, что музейные предметы, относящиеся к категории оружия, драгоценных металлов, государственных наград, как особо ценные, находятся в ведении силовых структур (ФСБ, МВД), а также Минкультуры России. Ответственность за несоблюдение требований действующего законодательства в отношении особо ценных музейных предметов несет руководство юридического лица (то есть Централизованных клубных систем, Культурно-досуговых центров) и их учредителей в лице начальников отделов культуры.

Кроме того, главам муниципальных образований Оренбургской области Правительство Оренбургской области рекомендовало организовать электронный учет музейных предметов и музейных коллекций в соответствии с письмом Министра культуры Российской Федерации и распоряжением Губернатора Оренбургской области от 5 апреля 2012 года № 117-р «О внесении сведений о музейных предметах и музейных коллекциях Оренбургской области в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации».

Муниципальные музеи планируется в 2013 году централизованно, за счет средств областного бюджета, (мне кажется, лучше выделить запятыми для удобства чтения) при содействии ГИВЦ Минкультуры России обеспечить программой АС «Музей-3», что позволит существенно ускорить формирование четкой системы регионального учёта музейных ценностей. Централизованное приобретение программного оборудования позволит муниципальным образованиям почти в десятикратном размере сэкономить бюджетные средства, а сэкономленные средства направить на модернизацию компьютерного оборудования музеев.

Помимо работы, направленной на формирование системы внутреннего учета музейных предметов и музейных коллекций, Межведомственной комиссией по обеспечению сохранности музейного фонда Российской Федерации рекомендовано обратить особое внимание и запланировать на 2013 и последующие годы комплекс мер, направленных на совершенствование защищенности объектов хранения культурных ценностей (то есть зданий и помещений музеев). Для системного решения данной проблемы, начиная с 2013 года, планируется принятие муниципальных программ развития музейной деятельности.

Таким образом, в целях реализации федерального законодательства о музеях в Оренбургской области на современном этапе решена «проблема общественных и народных музеев», а именно осуществлены мероприятия по формированию самостоятельных юридических лиц — муниципальных музеев; организованы работы по включению сведений о музейных предметах и музейных коллекциях в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации; проводятся и планируются мероприятия по обеспечению защищенности музейных хранилищ. Все это позволит сохранить Музейный фонд Российской Федерации, правильно развиваться многим муниципальным музеям региона, организовать их деятельность в соответствии с требованиями действующего законодательства Российской Федерации и исполнить следующее: заключить договор с Минкультуры России на хранение государственной части музейного фонда; зарегистрировать предметы, содержащие драгметаллы, в государственной инспекции пробирного надзора; получить лицензии на хранение и экспонирование холодного и огнестрельного оружия (в УМВД по Оренбургской области); получить разрешение на хранение государственных наград Комиссии при Президенте Российской Федерации по государственным наградам.

Список литературы:

1. Всероссийский форум сельской интеллигенции, Белгородская область, 15 ноября 2011 года. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://правительство.рф>.
2. По данным ведомственного архива министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области: текущий фонд «Письма, переписка и методические указания Минкультуры России по работе музеев». 2012 г.: письмо начальника отдела культуры Александровского района Оренбургской области В.Ю. Пономарева от 14.12.2012 года № 272; письмо заместителя главы администрации Домбаровского района Оренбургской области по социальным вопросам В.И. Толмача от 12.12.2012 года № 1659; письмо заведующей отделом культуры Бугурусланского района Оренбургской области Ю.А. Прокофьевой от 11.12.2012 года № 94; письмо заместителя главы администрации МО Ясенский район Оренбургской области по вопросам промышленности и предпринимательства А.Н. Коменданта от 12.12.2012 года № 01/06-2678; письмо и. о. главы Кваркенского района Оренбургской области Г.Б. Курманбаева заместителю министра культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области В.В. Реневу от 12.12.2012 года № 101.
3. По данным ведомственного архива министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области: текущий фонд «Письма, переписка и методические указания Минкультуры России по работе музеев». 2012 г.: письмо главы МО Октябрьский район Оренбургской области А.В. Самойлова от 12.12.2012 года № 01-01-09/2221; информация начальника отдела культуры Первомайского района Оренбургской области А.Г. Денисова от 11.12.2012 года № 190; письмо заведующего отделом культуры Шарлыкского района Оренбургской области А.И. Головина от 11.12.2012 года № 55/02-01.
4. По данным ведомственного архива министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области: текущий фонд «Письма, переписка и методические указания Минкультуры России по работе музеев». 2012 г.: письмо главы администрации МО Асекеевский район Оренбургской области С.Г. Гатауллина от 12.12.2012 года № 692.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ В ОН-ЛАЙН ДНЕВНИКАХ МЕДИЙНЫХ ЛИЦ (О. КАШИН, Л. ПАРФЕНОВ)

Агафонова Ольга Владимировна

*аспирант Волгоградского государственного
социально-педагогического университета,
г. Волгоград*

E-mail: rebrieva.olg@yandex.ru

Сегодня уже неоспоримым фактом является то, что Интернет — самый колоссальный источник информации, который знало человечество. Но его возможности, такие, как оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях, позволяют использовать Интернет не только как инструмент для познания, но и как инструмент для общения.

В виртуальном мире личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, снимает психологические барьеры. Уникальные возможности для самовыражения дают такие интерактивные формы общения в Интернете, как всевозможные чаты, форумы, разновидности электронной почты, телеконференции и т. д. Их сиюминутность также облегчает коммуникацию, снимая груз ответственности за долгосрочность последствий.

Новый мир и новый стиль жизни в мире Интернета создал смешение функциональных стилей речи. В языке пользователей Сети мы можем встретить сжатость, компактность изложения, экономное использование языковых средств — характерные особенности официально-делового стиля, эмоциональность, логичность, присущая

публицистическому стилю, экспрессивность, красочность, встречающиеся в разговорном стиле.

Проблема сближения официальных и неофициальных стилей речи в интернет-коммуникации интересует многих отечественных и западных лингвистов. Л.Ю. Иванов отмечает следующие особенности устной речи в Интернете: «Воссоздание эффекта присутствия, коммуникативной близости, имитацию постоянной готовности к коммуникации. Возникает противоречие между претензией на разговорность и реальным отсутствием конститутивных признаков языковой ситуации, влекущих использование разговорной речи: неподготовленности и непринужденности речевого акта, а также непосредственного присутствия участников коммуникации» [2, с. 136].

Явление трансформации общепринятых речевых жанров в виртуальном общении представляет немалый лингвистический материал. Исследованию жанров интернет-коммуникации посвящено немало работ (Н.Г. Асмус, Е.Н. Вавилова, Е.Н. Галичкина, О.В. Лутовинова и другие), но единой классификации жанров интернет-коммуникации до сих пор еще предложено не было. «Бурное развитие интернет-коммуникации привело к модификации ряда речевого жанра, что само по себе свидетельствует об изменении прагматических установок и целей участников этого вида коммуникации, актуализации феномена языковой личности, которая через систему речевого жанра самопрезентирует себя в виртуальном дискурсе» [4, с. 172]. По мнению О.В. Лутовиновой, «Моделирование жанрового пространства Интернета является крайне сложной и невыполнимой задачей. Интернет представляет собой многомерное образование, вмещающее в себя различные виды дискурсов и форм взаимодействия» [5, с. 132].

В центре нашего внимания находится блог-платформа для размещения онлайн-журналов — Живой журнал и сервис микроблоггинга — Твиттер. Данные виды жанров интернет-коммуникации объединяет их большая популярность среди пользователей сети Интернет.

Твиттер — это сервис микроблоггинга с возможностью коммуникации между участниками. Он позволяет пользователю отправлять короткие сообщения в свою ленту новостей, на которую другие люди могут подписаться. Как правило, для языка твиттера характерна телеграфная фиксация событий.

К особенностям микроблоггинга Твиттер можно отнести следующее:

- сообщение в Твиттере может содержать не более 140 символов;
- твиттер читают через специальные программы, а не через интернет браузер;
- в твиттере можно отвечать на публикации других людей;
- через Твиттер можно посылать личные сообщения.

Живой журнал — это блог-платформа для размещения онлайн-дневников (блогов), либо какой-то отдельный блог («дневник», «журнал») на этой платформе. Предлагает обычный для блогов набор функций: возможность публикации записей, их комментирования читателями и так далее; также есть удобные дополнительные функции, многие из которых доступны бесплатно любому желающему.

Твиттер и Живой Журнал вывели общение в интернет-среде на новый уровень. Любой пользователь Сети, набрав нужный адрес, может стать свидетелем жизни того или иного человека.

В последние годы многие медийные лица уделяют большое количество внимания ведению он-лайн дневников для поддержания своего авторитета и известности среди людей. Безусловно, блоги известных людей выделяются на фоне дневников обычных пользователей, в частности они отличаются особым (ярким, метким) языком и стилем. Мы можем отметить две тенденции ведения блогов:

1. Освещение актуальных событий, происходящих в России и пиар собственных телепередач (на примере блога Леонида Парфенова). Рассмотрим примеры:

May 5th, 2012

«Нулевые». Фильм Вадима Вострова

Здравствуйте все! Московские участники красноярского фильма «Нулевые» получили от авторов диски. Можно так или иначе представлять телепанораму 2000-х, я, например, не согласен с трактовкой национального вопроса. Но симптоматично, что ощущение застоя и его нового витка — вовсе не сугубо столичное. И в Таиланд или еще куда валят от безысходки в том числе сибиряки. Это вообще настроения успешных людей из больших городов (а у нас только миллионников 14) — тех, кому на родине должно быть вроде лучше всех. Посмотрите — это честный взгляд.

Приведенный фрагмент из блога отличается разговорной тональностью. Здесь разговорно-просторечная лексика (глагол *валят*, существительное *безысходка*) соседствует с универбацией (существительное *миллионник*).

Как видим, здесь реализуется информативная функция публицистического стиля (стремление в кратчайший срок сообщить людям о свежих новостях) в сочетании с непринужденностью разговорного стиля (*валят от безысходки*).

March 1st, 2012

Пока, Медвед! Ролик Обломов-Собчак-Парфенов

Здравствуйтесь все! Не то чтобы жаль Медведева — нас бы кто пожалел! Рэн Васи Обломова напоминает: алё, пересадка из кресла в кресло опустила сакральный пост президента ниже плинтуса. Теперь главное — кто у нас Путиным работает. Это так укрепляют государственность?

Как дебютант жанра боюсь, перегримасничал по видео. Но ведь и впрямь с души должно воротить.

Данный пример отличается высокая степень эмоциональности. Выражая свое впечатление по поводу вступления Владимира Путина в должность Президента России, Парфенов использует вопросительные (*Это так укрепляют государственность?*) и восклицательные (*Не то чтобы жаль Медведева — нас бы кто пожалел!*) предложения, упрощенную транскрипцию отдельных компонентов высказывания (*алё*), разговорную лексику (глагол *перегримасничал*, фразеологическое выражение *с души должно воротить*) в своем блоге для создания картины событий и передачи адресату впечатлений журналиста от этих событий.

2. Самореклама. Как правило, такие записи отличает экспрессивность, эмоциональность, оценочность суждений. В качестве примера приведем микроблог Твиттера Олега Кашина:

08.11.2012. 6:07 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

@rapitaria, я купил во Львове их бушлат, а потом московские специалисты объяснили мне, что он палёный

Приведенное сообщение отличается разговорной тональностью. В данном контексте просторечная лексика (прилагательное *палёный*) соседствует с эмотиконом печаль, который сопутствует речевым единицам с целью уточнения, конкретизации смысла основного сообщения. Такое сочетание дает понять читателям блога, что автор сообщения расстроен событием, о котором он пишет выше.

08.11.2012. 4:47 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

@zaharov_m, не, ну без обид! Когда человек говорит, что кто-то глупый, это переводится как «глупее меня». Вас я знаю только по текстам, и они...

Приведенное выше сообщение характеризуется сильной эмоциональностью, что достигается путем использования восклицательных

конструкций (@zaharov_m, не, ну без обид!), редукации отрицания нет (не).

08.11.2012. 4:44 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

@Schroeding, Ну б...!

Данное высказывание отличается эмоциональностью, что достигается путем использования бранной лексики (Ну б...), что в свою очередь является нарушением этических норм речи и нетикета (сетевого этикета), характерного для разговорной речи в Интернете.

07.11.2012. 1:13 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

Пуховик или пальто?

Здесь эффект разговорности создается с помощью такой конструкции разговорного синтаксиса, как неполнота высказывания (Пуховик или пальто?). Как правило, использование таких конструкций в речи употребляется при создании иллюзии естественного неподготовленного общения.

07.11.2012. 12:30 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

Что-где-когда форева!

Приведенное выше предложение интересно использованием такого приема англо-русской языковой игры, как словообразовательная англо-русская гибридизация, при которой максимально актуализируются словообразовательные связи и используется экспрессивный эффект контраста английских и русских компонентов в рамках новообразованной лексической единицы. Этот прием используется в разнообразных эмоционально-экспрессивных дериватах от заимствованных английских слов. Такой прием часто встречается в сети Интернет среди блоггеров, как фиксация живой разговорной речи. В данном примере мы можем заметить намеренное использование пунктуационной ошибки (*Что-где-когда форева!*). Это отражение своеобразной принадлежности интернет-пользователей к сетевой языковой игре, для которой характерны антиорфография и намеренное игнорирование пунктуационных знаков.

7 ноября 12 в 3:05 утра. Kashin Kashin Kashin @KSHN

Чтоб уж вдрызг рассвинячиться!

Данное сообщение характеризуется сильной эмоциональностью, что достигается путем использования восклицательных конструкций (*чтоб уж вдрызг рассвинячиться!*), разговорной (наречие *вдрызг*) и жаргонной (*рассвинячиться*) лексики.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: посетители Интернета предпочитают свободный от норм язык, над правильностью которого не нужно думать. Для них главное —

не форма, а суть сообщения. Как следствие возникает такая проблема, как смешение жанров.

Наблюдая смешение функциональных стилей речи, происходящее в Интернете, можно сделать вывод, что оно необходимо для наиболее комфортного вхождения в мировое виртуальное пространство. Благодаря тенденции ведения он-лайн дневников среди пользователей Интернета, мы видим, как проявляется это взаимодействие стилей.

Что касается он-лайн дневников медийных лиц, то здесь взаимодействие стилей речи проявляется особенно ярко. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность служат для саморекламы, а также для привлечения внимания читателей к тому или иному событию, освещаемому в блоге.

Список литературы:

1. Горошко Е.И. Современная интернет-коммуникация: структура и основные параметры// Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 328 с.
2. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. — М.: Азбуковник, 2000. — С. 131—147.
3. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка — [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://linguaconf2011.flybb.ru/topic14.html>.
4. Компанцева Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты/Л.Ф. Компанцева. — Луганск: Знание, 2007. — 444 с. Языковая личность в интернет-коммуникации.
5. Лутовинова О.В. Языковая личность в интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: кол. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — С. 132—133.
6. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. — Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2009. — 496 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАННЫХ РУССКИМ ЯЗЫКОМ АРАБИЗМОВ-НАЗВАНИЙ ТКАНЕЙ

Иванова Александра Алексеевна

*аспирантка Национального педагогического университета
имени М.П. Драгоманова, г. Киев
E-mail: c-aleksandra@yandex.ru*

В любом языке заимствованные чужеземные лексемы появляются при необходимости наименования новых явлений, предметов, появляющихся в результате контактов различных народов и их культур. Под заимствованиями нами понимаются «элементы чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесённые из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [7, с. 158].

На протяжении всей истории существования русского языка иностранные языковые элементы развивали и обогащали его. Исследование заимствованных слов, употребляемых в русском лексиконе, помогает понять причины их появления, потребности носителей языка-реципиента и модные ориентиры того времени, когда произошло заимствование, и т. д. Учёные-лингвисты различных эпох (в XIX — начале XX вв. — В.А. Богородицкий, Я.К. Грот, Ф. Бранд, Е.Ф. Карский, И.И. Огиенко, Г. Павский, Н.А. Смирнов, А.И. Соболевский и др., в XX в. — Л.В. Булаховский, Е.Э. Биржакова, В.В. Виноградов, Г.М. Сидоров, О.Б. Шахрай, Н.В. Юшманов и др.) по-разному осмысливали и описывали пути проникновения в русский язык иностранных слов, по-разному классифицировали их. Традиционно в русистике разделяются заимствования из славянских языков (старославянизмы, церковнославянизмы, славянизмы) и неславянских (грецизмы, тюркизмы, латинизмы и т. д.).

В настоящей статье рассматриваются лексемы из второй группы, в частности, арабские заимствования, а именно такие наименования тканей, как *мохер* и *муар*.

Актуальность изучения слов арабского происхождения подтверждается исследовательским интересом к этой парадигме слов целого ряда авторов (О.И. Александрова, Л.К. Валиуллина, Т.П. Гаврилова, Рахмони Миджгони Равшандухт, М.Х. Халлави, Хуссаян Аббас Хуссаян).

Большинство слов арабского происхождения вошло в русский язык посредством иных языков (например, через французский язык в русский перешли такие арабизмы, как *сироп, гарем, софа, жираф* и др.; при английском посредничестве в русском языке появились слова *сафари, артишок, кофе* и др.; через немецкий язык вошли слова *тара, матрац, алгебра, бальзам*, и др.), однако были и прямые заимствования (например, мусульманская религиозная терминология: *шариат, имам, мечеть*; поэтическая лексика: *газель, аруз*; научная терминология: *зенит, цифра, алгебра, азимут, алхимия, надир*; географические термины: *вади, сель, самум, муссон*; ботанические: *гардап, кубеба, зетин, сабур*, названия сказочных персонажей: *джинн, гурия* и др.).

Цель настоящего исследования — выявить произошедшие в арабских заимствованиях (некоторые наименования тканей) семантические изменения и установить тип семантических трансформаций (под семантической трансформацией понимается любое изменение семантической структуры заимствований).

Слово **мохер** появилось в русском языке сравнительно недавно: в толковом словаре Д.Н. Ушакова оно ещё не фиксируется, нет его и в БАС-1, но в МАС лексема уже описана: «мягкая пушистая шерсть козы ангорской породы» — и представлена как англицизм [9, с. 304] (аналогично это слово дефинировано и в БТС). Действительно, английский явился языком-посредником вхождения слова *мохер* в русский язык: «англ. mohair < араб. mukhâuyag букв. выбор, отбор; в англ. было сближено с hair шерсть» [6, с. 621]. «Етимологічний словник української мови» уточняет, что арабское mukhâuyag связано с глаголом khâuyag «он выбрал» и имело значение «тонка тканина з козячої вовни» [4, с. 525]. Данный вид шерсти вычёсывается у коз, которых разводят в провинции Ангора в Турции (поэтому вместо слова *мохер* иногда используют название *ангора*), где был запрет на вывоз их и их шерсти за пределы страны; лишь в начале XIX века этот товар стал поставляться в Европу. В США производство мохера из шерсти ангорских коз началось в 1849 г., и именно в Америке арабское слово *муахаяр* преобразовалось в *mohair* «мохэйр» («мохер») — «ткань из верблюжьей шерсти, а также дамская материя, похожая на тибет» [11].

В современном русском языке слово *мохер* имеет два значения, так, Л.П. Крысин приводит две семемы: «1. Шерсть ангорской козы. 2. Ткань, изделие из этой шерсти» [6, с. 621]; в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой описаны тоже два лексико-семантических варианта: «1. Шерсть коз ангорской породы. 2. *разг.*

Изделия, одежда из такой шерсти» [3, с. 898]. Очевидно, что семантика слова в русском языке расширяется и возможно выделение трёх значений, с цепочечным типом связи между ними: «шерсть козы» → «ткань из этой шерсти» → «изделия из такой ткани».

Ещё одна разновидность ткани, пришедшая к нам из арабского мира, называется *муар*. Этого слова нет в словаре В.И. Даля, оно не описано в этимологических словарях русского языка, но представлено в литературе XIX века в формах *моар* и *муар*, иногда как несклоняемых: ...*три платья, из которых одно было из белого муар с кружевной отделкой* /Григорович/; *У старика материя белая, вроде моар* /Гончаров/ и в несклоняемой форме *муарé* [8, с. 1334], а также зафиксировано в «Объяснительном словаре иностранных слов» (1898) А.Д. Михельсона.

В русском языке арабское слово *муар* появилось как заимствование из английского через французский язык: фр. *moiré, moiré* < англ. *Mohair* < араб. — см. *мохер*. «Етимологічний словник української мови» приводит в качестве синонима слова *муар* лексему *мора*, отмечая, что оно вошло в украинский язык через посредство польского языка из немецкого, а немецкое *Mohr* является фонетической трансформацией английского *mohair*.

В толковых словарях русского языка, начиная со словаря Д.Н. Ушакова (1938), приводилось только одно значение этого слова: «плотная рубчатая шёлковая ткань, отливающая на свету» [10, с. 274], «плотная шёлковая или полушёлковая ткань, переливающаяся на свету разными оттенками» [9, с. 307], «плотная шёлковая или полушёлковая ткань с волнообразными разводами, играющими на свету» [2, с. 561]. И только БАС-1 (1957) описал слово *муар* как многозначную лексему: «1. Плотная шёлковая или полушёлковая ткань с разводами, переливающаяся на свету разными оттенками. 2. Бумага с тисненными узорами на поверхности. 3. То же, что муаре (во 2-м знач.). 4. *Спец.* Чередующиеся тёмные и светлые полосы на автотипном отпечатке из-за неправильного изготовления клише» [8, с. 1334], а *муарé* (*устар.* *моарé*) — «2. Вид обработки ткани путем тиснения, придающий ей способность отливать на свету: отлив, переливчатость ткани» (там же). В словарях иностранных слов ([5], [6] и др.) слово *муар* приводится как многозначная лексема: «1. Плотная шелковая ткань с волнообразным отливом. 2. Сорт бумаги с тисненым узором на поверхности. 3. *полигр.* Постороннее изображение в виде сетки или волнистых линий на оттиске с клише при неправильном его изготовлении» [6, с. 672].

В современном русском языке *муаром* часто называют любые дефекты или артефакты на изображениях в виде интерференционной сетки или волнистых линий, что послужило образованию производного *муарогенность* — вероятность возникновения *муара* той или иной степени заметности [1].

Очевидно, что на русской почве слово *муар* претерпело значительные семантические трансформации, расширив значение и даже переместившись в другую денотативную зону и войдя в терминологическую базу русского лексикона. В «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой этот процесс отражен в том, что автор описывает уже омонимы: *муар* [1] «1. Плотная шёлковая или полушёлковая ткань с волнообразными переливами разных цветовых оттенков. // *разг.* Изделия из такой ткани. 2. То же, что муаре», *муар* [2] — «1. Сорт бумаги с тисненым узором на поверхности. 2. Постороннее изображение в виде сетки или волнистых линий на оттиске с клише при неправильном его изготовлении (в полиграфии)» [3, с. 900].

Таким образом, вошедшие в русский язык в разные периоды его развития арабские названия некоторых тканей претерпели фонетические, графические, грамматические и семантические изменения как в языках-посредниках, так и на русской почве. Регулярным является либо расширение семантики заимствованного слова, либо развитие у него ксеносемантики.

В перспективе предполагается осуществить анализ семантической структуры других арабских заимствований в русском языке этой и иных тематических групп.

Список литературы:

1. АскПоинт. Вопросы и ответы. Муар. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://askpoint.org/other/chto-takoe-muar/>.
2. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С.А. Кузнецова]. — СПб.: «Норинт», 1998. — 1536 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. / Ефремова Т.Ф. — М.: Рус. яз., 201. — Т. 1. — 1232 с.
4. Етимологічний словник української мови: В 7 т. /АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; редкол. О.С. Мельничук (головний ред.) та ін. — К.: Наукова думка, 1983. — Т. 3: Кора — М /укл.: Р.В. Болдирев та ін. — 1989. — 552 с.
5. Захаренко Е.Н. Новый словарь иностранных слов. — 2-е изд., стер. / Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. — М.: «азбуковник», 2006. — 784 с.

6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. / Крысин Л.П. — М.: Рус. яз., 2000. — 856 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. / [гл. ред. В.Н. Ярцева]. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.-Л.: Наука, 1948—1965. — Т. 6. — 1957. — 1459 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СРСР, Ин-т рус. яз.; [под ред. А.П. Евгеньевой]. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984. — Т. 2. — 1983. — 736 с.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / [под ред. Д.Н. Ушакова]. — М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1938. — Т II. — 1039 с.
11. Яндекс. Словари. Мохер. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. — М., 1865. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://slovari.yandex.ru/Словарь%20Михельсона%20/>.

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
ОБРАЗОВ И ЭТАЛОНОВ В УСТОЙЧИВЫХ
СРАВНЕНИЯХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ЧЕРТЫ
ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Кулик Александра Эдуардовна

*преподаватель русского языка университета Кёнги, Республика Корея
E-mail: jhantwins@gmail.com*

Устойчивые сравнения (УС) — один из способов познания и оценки мира, основанный на сопоставлении предметов либо явлений действительности с целью более точного, образного описания познаваемого объекта. В данной работе под **устойчивыми сравнениями** мы понимаем обладающие яркой национальной окраской, «разложимые на значимые элементы воспроизводимые единицы языка, компоненты которых характеризуются компаративными взаимоотношениями, определяющими целостное компаративно-образное значение» [7, с. V].

При наличии общих универсальных черт, присущих УС каждого языка (постоянное значение и форма, известность большинству носителей языка и др.), они также характеризуются национально-

культурной спецификой, которая проявляется в выборе различных образов и эталонов сравнения, отражающих национальное мировосприятие. Как справедливо отмечает В.М. Огольцев, отбор образов происходит в соответствии с нравами и обычаями народа, особенностями его культуры и истории, и именно поэтому УС национально специфичны [6, с. 5].

В.Н. Телия рассматривает УС как систему образов-эталонов, где эталон — это «характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства. «Эталонизированные представления» в устойчивых сравнениях как бы «задают» образцы здоровья, красоты, глупости и т. д.» [8, с. 241—242]. В.А. Маслова под эталоном понимает «некий идеализированный стереотип, который на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о мире, обществе» [5, с. 190].

В сопоставительных лингвистических исследованиях термин «эталон» традиционно используется в связи с анализом сравнительных конструкций типа **А — С — как В**, где **А** — субъект сравнения (то, что сравнивается), **С** — основание (признак) сравнения (*tertium comparationis*), **В** — объект сравнения (то, с чем сравнивается). Е.В. Гулыга отмечает, что «при сопоставлении уже формируется набор семантических признаков, совокупность которых образует *tertium comparationis* — «третий термин сравнения», он же — «эталон сравнения», обеспечивающий возможность сопоставительного изучения объектов по всей полноте свойств, образующих их качественную определенность» [3, с. 115].

И.М. Воскресенская считает, что функционирование эталонов может быть сведено к трем основным задачам: 1) познание действительности — как материального феномена; 2) познание культуры — как социально-духовного феномена; 3) оптимизация коммуникации — как феномена межличностного общения представителей определенных лингвокультурных сообществ [2].

Важным является то, что несовпадения в системах образов-эталонов УС («эталонизированных представлений») разных языков являются причиной непонимания УС неродного языка и как следствие, нарушением межкультурной коммуникации [10].

Целью данной статьи является выявление национально-культурной специфики образов-эталонов русских УС, описывающих черты характера человека, на фоне корейских УС. Следует отметить, что специфические черты конкретного языка могут быть выявлены,

как правило, только при сопоставительном анализе с другим языком, поскольку в них отражается несовпадение одной языковой системы по отношению к другой, что прямо или косвенно связано с особенностями языковой картины мира конкретного народа.

Материалом для исследования послужили данные фразеологических словарей и словарей устойчивых сравнений, а также результаты анкетирования носителей корейского языка.

В системе отношений личности выделяются следующие группы черт характера, образующие симптомокомплексы:

1. Отношение человека к другим людям (общительность, чуткость, отзывчивость, уважение к другим людям, коллективизм — замкнутость, черствость, бездушие, грубость, презрение к людям и др.);

2. Черты, характеризующие отношение человека к самому себе (чувство собственного достоинства, правильно понимаемая гордость и связанная с ней самокритичность, эгоизм и др.);

3. Отношение человека к труду, своему делу (трудолюбие, ответственное отношение к делу, недобросовестность в работе др.);

4. Черты, характеризующие отношение человека к вещам (аккуратность, неряшливость, бережное или небрежное обращение с вещами);

5. Черты характера, отражающие особенности протекания психических процессов личности (храбрость, нерешительность, любопытство и др.).

В русских словарях УС представлены сравнения, характеризующие как положительные, так и отрицательные черты характера, моральные и деловые качества людей, которые могут быть рассмотрены по следующим параметрам:

• **добрый — злой:** *добрый как ангел, добрый/ ласковый как телёнок; злой как ведьма, злой как дьявол/ демон, злой как собака/ <цепной> пёс.*

УС *добрый/ ласковый как телёнок* шутливо-иронично характеризует простодушного молодого человека.

천사/ 선녀 같다 — как ангел/ фея; *악마/ 사탄 같다* — как дьявол/ сатана, *인간의 탈을 쓴 늑대 같다* — словно волк в маске человека;

• **трудолюбивый — ленивый:** *трудолюбивый как муравей;*

개미 같다 — как муравей, *일 벌레 같다* — как работающее насекомое; *한량 같다* — как повеса.

Последнее корейское сравнение требует исторического комментария. Во время правления корейской династии Чосон

(1392—1897) словом **한량** называли дворян, которые не могли сдать экзамен для поступления на государственную службу из-за того, что проводили все свое время в праздных развлечениях. В настоящее время так называют тех, кто не прилагает усилий, трудолюбия, предпочитая вести праздную жизнь;

• **молчаливый — болтливый:** *молчаливый, немой как могила/ рыба; болтливый как <базарная/ старая> баба;*

벙어리같이 말이 없다 — безмолвный как немой, **꿀 먹은 벙어리처럼** — как немой, съевший мед; **아줌마같이 말이 많다** — болтливый как женщина, **따발총같이 말이 많다** — болтливый как автомат;

• **постоянный, преданный, верный — непостоянный, неверный, беспринципный:** *преданный, верный как <верная> собака/ как пёс, твёрдый как железо/ кремень/ сталь; меняться, менять окраску как хамелеон;*

В корейском языке имеются фразеологические выражения, характеризующие преданного, верного человека: **충직한 개다** — верная собака, **사장의 오른팔이다** — правая рука босса. Эти выражения не могут быть отнесены к УС, поскольку в их составе отсутствует показатель сравнения, но иногда они разворачиваются в сравнения путем прибавления сравнительных частиц **처럼, 같다**.

Непостоянного беспринципного человека носители корейского языка характеризуют следующим сравнением **간에 붙었다 쓸개에 붙었다 하는 사람처럼** — словно человек, который клеился то к печени, то к желчному пузырю;

• **щедрый — жадный:** *скупой как кощей/ кашей, скупой как Плюшкин;*

흥부 같다 — как Хынгбу; **놀부 같다** — как Нольбу.

Хынгбу и Нольбу — персонажи сказки, два родных брата. Хынгбу — воплощение щедрости, доброты и сострадания, а Нольбу — жадности;

• **смелый — трусливый:** *храбрый как лев; трусливый, пугливый как заяц, трусливый, пугливый как баба, трусливый, пугливый как маленький;*

호랑이같이 용맹하다 — храбрый как тигр;

• **выдержанный — вспыльчивый:** *вспыльчивый как порох/ спичка, горячий как кипяток;*

돌 부처 같다 — словно каменный Будда; 성미는 불 같다 — нрав/ характер как огонь; 가랑잎에 불붙듯 — загораться как сухие листья;

• **самостоятельный — беспомощный:** *беспомощный как младенец/ ребёнок/ дети;*

세살 먹은 어린애 같다 — как трехлетний ребенок;

• **скромный, застенчивый — нескромный, наглый:** *скромный, застенчивый как барышня/девочка / <красная> девица;*

수줍은 새색시 같다 — скромный как молодая невеста; 얼굴에 철판을 깔다 — словно лицо покрыто железным листом;

• **приносящий пользу — бесполезный:** *пользы, помощи, толку как от козла молока;*

В корейском языке не было обнаружено УС, имеющее сходную семантику с русским сравнением *пользы, помощи, толку как от козла молока*, однако имеется выражении 그는 백해무익하다/ 그 담배는 백해무익하다 — он приносит сто раз вред и ни разу пользу/ эта сигарета приносит сто раз вред и ни разу пользу;

• **аккуратный — неаккуратный:** *аккуратный как немец;*

물 찬 제비 같다 — как мокрая ласточка. Это корейское сравнение совпадает в своем основном значении со значением русского УС *аккуратный как немец* «об очень педантичном, аккуратном человеке» [4; с. 130], при этом корейское УС имеет дополнительные образно-смысловые конкретизаторы: о худом, аккуратном человеке, который хорошо выглядит и у которого ловкие движения;

• **наивный — хитрый:** *наивный, доверчивый как ребёнок; хитрый как змея/ змей/ змий, хитрый лиса/ лисица;*

아이같이 천진난만하다 — простодушный как ребенок; 여우 같다/ 여우처럼 악은 — как лиса, 뱀처럼 간사한 — хитрый как змея.

Ниже приводится таблица, в которой представлены образы-эталоны русских и корейских УС, служащих для характеристики черт характера человека, а также проанализированы совпадения-несовпадения либо отсутствие образов-эталонов в обоих языках.

Таблица 1.

Анализ образов-эталонов русских и корейских устойчивых сравнений, характеризующих черты характера человека

Tertium comparationis	Русские образы-эталоны	Корейские образы-эталоны	Совпадения образов-эталонов	Несовпадения/отсутствие образов-эталонов (рус./кор.)
добрый	<i>ангел, телёнок</i>	<i>ангел, фея</i>	<i>ангел</i>	<i>телёнок / фея</i>
злой	<i>ведьма, волк, дьявол, демон, собака</i>	<i>дьявол, сатана, волк</i>	<i>волк, дьявол</i>	<i>ведьма, демон, собака/ сатана,</i>
трудолюбивый	<i>муравей</i>	<i>муравей, насекомое</i>	<i>муравей</i>	<i>- / насекомое</i>
ленивый	—	<i>повеса</i>		<i>- / повеса</i>
молчаливый	<i>могила, рыба</i>	<i>немой</i>		<i>могила, рыба/ немой</i>
болтливый	<i>баба</i>	<i>женщина, автомат</i>	<i>женщина</i>	<i>- / автомат</i>
постоянный, преданный, верный	<i>собака, железо, кремь, сталь</i>	<i>собака, правая рука босса</i>	<i>собака</i>	<i>железо, кремь, сталь/ правая рука босса</i>
непостоянный, беспринципный, неверный	<i>хамелеон</i>	—		<i>хамелеон / —</i>
щедрый	—	<i>Хынгбу</i>		<i>— / Хынгбу</i>
жадный	<i>кощей/кащей Плюшкин</i>	<i>Нольбу</i>		<i>кащей, Плюшкин / Нольбу</i>
смелый	<i>лев</i>	<i>тигр</i>		<i>лев / тигр</i>
трусливый	<i>заяц, баба, маленький-кий</i>	—		<i>заяц, баба, маленький / —</i>
вспыльчивый	<i>порох, спичка, кипяток</i>	<i>огонь</i>		<i>порох, спичка, кипяток/ огонь</i>
выдержанный	—	<i>каменный Будда</i>		<i>- / каменный Будда</i>

самостоятельный	—	—		—/—
беспомощный	<i>младенец, ребёнок</i>	<i>ребёнок</i>	<i>ребёнок</i>	<i>—/младенец</i>
скромный, застенчивый	<i>барышня, девочка</i>	<i>невеста</i>		<i>барышня, девочка / невеста</i>
нескромный, наглый	—	<i>лицо, покрытое железным листом</i>		<i>—/лицо, покрытое железным листом</i>
приносящий пользу	—	—		—/—
бесполезный	<i>козьиное молоко</i>	—		<i>козьиное молоко / —</i>
аккуратный	<i>немец</i>	<i>мокрая ласточка</i>		<i>немец / мокрая ласточка</i>
неаккуратный	—	—		—/—
наивный	<i>ребёнок</i>	<i>ребёнок</i>	<i>ребёнок</i>	
хитрый	<i>лиса, змея</i>	<i>лиса, змея</i>	<i>лиса, змея</i>	

Проведенный анализ показывает, что:

1. В качестве эталонов сравнения черт характера человека в обоих языках наиболее часто используются зоонимы (волк, лиса, собака, змея, муравей), реже встречаются наименования мифологических, сказочных, литературных и исторических персонажей (ангел, сатана, кашей, Плюшкин, Хынгбу, Нольбу, Будда), хозяйственно-бытовых реалий (спичка, кипяток, порох) и наименования людей (ребёнок, невеста, девочка).

2. Образы и эталоны русских и корейских УС могут **совпадать**: *ангел* — о добром человеке, *дьявол* — о злом человеке, *муравей* — о трудолюбивом человеке, *женщина* — о болтливом человеке, *собака* — о преданном, верном человеке, *ребенок* — о беспомощном, наивном человеке, *лиса, змея* — о хитром человеке;

3. Образы и эталоны русских и корейских УС могут **частично совпадать**: рус. болтливый как *баба* и кор. болтливый как *женщина* отличаются только стилистически; в рус. *порох, спичка* и кор. *огонь* о вспыльчивом человеке присутствует общая семантика;

4. Образы и эталоны корейских УС могут **отсутствовать в русском языке**: добрый как *фея*; злой как *сатана*; трудолюбивый как *насекомое*; ленивый как *повеса* (в русском языке имеется сравнение как *трутень*, которое не зафиксировано в словарях УС Л.А. Лебедевой и В.М. Огольцева); молчаливый как *немой*; болтливый как *автомат*; постоянный, преданный, верный как *правая рука босса*; щедрый как *Хынгбу*; жадный как *Нольбу*; смелый как *тигр*;

выдержанный как *каменный Будда*; скромный, застенчивый как *невеста*; нескромный, наглый как *лицо, покрытое железным листом*; аккуратный как *мокрая ласточка*;

5. Образы и эталоны русских УС могут **отсутствовать в корейском языке**: добрый как *теленочек*; злой как *ведьма, демон, собака*; молчаливый как *могила, рыба*; постоянный, преданный, верный как *железо, кремль, сталь*; непостоянный, беспринципный, неверный как *хамелеон*; жадный как *кащей, Плюшкин*; смелый как *лев*; трусливый как *заяц, баба, маленький*; вспыльчивый как *кипяток*; беспомощный как *младенец*; скромный, застенчивый как *барышня, девочка*; бесполезный как *козлинное молоко*; аккуратный как *немец*;

6. В обоих языках отсутствуют УС для характеристики следующих черт характера человека: самостоятельный, приносящий пользу, неаккуратный.

7. В русском языке нет УС для характеристики следующих черт характера человека: ленивый, щедрый, выдержанный, нескромный, наглый.

8. В корейском языке нет УС для характеристики следующих черт характера человека: непостоянный, беспринципный, неверный, трусливый, бесполезный.

Выявленные сходства в эталонах и образах УС русского и корейского языков, т. е. универсальные черты, могут быть объяснены культурно-исторической общностью в широком понимании, а различия — национально обусловленными стереотипными представлениями, выработанными каждым этносом в процессе его исторического развития. Результаты проведенного исследования подтверждают выводы о том, что выбор образов и эталонов сравнений зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, а сам образ, выражаемый устойчивым сравнением, как результат длительного общенародного отбора, всегда национально оригинален, логически и эстетически безукоризнен. Причина отсутствия в одном из рассматриваемых языков некоторых образов и эталонов, а так же УС, которые характеризуют черты характера человека, может быть аргументирована тем, что по словам Эзры Паунда, «весь объем человеческой мудрости не содержится ни в одном языке, и ни один язык не в состоянии выразить все формы и уровни человеческого восприятия» [9, с. 33].

В заключение отметим, что УС относятся к числу языковых универсалий, поскольку они обнаруживаются практически в любом языке и строятся по единой модели компарации. В то же время

система УС каждого языка уникальна, поскольку в ней отражается национальное мировидение и миропонимание представителей определенного этноса, требующее изучения, так как «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [1, с. 349].

Список литературы:

1. Воскресенская И.М. Эталонные знаки в русскоязычном дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук, М., 2010.
2. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке/ Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. М., 1969.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. Краснодар, 2003.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М., 2001.
6. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М., 2001.
7. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М., 2010.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
10. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке. «Филологические науки» № 1, 1973.
11. 김선정. 살아있는 한국어 관용어. 서울, 2007.
12. 박영준. 최경봉. 관용어 사전. 서울, 1996.
13. 이기문. 속담사전. 서울, 1981.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

*канд. филол. наук, ИГИПМНС СО РАН,
г. Якутск*

E-mail: sarshar@mail.ru

Основная функциональная характеристика эвенских местоимений — это собственно указание, они являются дейктическими словами. В то же время местоимения выполняют и роль субститутов слов-заместителей, позволяя без повтора представить в сжатом виде отдельные элементы или целые фрагменты содержательных структур в высказывании. В случае с местоимениями большую роль при выполнении общей функции коммуникации играет определенная ситуативность, речевая соотнесенность. В связи с этим в данной статье предпринимается попытка рассмотрения притяжательных местоимений в эвенском языке с точки зрения их активного функционирования в устной и письменной эвенской речи.

Притяжательные местоимения в эвенском языке имеют значение указания на лицо, и этим они близки к личным местоимениям, а некоторые из них совпадают с личными местоимениями, что неоспоримо говорит о том, что их происхождение восходит от последних. Однако, кроме указания на лицо, притяжательные местоимения несут семантику других отношений: обладания, принадлежности, — имеют дифференцирующую функцию, поэтому выполняют существенную роль для смысла высказывания и в организации внутритекстовых связей.

При рассмотрении посессивных конструкций обращает на себя внимание как бы двойная семантическая «накладка» морфологических элементов, актуализирующих посессивность и их возможное частичное усечение без влияния на семантику. Посессивные конструкции, включающие притяжательные местоимения, можно подразделить по семантике на следующие типы:

1. Посессивная группа, характеризующаяся сочетанием краткой формы лично-притяжательного местоимения с существительным, оформляемым лично-притяжательным суффиксом, обозначающим какой-либо предмет или лицо. В данном случае местоимение занимает препозиционное положение и не изменяется: мин орму `мой олень`, хин оранси `твой олень`, ноҕан оранни `его олень` и др. Примеры: Учикан бэйгэчин төрэснэн: «Аич долчили мин гөниву, эди илкир мин

ойдукув». `Верховой олень (её) по-человечьи заговорил: «Хорошо слушай мою речь, не слезай с меня (досл. с моего верха)».» [2, с. 45]. Мут окагаңнат ач хэрлэ алик бисни (мөликич). `У нашей реки бездонный ушат есть (прорубь)` [1, с. 116]..

2. Посессивная группа, включающая полную форму лично-притяжательного местоимения и существительное с лично-притяжательным суффиксом. Полные формы лично-притяжательных местоимений в данной конструкции могут иметь падежные суффиксы и изменяться по числам (табл. 1).

Таблица 1

Склонение лично-притяжательных местоимений

Падеж	Единственное число		
	минңи `мой`	хинңи `твой`	ноңңин `его`
Именительный	минңи	хинңи	ноңңин
Винительный	минңив	хинңив	ноңңиван
Дательный	минңиду	хинңиду	ноңңидук
Направительный	минңитки	хинңитки	ноңңиткин
Местный	минңилэ	хинңилэ	ноңңилан
Продольный	минңили	хинңили	ноңңилин
Направительно-местный	минңиклэ	хинңиклэ	ноңңиклан
Направительно-продольный	минңикли	хинңикли	ноңңиклин
Отложительный	минңидук	хинңидук	ноңңидукун
Исходный	минңигич	хинңигич	ноңңигидидин
Творительный	минңич	хинңич	ноңңидин
Совместный	минңинюн	хинңинюн	ноңңинюнни
Падеж	Множественное число		
	мутңи `наш`	хунңи `ваш`	ноңарңитан `их`
Именительный	мутңи	хунңи	ноңарңитан
Винительный	мутңив	хунңив	ноңарңивутан
Дательный	мутңиду	хунңиду	ноңарңидутан
Направительный	мутңитки	хунңитки	ноңарңитан
Местный	мутңилэ	хунңилэ	ноңарңилатан
Продольный	мутңили	хунңили	ноңарңилитан
Направительно-местный	мутңиклэ	хунңиклэ	ноңарңиклатан
Направительно-продольный	мутңикли	хунңикли	ноңарңиклитан
Отложительный	мутңидук	хунңидук	ноңарңидукутан
Исходный	мутңигич	хунңигич	ноңарңидитан
Творительный	мутңич	хунңич	ноңарңидитан
Совместный	мутңинюн	хунңинюн	ноңарңинюнтан

Возможно и довольно регулярное усечение конструкции: в определенной диалогической речи может наблюдаться употребление только первой части и в других случаях только существительного с лично-притяжательным суффиксом. Примеры: -Ңи авунни? — Минҗи. -Чья шапка? — Моя. -Эрэк җи мавутан дэсчин? — Ноҗарҗитан. -Это чей аркан лежит? — Их. -Опо хинҗив ормус гадин. -Афоня твоего оленя возьмет. Би ноҗидин учикач эмрив. -Я приехала на его верховом олене. Минҗилдув җэлдули дебэм. -Моим неси еду. -Мутҗигич аич исни. -От нас лучше видно`.

3. Посессивная группа, включающая возвратно-притяжательные местоимения мэн 'свой' (принадлежность одному лицу), мэр 'свой' (принадлежность многим лицам), мэнҗий 'свой' (об одном предмете, принадлежащем одному лицу), мэрҗивур (об одном предмете, принадлежащем многим), мэнҗилби (о многих предметах, принадлежащих одному лицу), мэрҗилбур (о многих предметах, принадлежащих многим лицам). Примеры: **Мэн** ач таҗуна орабди көсчидды бисни. Осикаталкан бегандя. 'Своих несчитанных оленей пасущий есть. Месяц со звездами' [1, с. 113]. Дөр ибдирил бәил аканун хөпкәчән тәриндун бис. **Мэр** доли эстән хаманра, ок-та эчил көемәттә. Коритал. 'Два неизвестных человека, братья, по разные стороны сопки находятся. Друг друга не знают, друг друга никогда не видели. Уши' [1, с. 140]. Атикан мәнҗиды муну иргәтин, хөнтәкич. 'Бабушка по-своему нас воспитывала, по-другому.' Мәнҗилдук дукарбу адиракан бакрив. 'От своих письма несколько раз получал`.

В некоторых западных говорах (например, в аллаиховском, томпонском) иногда в посессивных конструкциях отмечается отсутствие притяжательных форм личных местоимений. Например: Тар хи далси Куламагич эмчэл. Багар, би-дә кягав эмчә бидин, Эрбәткән гәрбә этикән. 'Те твои предки со стороны Колымы прибыли. Может, и мой дед прибыл, старик по имени Эрбәткән'. Буюн, минтәки укчәнни-дә аканһи би нандав-һуһив илэ дйярин? 'Буюн, Расскажи-ка мне, куда спрятал мою лебяжью шкуру твой старший брат?' Дялбу, би гоһику ачча онҗа одни, һоч нимэм нимтәмпән, боридиһ-ку көчүкән нимэм? 'Родственники, моя жена умирает, хочется ей кровь поесть, не дадите ли маленько крови?'

Как и лично-притяжательные местоимения, возвратно-притяжательные местоимения имеют полную парадигму склонения (табл. 2).

Таблица 2.

Склонение возвратно-притяжательных местоимений

Падеж	мэңий `свой (одного)`	мэрңивур `свой (многих)`	мэнңилби `своих (одного)`	мэрңилбур `своих (многих)`
Им.	-	-	-	-
Вин.	Мэнңий	мэрңивур	мэнңилби	мэрңилбур
Дат.	Мэнңиды	мэрңидюр	мэнңилды	мэрңилдюр
Напр.	Мэнңиткий	мэрңиткивур	мэнңилтэкий	мэрңилтэкивур
Мест.	Мэнңилэй	мэрңилэвур	мэнңилдулэй	мэрңилдулэвур
Прод.	мэнңилий	мэрңиливур	мэнңилдулий	мэрңилдуливур
Н.-м.	мэнңиклэй	мэрңиклэвур	мэнңилэклэй	мэрңилэклэвур
Н.-пр.	мэнңиклий	мэрңикливор	мэнңилэклий	мэрңилэкливор
Отл.	мэнңидукий	мэрңидукур	мэнңилдукий	мэрңилдукур
Исх.	мэнңигидий	мэрңигидюр	мэнңилгидий	мэрңилгидюр
Твор.	мэнңидий	мэрңидюр	мэнңилдий	мэрңилдюр
Совм.	мэнңинюми	мэрңинюмур	мэнңилнюми	мэрңилнюмур

Из приведенного видно, что эвенские притяжательные местоимения в грамматическом плане выступают как самостоятельный разряд со своими специфическими чертами (формы множественности, парадигма склонения). Употребляясь анафорически, т. е. указывая на предмет, упомянутый раньше или известный собеседнику, в синтаксическом плане эвенские краткие лично-притяжательные местоимения выполняют в основном роль определения при подлежащем: Мин часу эмрэн. `Мой час настал`. Би — хин аманси. `Я — твой отец`; возвратно-притяжательные местоимения — дополнения: Дөр нөтэл өмэтту тугуникэн, **мэн мэнур** эстэн итмэткэрэр, усу. `Два брата вместе родившихся, друг друга не видят, так говорят. Глаза и уши` [1, с. 137]; в дейктической функции полные формы лично-притяжательных местоимений выступают в качестве сказуемого: Есчимэчэклэ мут дабудукандип, теми-дэ премия — мутңи. `На соревнованиях мы победим, поэтому премия — наша`.

Эвенские посесивы имеют двойную смысловую нагрузку: указывая только на определенное лицо, они несут и выражение принадлежности.

Список литературы:

1. Бурькин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Санкт-Петербург. 2001.
2. Тайшина Е.И., Роббек В.А. Нёлтэк. Сказание. Якутск, 1992.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО КОМПЬЮТЕРНОГО ДИСКУРСА

Мойсеенко Светлана Николаевна

*преподаватель, соискатель Национального технического
университета Украины «Киевский Политехнический Институт»,
г. Киев*

E-mail: moyseyenko@bigmir.net

В статье рассмотрены элементы различных знаковых систем, реализующих семантику английского компьютерного дискурса и обеспечивающих внутреннюю целостность сообщения и его образно-когнитивное наполнение. В работе также анализируются структурно-композиционные особенности оформления английской компьютерной коммуникации с позиции семантического подхода.

Ключевые слова: семантика, коммуникация, коммуникативный акт, предложение, знак, знаковая система.

The article describes the elements of the various sign systems that implement the semantics of English computer discourse, and provide the internal integrity of the message and the image-cognitive content. The paper also analyzes the structural and compositional features of the English computer communication from the perspective of the semantic approach.

Keywords: semantics, communication, communicative act, sentence, sign, sign system.

Понятие дискурса возникло в связи с выходом лингвистических исследований за пределы предложений — в область сверхфразового синтаксиса. Поэтому, с точки зрения лингвистики дискурс, — это прежде всего комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, находящихся в смысловой связи. Любой носитель языка владеет определенным ключевым принципом, который позволяет ему проследить смысловые взаимодействия единиц на всех уровнях дискурса. Этот глубинный принцип пронизывает своим действием все уровни языковой системы (от фонетического до надфразового), что обеспечивает:

- автоматическое развертывание дискурсивных структур с традиционной семантикой;

- контроль за композицией структур при порождении нетрадиционных смыслов.

Поскольку генератором смысла являются композиция и синтаксическое оформление языковых единиц, то необходимо рассмотреть синтагматику дискурса на всех уровнях и выявить те принципы, которые управляют построением дискурсивных структур и их смысловым наполнением. Особое внимание уделяется языковым единицам с ядерной семантикой как важным операторам в формировании дискурса.

Проблема семантики находится в центре внимания современной лингвистики не только потому, что благодаря этому аспекту раскрывается коммуникативная сущность языка, но и потому, что содержательная сторона языка непосредственно связана с познавательной деятельностью человека и представляет собой область изучения многих смежных наук: философии, гносеологии, литературоведения, информатики и других, которые исследуют роль семантики в процессе формирования знаний и их передачи.

Семантический подход к дискурсу предусматривает традиционное описание дискурса в семиотике как чисто прагматическое, приравнивающее смысл высказывания к его ситуативному употреблению, так и чисто семантическое, которое рассматривает дискурс как глобальную смысловую структуру и дает возможность синтезировать, интегрировать описание дискурса с опорой на форму, которая является носителем его смысла, так как синтаксическая форма дискурса обладает смыслопорождающей способностью.

В то же время такой подход наталкивается на ряд ограничений, поскольку природа дискурса двойная, так как он представляет собой, с одной стороны, продукт коммуникативной деятельности, а с другой стороны, дискурс обращен к коммуникативному акту, к речевой деятельности. Понятие дискурса близко понятию «линейно построенной речи», и на передний план в его содержании выходит коммуникативная функция. В этом смысле *дискурс* рассматривается с позиций коммуникативной лингвистики и определяется как центральная единица речевой деятельности, которой присущи такие основные характеристики, как обусловленность экстралингвистическими факторами, событийный аспект, целенаправленное социальное действие, определение дискурса как текста, находящегося в пределах реальной коммуникации.

Объект нашего исследования — один из распространенных на сегодня разновидностей дискурса — компьютерный дискурс. Понятие «компьютерный дискурс» можно трактовать двояко: с одной стороны, это любое общение в компьютерных сетях, общение

с использованием особого рода сигналов — электронных сигналов коммуникации; с другой, — компьютерный дискурс можно определить как общение на тематику, связанную с компьютерами. Для нас актуальны оба назначения компьютерного дискурса.

Цель исследования — рассмотрение структурно-семантических особенностей английского компьютерного дискурса. Достижение поставленной цели предусматривает выполнение следующих задач:

- уточнить содержание понятия «дискурс» с позиции семантического подхода;
- рассмотреть элементы языковой системы, реализующей семантику английского компьютерного дискурса;
- проанализировать структурно-композиционные приемы оформления английской компьютерной коммуникации.

Вербальная коммуникация включает цепь высказываний, содержащую информацию, в основе которой лежит взаимодействие материальных и духовных предметов и явлений, событий и ситуаций. Роль вербальной коммуникации заключается в установлении связей между явлениями (познавательный акт), в передаче адресату своего знания предмета с той мотивацией, которая будет служить импульсом для выполнения адресатом определенных интеллектуальных или материальных действий.

Коммуникативный акт всегда предполагает как полное владение адресатом языком, так и наличие необходимых фоновых знаний, на основе которых обеспечивается понимание той или иной информации. В процессе создания дискурса обязательно учитывается уровень знаний тех, кому этот дискурс адресуется. Именно объем знаний и специализация адресата часто определяют характер изложения и структуру дискурса. В процессе коммуникации в дискурсе реализуются информационные связи коммуникантов, которые имеют определенный уровень знаний, необходимых для понимания и усвоения соответствующего материала, при этом языковой компонент адресанта и адресата должен быть равноценным, а познавательная сторона общения (полное или частичное восприятие — понимание содержания коммуникации) рассматривается в рамках эквивалентности тезауруса коммуникантов. Тезаурус коммуникантов — часть культурной и научной компетентности коммуникантов при равной языковой компетентности.

Языковая компетентность обуславливает, с одной стороны, формирование коммуникантом информации для адресата, а с другой — восприятие этой информации адресатом. Поэтому языковые единицы, которые структурируют эту информацию, обладают планом содержания, поскольку именно на этом признаке и строится сама

коммуникация, а содержательный характер языковых единиц должен быть определен не из структурных параметров, а из особенностей реального отрезка действительности, лежащего в основе семантики соответствующей языковой единицы.

В большинстве случаев семантические свойства языковых **знаков**, которые представлены в достаточно длинном и динамично развернутом контексте (дискурсе), существенно отличаются от семантических свойств тех же **знаков**, что рассматриваются изолированно или в коротком контексте. Прежде всего, речь идет, конечно, об основном **знаке** — предложении [6, с. 330].

В современном языкознании неоднократно подчеркивалась мысль о необходимости изучения предложения с учетом типизированных текстовых условий их использования, другими словами, с обязательным выходом в текст. Такое изучение помогает не только выявить новые семантико-синтаксические признаки отдельных разновидностей простых и сложных предложений, но и дает возможность рассмотреть их с позиций функциональной грамматики, которая исследует грамматические единицы во «взаимосвязи с элементами разных языковых уровней, участвующих в выражении смыслового высказывания» [3, с. 99].

Кроме того, анализ предложения в его текстовых связях является основой для серьезной разработки теории связного текста, которая обязательно должна учитывать «сочетаемость синтаксической формы и семантического значения тех же предложений, составляющих структуру текста» [4, с. 34].

Как известно, предложение — основной механизм текстообразования. Именно с помощью предложения передается новая информация в тексте в процессе его развертывания. Любое предложение в составе текста обладает способностью вступать в связь с другими предложениями. В реализации этой связи участвуют лексические, лексико-грамматические и грамматические средства. Упорядоченность видовременных, модальных и пространственных значений в предложениях, характер тема-рематического членения выполняет связующие функции в тексте.

Особенностью английского компьютерного дискурса следует признать **существование в нем различных знаковых систем**, выраженных не только вербальными элементами, но и математическими символами, графическим материалом и таблицами. В процессе создания дискурса адресант «кодирует» сообщение, последовательно используя *формализованную, вербальную и графическую (диаграммную)* системы. Элементы различных знаковых

систем, реализуя семантику одних и тех же по сути понятий, вступают в различного рода отношения, парадигматические, синтагматические, интегративные, что обеспечивает внутреннюю целостность сообщения и его образно-когнитивное наполнение.

Принципиальным моментом организации компьютерного дискурса является его «примерка» к адресату, поскольку она существенно влияет на структуру дискурса. Чтобы объяснить это, обратимся к следующей аналогии. Процесс получения новой информации адресатом заключается в членении и осмыслении этой информации. Поскольку адресат сам определяет, что ему читать / слушать, то он ищет в компьютерном дискурсе те фрагменты, которые являются наиболее информативными, и, совершив их анализ, решает, является ли информация дискурса для него актуальной. Поэтому необходимо, чтобы в пределах компьютерного дискурса были четко реализованы «принципы членения и выделения наиболее коммуникативно значимых отрезков высказывания (т. е. выделения прагматического) ...» [5, с. 18].

Каждый адресат, участвуя в акте коммуникации, имеет определенный план поиска содержательных доминант в компьютерном дискурсе. Конечно, каждый план поиска индивидуален, ибо определяется уровнем специальной подготовки и общим интеллектуальным уровнем адресата. Однако четкая композиция компьютерного дискурса позволяет выделить некоторые магистральные пункты в вышеуказанном плане.

Нами была проанализирована композиционная структура и определена семантическая характеристика композиционных элементов компьютерного текста (на материале 150 текстов компьютерного дискурса).

Информация в компьютерном дискурсе, собственно, группируется в массивы общекомпьютерного характера или в массивы, имеющие узкоспециализированный интерес. Поэтому в компьютерном дискурсе всегда можно выделить внутренние (эзотерические, понятные лишь специалистам) и внешние (экзотерические, популярные, доступные и неспециалисту) фрагменты. Традиционная композиция текста предполагает наличие вступления, основной части и заключения.

Вступление компьютерного дискурса имеет неоднородную структуру и с прагматической точки зрения можно выделить следующие части: 1) общеинформационную, 2) оценочно-проблемную, 3) информационно-селективную, резюмирующую [2, с. 29]. Информационная интеграция каждой части вступления кумулирует «сумму смыслов», которые в дальнейшем будем называть «смысловым

кумулянтом». В компьютерных текстах смысловые кумулянты наблюдаются в каждой части вступления.

Особенностью **общейинформационной** части вступления является многообразие диахронических элементов, ссылок, узуальных терминов. Сумма смыслов, которая накапливается в этой части вступления, закладывает определенный информационный фундамент утвердительного характера. Общейинформационную часть текста содержит следующий фрагмент вступления: Computer networks link computers by communication lines and software protocols, allowing data to be exchanged rapidly and reliably. Traditionally, networks have been split between wide area networks (WANs) and local area networks (LANs).

Оценочно-проблемная часть вступления более индивидуальная. В ней преобладают вопросительные интонации, частичные суждения адресанта. В оценочно-проблемной части кумулируются факты теоретического и экспериментального характера. Они формируют понятийный барьер, разделяющий точное знание и незнание, доказательное и интуитивное. В эту область информационного поля вводятся конструкции типа *no evidence, however, several attempts, although* и другие, которые имеют оттенок оппозиции, сомнения: A WAN is a network connected over long-distance telephone lines, and a LAN is a localized network usually in one building or a group of buildings close together. The distinction, *however*, is becoming blurred.

Логичное окончание вступления содержится в информационно-селективной или резюмирующей частях. Здесь адресант, используя сравнительно нейтральную лексику, сообщает о характере проведенной работы, ее наиболее весомые результаты. В психологическом плане это весьма важная часть, поскольку, анализируя, адресат предварительно оценивает работу в целом. В то же время адресат, анализируя данные и чувствуя их дефицит из-за недостаточности представленной информации, ее удержание или краткость, заинтересован и стимулирован к дальнейшему ознакомлению с информацией, поэтому эта часть вступления исполняет роль психологического «капкана»: It is now possible to connect up LANs remotely over telephone links so that they look as though they are a single LAN.

Итак, вступление компьютерного дискурса представляет собой самостоятельную конструкцию, наделенную содержательной целостностью, и внешний информационный блок описательного характера, поэтому его знаковая структура относительно однородна и имеет вербальную природу. Введение символьных обозначений обусловлено, в первую очередь, задачами текстовой экономии

и ознакомлением адресата с символами признанной системы обозначения. Соотношение количества знаков невербальной природы к количеству вербальных знаков во вступлении незначительно.

Совершенно противоположную картину наблюдаем в **основном корпусе** компьютерного дискурса. Как правило, он содержит несколько частей, которые передают теоретический и экспериментальный материал, обсуждаются полученные результаты, приводятся сравнения с известными фактами и принципами. По сравнению с общеинформационной частью вступления основная часть компьютерного дискурса имеет доказательный характер и может рассматриваться как алгоритм этого доказательства.

Для организации логической структуры алгоритма удобнее *формализованные знаковые* системы, что объясняет их важную роль в основной части компьютерного дискурса. Аргументация, доказательство, главным образом, приводятся в пределах сосуществования различных **знаковых** систем. Взаимодействие **этих систем** определяется прагматикой дискурса и является одним из важных компонентов акта коммуникации. В качестве примера приведем следующий фрагмент компьютерного дискурса, содержащий формализованные знаковые системы:

Every *C program* must have a *function* called *main* which must appear only once in a program. The parentheses following the word *main* must be present, but there must be no parameters included. The main part of the program is enclosed within *braces* *{}*, and consists of declaration statements, assignment statements, and other *C functions*.

Особенностью описательной части компьютерного дискурса является наличие в нем большого количества бинарных синтагм типа *C program*, *function main*, *braces {}*, *C functions*. Их наличие важно с точки зрения декодирования, поскольку такие двучленные структуры позволяют передать новое семантическое значение в общих виртуальных знаках. Виртуально обозначаемое *program* в линейном ряду *C program* конкретизируется обозначаемым *C*, представляя собой единство общего и конкретного. Таким образом, подтверждается утверждение: «В языке нет других средств относительной и абсолютной актуализации виртуальных слов, кроме семантического соположения словесных знаков в линейном ряду» [7, с. 82]. Описание элементов диаграммы с использованием бинарных синтагм позволяет не только сформировать логический элемент, но и наполнить его конкретным компьютерным содержанием. Как пример представим *графическую* знаковую систему в пределах компьютерного дискурса:

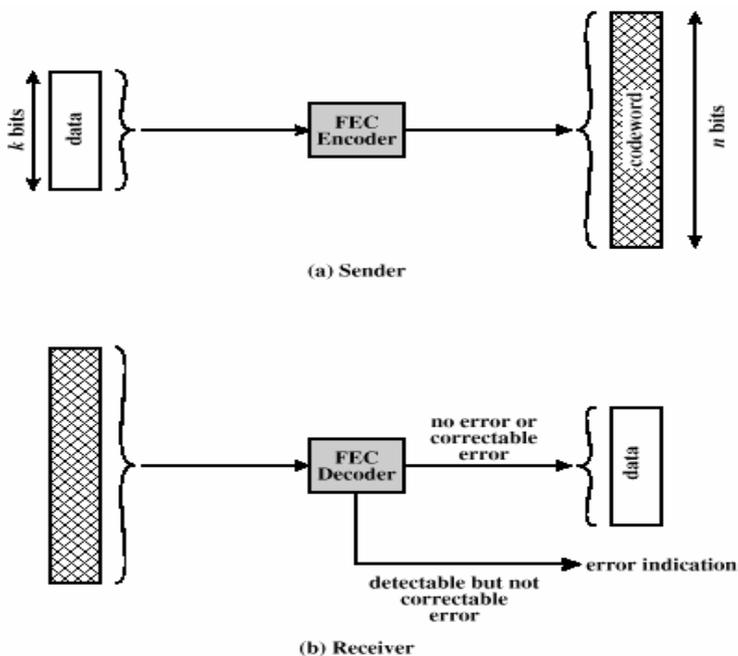

Рисунок 1. Forward Error Correction Process

Обратное ее декодирование и отображение информации в виде лексического множества позволяет распознать определенный тип компьютерных данных, описание которых с помощью компьютерной лексики потребовал бы значительной декомпрессии текстового объема. Кроме того, диаграммное описание допускает компактное хранение информации и является удобным способом идентификации различных типовых данных.

Первичная информация путем выполнения логических операций заполняется элементами имплицитной, вторичной информации. Как результат этого в содержании текста происходит органичное сочетание различных видов лингвальной и экстралингвальной информации, формируется канал для «протекания» информации в рамках внутреннего блока. Рассмотрим фрагмент вербальной знаковой системы, по нашему мнению, весьма показательен:

Error Detection Process
Sender

- For a given frame, an error-detecting code (check bits) is calculated from data bits

- Check bits are appended to the data bits

Receiver

- Separates incoming frame into data bits and check bits

- Calculates check bits from received data bits

- Compares calculated check bits against received check bits

- Detected error occurs if mismatch is found

Благодаря двум переключениям знаковых систем с формального уровня на лексический, одно предложение покрывает значительное информационное поле. Такое переключение определяет переход от целого к частному, детальному. Эта же структура обеспечивает переключение с диаграммного кода на символизированный путем последовательного отображения информации, записанной двойным кодом, на лексическое множество и с лексического множества на символизированное. Коммуникативная непрерывность, связность достигнута в данном микроконтексте при минимальной затрате лексических средств и максимальной компрессии текстового сегмента. Переключение знаковых систем актуализирует различные системы признаков, характеризующих многомерность сложных компьютерных объектов, процессов, понятий. С этой точки зрения, оптимальное сочетание различных знаковых систем в рамках компьютерного дискурса не только желательно, но и необходимо, так как только в этом случае сохраняется доказательность знаковой композиции, ее автономность, компактность.

Конкретная информация обычно «стекается» в конец дискурса. Заключительные кумулянты, генетически вторичные по отношению к конкретной информации, представлены в блоке исходных данных. В то же время они являются исходным фактором в решении определенных когнитивно-коммуникативных задач, и наличие этих кумулянтов является важным с точки зрения лексики, синтаксиса, стилистики и прагматики компьютерного дискурса.

Особую роль в композиционном плане компьютерного дискурса следует отдать выводу, который мы рассматриваем как элемент внешнего блока. Вывод уточняет и конкретизирует информацию, содержащуюся в информационно-селективной части вступления. Он представляет собой завершающий элемент внешнего информационного блока. Дополнительная существенная функция вывода заключается в прогнозировании дальнейших исследований и возможностей, что немаловажно для адресанта. Характерной чертой вывода является его полная деформализация, поскольку «формализация актуальна там, где перед исследователем возникают количественные

закономерности мира или закономерности, которые предусматривают четкое логическое вычисление» [1, с. 47]. В заключении адресант переходит на уровень качественной интерпретации, что резко снижает вероятность появления элементов формализованных языков.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Наличие **знаков и символов** различной природы в компьютерном дискурсе свидетельствует о его полифункциональности, основными компонентами которой следует признать прагматику и адекватную референтную соотнесенность. Эксплицитная выраженность информационного блока в компьютерном дискурсе достигается активным привлечением как вербальных, так и невербальных средств, при этом структурно-композиционные факторы, а также традиционные приемы оформления научного произведения играют здесь не последнюю роль.

В компьютерном дискурсе всегда присутствуют средства, повышающие уровень насыщенности когнитивной информации, для компьютерного дискурса характерно отсутствие эмоциональной окраски, широко развитая синонимия, терминологичность, которая не зависит от контекста. Абсолютное преимущество когнитивной информации в компьютерном дискурсе влечет логический, а не ассоциативно-образный путь его построения, что обеспечивается специальными языковыми средствами, т. е. средствами семантической и формальной когезии, которые требуют дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Березин Ф.М., Головин Б.Н. *Общее языкознание*. М.: Просвещение, 1979. — 416 с.
2. Бех П.А., Тарасова Т.А. *Некоторые особенности структурно-семантической организации научного текста//Научный и общественно-политический текст: лингвистические и линводидактические аспекты изучения/ каф. иностр. языков. Отв. редактор А.М. Соколова*. — М.: Наука, 1999. — С. 27—39.
3. *Большая Советская Энциклопедия в 30 томах*. — Т. 12./А.И. Прохоров 3-е изд. — М.: Сов. Энцикл., 1973. — 624 с.
4. Воробьева О.П. *Текстовые категории и фактор адресата*: — К.: Вища шк., 1993. — 200 с.
5. Наер В.Л. *Прагматика научных текстов: (вербальный и невербальный аспекты) // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты*. М.: Наука, 1985. — 239 с.
6. Степанов Ю.С. *В поисках прагматики: (Проблема субъекта)*. — Изд. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981. — Т. 40, № 4. — С. 325—332.
7. Уфимцева А.А. *Лексическое значение: (принцип семиологического описания лексики)*. — М.: Наука, 1986. — 241 с.

ОТ ИСТОРИИ ЯЗЫКА К ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Попова Лариса Георгиевна

*д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теоретической
и Прикладной лингвистики Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета,
г. Москва*

E-mail: larageorg@inbox.ru

Уже стало общеизвестным фактом признание языка составной частью национальной культуры. И данное положение находит весьма приемлемое освещение в рамках таких лингвистических дисциплин, как лингвокультурология, этнолингвистика, социология. Язык находится в зависимости от общего культурного состояния народа, которое предполагает и соответствующие формы мышления. Как в истории отдельных языков, так и целых языковых семейств можно обнаружить достаточное количество фактов, способных показать эту зависимость. И именно мышление связывает культуру и язык [8]. И прежде всего именно лексический состав языка способен показать данную связь.

О связи языка и культуры рассуждали еще языковеды девятнадцатого века. Р. Раск, как один из основателей сравнительно-исторического языкознания, подчеркивал, что описание обычаев и традиций народов в древнее время еще не дает достаточно знаний для постулирования родственных связей народов. Но именно сравнительно-исторический анализ языков этих народов придаст нам уверенности для открытия подобных родственных связей [4]. Значимость исторического аспекта языка выделял Я. Гримм. Он утверждал, что из всех человеческих изобретений, которые люди тщательно охраняли и по традиции передавали друг другу, которые они создали в согласии с заложенной в них природой, язык является величайшим, благороднейшим и неотъемлемым достоянием. Возникнув из человеческого мышления, приравнявшись к нему, идя с ним в ногу, язык стал общим достоянием и наследием всех людей, без которого они не могут обойтись. Именно в языке можно увидеть историю народа [1]. Продолжая свои размышления о разработке этого вопроса в языкознании, В.А. Звегинцев подчеркивал, что изучение языка не может быть ограничено только историческим аспектом; изучая язык и историю народа в тесной связи друг с другом, нельзя забывать о специфике закономерностей

развития, свойственных, с одной стороны, языку, а с другой стороны, носителю этого языка — народу; вопрос о связи истории языка с историей народа нельзя ограничивать только одним направлением и проследить только влияние истории общества на развитие языка. Несомненно, что к этой проблеме самое непосредственное отношение имеют также и различные виды контактов языков (которые обуславливаются историческими и территориальными факторами), процессы и формы скрещения языков, взаимоотношения языка и культуры, проницаемость различных сфер языков, отношение языка к социальной структуре общества [2].

Заслуживает несомненного упоминания в этом плане работа авторов по истории языка и истории культуры «Именослов. История языка. История культуры», в которой размещены научные сообщения сотрудников Центра славяно-германских исследований, материалы докладов, прозвучавших на постоянно действующем семинаре Центра, тематических круглых столах и конференциях в 2006—2008 гг., работы известных исследователей, которые были приглашены специально для этого издания. Представленные статьи предлагают комплексный междисциплинарный подход в исследовании мира архаической древности и Средневековья в филологической, исторической и искусствоведческой перспективе. Следует упомянуть научные статьи о славяно-балто-германской диалектной общности, об интерпретации готских имен, мужества как историко-семантической и историко-культурной проблеме [3].

Отсюда в рамках данной статьи хотелось бы затронуть такой вопрос, как динамику развития значений слов на материале германских языков (английского и немецкого) и о связи с историей развития культуры этих народов. Для примера возьмем такой аспект культуры как земледелие. И обратимся к номинации серпа в этих языках.

В английском языке для номинации серпа используются слова: *sickle*, *reaping-hook*. Серп луны — *crescent / sickle moon* [6]. В свою очередь, слово *sickle* обозначает ручной инструмент для резки травы и высоких растений, он состоит из изогнутого лезвия и ручки. В литературе встречается серповидная форма [7]. По своей этимологии это слово в древнеанглийском языке имело вид *sicol*. Оно по своему происхождению является западно-германским словом, сравните: средненидерландское *sickele*, древневерхненемецкое *sihhila*, нововверхненемецкое *Sichel*. Данное слово происходит из латинского *secula* (топор, большой нож), от индоевропейского корня *sek* — (резать) [10].

Другое слово *reaping-hook* конкретно в английском языке означает приспособление в виде кривого ножа из металла

или пластика для срезки и собиранья затем зерновых типа пшеницы [7]. По своей этимологии *hook* в древнеанглийском языке имел вид *hōc* «крючок, кривой нож, рыболовный крючок», из прагерманского **hokaz/*hakan-* (сравните: древнефризское *hok*, средненидерландское *hoek*, нидерландское *haak*, немецкое *Naeken* «крючок»), восходит к индоевропейскому корню **keg* — «крючок, зуб» (сравните русское коготь) [10].

В немецком языке этот инструмент называется словами «*Sichel*», «*Hippe*» [5]. Слово «*Sichel*» обозначает инструмент для срезания травы, он изготовлен из металлического лезвия полукруглой формы и деревянной ручки. В переносном смысле говорят о серпе месяца. По своей этимологии слово имело вид в средневерхненемецком языке *sichel*, в древневерхненемецком языке — *sihhila*, происходит из латинского языка, где *secula* было наименованием маленького серпа [9].

Словом «*Hippe*» обозначается кроме серпа садовый нож, устаревшее обозначение косы. Складной нож с гнутым лезвием для работы в саду и винограднике, как аллегория используется это слово для обозначения косы у смерти. По своему происхождению слово появилось из ареала восточногерманских языков. В средневерхненемецком языке имело вид *herre*, в древневерхненемецком языке *herra*, родственно слову *schaben* в значении работать острым инструментом, резать им, расщеплять [9].

Подобный семантический комментарий позволяет увидеть историю становления данного орудия труда. И если изначально это был нож определенной формы, то потом он стал серпом, которым срезали ручную траву и зерновые для хозяйственных нужд. Но на этом история орудия не остановилась, и хотя в наше время ручную не режут серпом траву и злаковые в странах, говорящих на английском и немецком языках, то используют его в качестве садового ножа, так как форма этого орудия труда позволяет сделать многие работы в саду для англичан и немцев.

Список литературы:

1. Гримм Я. О происхождении языка// Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. — М.: Учпедгиз, 1956. — с. 64.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. — Часть I. — Издание третье, дополненное. — М.: «Просвещение», 1964. — 466 с.
3. Именослов. История языка. История культуры / Отв. ред. Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. (Труды Центра славяно-германских исследований I / Ред. коллегия серии: Вяч.Вс. Иванов, А.Ф. Литвина, С.М. Михеев, Т.М. Николаева, Ф.Б. Успенский). — 240 с.

4. Раск Р. Исследования в области древнесеверного языка// Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков. — М.: Учпедгиз, 1956. — с. 36.
5. Русско-немецкий словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru>.
6. Смирницкий А.И. Русско-английский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://smirnitsky.slovaronline.com>.
7. Толковый словарь английского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
8. Чудинов В.А. Язык как составная часть культуры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://chudinov.ru/yazyik-kak-sostavnaya-chast-kulturyi>.
9. Универсальный словарь немецкого языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.duden.de>.
10. Этимологический словарь английского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.etymonline.com>.

ДИАЛЕКТИКА ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ КАК СООТНОШЕНИЕ КОГНИТИВНОГО И СЕМИОТИЧЕСКОГО В КАТЕГОРИИ СИМВОЛА В МОДЕРНИСТИЧЕСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Яценко Эвелина Александровна

*аспирант, Запорожский национальный университет, г. Запорожье
E-mail: evayatsenko@mail.ru*

Соотношение формы и содержания — многогранная лингвистическая проблема, рассмотрение которой в контексте модернистического поэтического дискурса сводится к определению особенностей воплощения когнитивного и семиотического компонента в символическом языке, а так же их взаимообусловленность. Решение этой комплексной проблемы сводится к установлению особенностей проявления диалектики формы и содержания в символике модернистических поэтических текстов. При таком подходе возникает вопрос о зависимости значения символа от его формы и наоборот, поскольку для поэтов-модернистов большое значение имеют как формальные аспекты языкового выражения символики, та и её содержательная сторона.

Исследование символики модернистического поэтического дискурса в когнитивно-семиотической парадигме, а именно её смысловых и формальных аспектов, включает категорию знаковости, а именно понимание языкового знака как единицы выражения смысла, в том числе и символического.

Важным аспектом соотношения содержания и формы в языковых знаках является неоднозначность их связи. Содержание и форма — понятия диалектические: они выражают разные, но неотъемлемо связанные между собой проявления одного и того же предмета или явления: содержание оформлено, а форма содержательна, как считал Гегель [4]. Поэтому содержание и форма неразрывны, одно не существует без другого.

Существует два подхода для решения этой дилеммы:

- формальный, согласно которому не отрицается идеальное содержание искусства, но считается, что «содержание является одним из явлений формы» [18, с. 129], то есть, «форма, будучи следствием значения, в известном смысле создает его» [7, с. 59];

- идеальный, согласно которому, поскольку форма и содержание «находятся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности, само содержание указывает на то, какая форма наилучшим образом отвечает ему» [6, с. 60]. То есть, смысл находит свое проявление через форму, а не наоборот: «говоря о «внешнем» как проявлении «внутреннего», мы замечаем, что всякое «внешнее» есть частный случай «внутреннего», что оно именно такое «внутреннее», которое проявилось вовне» [9, с. 9].

В лингвистической научной парадигме последняя концепция находит воплощение в термине «языковое выражение», которое указывает на определённое активное направление внутреннего в сторону внешнего, на определённое активное самопревращение внутреннего во внешнее, то есть, содержания в форму.

В контексте данного исследования диалектика формы и содержания как воплощение определённой идеи в языковой форме и свойство языковых средств провоцировать возникновение определённых смысловых констелляций в сознании предполагают, по нашему мнению, необходимость учитывать постулаты обоих подходов, поскольку одно и то же значение может иметь разные формы, а одна и та же форма — разное содержание.

Символ всегда содержит определённую идею, которая оказывается законом всего его построения. И построение это, будучи воплощением подобного закона, всегда есть определённой упорядоченностью, то есть, определённым образом упорядоченным образом [10, с. 23]. Таким

образом, символ в художественном произведении является единством взаимодействия формы и содержания, но их диалектическая взаимообусловленность усложнена: по своему непосредственному содержанию символ не имеет прямой связи с языковой формой, которая его выражает.

Так, внутренняя сторона символического изображения и его внешняя сторона не имеют ничего общего между собой [10, с. 26], поскольку символ выступает лишь стимулом к поиску вложенного в него смысла: он заряжен многочисленными смысловыми потенциями и, таким образом, привлекает к сотворчеству, будучи лишь намёком на смысл, который он сам не содержит. В модернистических поэтических текстах значение символа лишь просвечивает через его языковое выражение, а выражение лишь является намёком на вложенное в него значение. В этом смысле «символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за границы знаковости» [11, с. 199].

Выходя из соотношения языка и мышления, а именно функции языка как инструмента мышления, представляется правомерной мысль об аналогичности и взаимообусловленности происхождения формы и содержания [7, с. 60]. При таком подходе выражение — это «синтез «внутреннего» и «внешнего», — *сила*, заставляющая «внутреннее» *проявляться*, а «внешнее» — тянуть в глубину «внутреннего». Выражение всегда динамично и подвижно, и *направление* этого движения есть всегда от «внутреннего» к «внешнему» и от «внешнего» к «внутреннему» [9, с. 20]. Таким образом, внутреннее — смысл — ищет проявление во внешнем — форме — и наоборот. В языке это явление находит воплощение в языковом знаке, который «задаёт один из возможных альтернативных вариантов соответствия формы и содержания» [14, с. 14]. Итак, значение есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму [4, с. 298—299].

Таким образом, «форма и содержание не существуют изолированно, форма репрезентует внутреннюю структуру содержания и является его внешним выражением, что обуславливает существование внутренней и внешней формы выражения» [7, с. 59]. Поэтому можно рассматривать внутреннюю форму языкового выражения как внутренний мыслительный образ, который есть смысловым ядром, идеей выражения. Выражение предмета — это такая его внутренняя жизнь, которая проявила себя внешним образом, и такая внешняя сторона предмета, которая указывает на его внутреннюю жизнь [10, с. 24]. Находя проявление в форме

символа, совсем не обязательно, чтобы его внешняя сторона была выразительно-красочной, она может быть даже и незначительной, схематической, но должна указывать на что-то иное и подчёркивать, что внешнее здесь является не только внешним, но и внутренним, значимым, а внутреннее, каким бы оно не было глубоким, тут — не только внутреннее, но и значимое.

Итак, если предположить наличие внутренней формы слова, она существует в качестве цельноформленного мысленного образа, который включается в значение лексических единиц, ориентирует на него, вызывает в воображении один из составляющих её смыслов как ментальный образ [7, с. 28], поскольку она выступает как бы посредником между лексическим значением и материальной языковой оболочкой.

Например, в эпической поэме Э. Паунда “Cantos” сам процесс странствий героя — “voyage” — носит символический характер за счет вложенного в него авторского ментального образа, воплощением которого он выступает в тексте. С одной стороны, путешествие главного героя соотносится с «Одиссеей», поскольку в “Cantos” наблюдается актуализация опасностей эпоса Гомера. С другой стороны, у Э. Паунда само путешествие заключается в открытиях, в отличие от «Одиссеи» оно не руководствуется никаким наперёд определённым планом или конечной целью. Поэтому, по нашему мнению, путешествие у Э. Паунда символизирует духовные поиски, которые сопровождаются внутренними изменениями и перевоплощениями человека. Поэт символически актуализирует через “voyage” концепт поиска выходов и стремление перемен человека на протяжении жизни:

*What gain with Odysseus,
They that died in the whirlpool
And after many vain labours,
Living by stolen meat, chained to the rowing bench
That he should have a great fame... [20, p. 93].*

Отчаяние из-за бесконечных скитаний и испытаний вербализируется словосочетанием “*What gain with Odysseus*”, а так же словами “*died*” и “*chained*”, которые символически воссоздают трагизм героя, который теряет надежду. Итак, вложенный в слово “*voyage*” символический смысл актуализируется именно в тексте поэмы на основе взаимодействия с другими языковыми единицами, поскольку его смысловая нагрузка не тождественна его семантическому значению.

В лингвистической научной парадигме существуют два противоположных взгляда на сущность языкового знака:

- знак есть *монолатеральной* (односторонней) сущностью, поскольку он выражающий, материальный, а значением есть то, на что он указывает, и оно не входит в его состав;

- знак есть *билатеральной* (двусторонней) сущностью [16], так как значение репрезентует содержательную сторону лексической единицы и поэтому оно должно включаться в понятие языкового знака.

В контексте исследования особенностей языковой актуализации символики в модернистическом поэтическом дискурсе более релевантным представляется первый подход к значению языкового знака, поскольку в функции символа языковой знак обозначает то, чем он не является, то есть, чего он изначально не содержит в своей понятийной сфере. Таким образом, символ есть лишь указанием на то, что он обозначает, то есть его отражением, поскольку оно не входит в его содержательный состав, а по сути является чужим ему понятием.

Например, сирень у Т.С. Элиота имеет особенное символическое значение и служит воплощением концепта «смерти-в-жизни». Образ сломанной ветки сирени в раннем стихотворении Т.С. Элиота “The Woman’s Portrait” выступает ироничным намёком на тайную страсть человека, знаком связи с первоосновой жизни. В поэме “Ash Wednesday”, написанной после поэмы “The Waste Land”, в которой шла речь о пагубности страсти, сирень обозначает любовное желание, которое герой должен в себе перебороть. В начале поэмы «Бесплодная земля» “*lilac*” выступает символическим воплощением жизненности и первоосновы, но и возрождения, которое таит в себе дурман и, в конечном итоге, смерть-в-жизни, что вербализуется через коннотативность смежных с ним словосочетаний: “*dead land*” и “*the cruelest month*”, а также деепричастных оборотов: “*mixing memory and desire*” и “*stirring dull roots with spring rain*”:

April is the cruelest month, breeding

Lilacs out of the dead land, mixing

Memory and desire, stirring

Dull roots with spring rain [19, p. 60].

Таким образом, согласно с авторским замыслом “*lilac*” выражает не прямой, словарный, а вложенный в него автором смысл.

В лингвистической науке существуют различные теории значения слова и разные подходы к его определению. Согласно с субстанциональными теориями, **значением слова является:**

- **предмет** (референционный подход), то есть, «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании... которое входит в структуру слова в качества так называемой внутренней его стороны» [15, с. 89]; или

- **понятие** (концептуалистический подход), согласно с которым под значением слова понимают «концепт, который актуализируется в сознании» [12, с. 163], а концепт — это «мысль о чём-то общем или единичном, понятие или представление» [12, с. 165].

По нашему мнению, значение слова включает в себя как отображение предмета в смысловом отношении, так и концептуальное представление о предмете в форме идеи или образа. Поэтому в слове звуковой комплекс имеет привязку к выражаемому им таким образом смыслу, который является психической сущностью. Соответственно, значение слова есть «взаимным отношением между названием и смыслом, что позволяет им вызывать друг друга в сознании» [21, с. 70]. Поэтому можно согласиться с утверждением, что в языковом знаке находят проявление следующие диалектические особенности:

1. неразрывное, но относительное единство формы и смысла;
2. решающая роль смысла;
3. представление смыслом динамичной стороны целого и охват формой в первую очередь системы стойких связей предмета;
4. умение формы в некотором отношении влиять на содержание;
5. возникновение на определённом этапе несоответствия между формой и смыслом: изменение смысла приводит к ломке старой и проявлению новой формы, адекватной развитому содержанию [7, с. 57].

Эти свойства знаков проявляются в их функционировании в качестве носителей смысла, а также во взаимодействии друг с другом в семиотическом континууме, что в контексте данного исследования соотносится с текстом.

Выделяют четыре **уровня семиотического континуума**, где:

четвёртый уровень — это коды;

третий — их материальные носители;

второй уровень — поверхностный смысл текста, который представляет собой сумму смыслов знаков, которые образуют текст;

первый уровень — глубинный смысл, исходный замысел автора, который определил выбор знаков и способов кодирования [13, с. 32].

То есть, текст есть определённым образом упорядоченным множеством знаков, которые объединены единством замысла и в силу этого имеют глубинный, личностный смысл, которым их наделил автор, в результате чего происходит уточнение или расширение значения языковых знаков. В отличие от обычного языкового знака, который выражает конвенциональный смысл, символ шире своего

линейного значения. Поэтому символы часто многозначны, а иногда и неоднозначны [2, с. 437], поскольку всякий символ всегда представляет собой некоторого рода обобщение, которое зовёт за пределы этого предмета и создаёт бесконечную смысловую перспективу [10, с. 22].

Рассмотрим как пример проявления неоднозначности и полисемии символики на следующем фрагменте поэмы Т.С. Элиота “Love Song of J. Alfred Prufrock”:

*The conscience of a blackened street
Impatient to assume the world.
I am moved by fancies that are curled
Around these images, and cling:
The notion of some infinitely gentle
Infinitely suffering thing* [19, p. 78].

В тексте поэмы слово “city” символично и выражает материализованное воплощение в этом мире образа преисподней, что актуализируется через сочетание языковых единиц, которые вербализируют ощущение ужаса, трагизма и безысходности: “blackened street” и “Infinitely suffering thing”. В поэме происходит осмысление идеи ада Данте, которая находит своё развитие на внутреннем, душевном уровне героев. Так, город возникает как “selva oscura”, которая выступает воплощением внутренних сумерек: вид города является символическим отражением внутреннего состояния героев через фрагменты грязных улиц, мусора, тумана и сырости. Такое восприятие мира как враждебного настроенного по отношению к человеку пространства является «проекцией внутренней неупорядоченности, душевного дискомфорта» [17, с. 9] героев Т.С. Элиота. То есть, «лес, в котором дантовский герой оказывается «на середине жизни», так же как и бодлеровский «лес символов» — это не внешний опыт, который открыл поэтам мир трансцендентного, а внутренний лес — единое место, в котором искатель может встретиться с тайной и откровением» [1, с. 8]. Поэтому у Т.С. Элиота город становится символическим воплощением сумерек людской души, что находит своё концептуальное развитие на протяжении текста.

Итак, в модернистической поэзии символ не является носителем значения, а лишь указанием, намёком на определённый закодированный в нём смысл, который часто имеет сложную философскую подоснову. Таким образом, в модернистических поэтических текстах символ указывает на некий предмет или понятие, которое выходит за пределы его непосредственного смысла; он всегда содержит некое значение, но не просто значение самих предметов,

а своей сущностью указывает на нечто другое: «в этот предмет мы вкладываем то, что ему с первого взгляда совсем несвойственно, но что его осмысляет и делает для нас особенно понятным, то есть, указывает уже на отражение тех или иных физических явлений в сознании, а после и в мышлении» [10, с. 19]. Таким образом, выражение определённого предмета или понятия через символ понятийно и концептуально обогащает этот предмет или понятие, что даёт возможность увидеть их в другом свете, через призму непредсказуемых мыслей и чувств.

В составе модернистического поэтического текста происходит обьигрывание смыслового наслоения символов за счёт того, что, будучи по своей сути языковыми знаками, в процессе «вторичного (эстетического) знакообразования уже известные (и часто хорошо известные) словесные знаки функционируют как единые, но, относительно самостоятельные в своих «планах» объекты поэтической рефлексии, как содержательные формы, которые получают каждый раз новое, художественное значение» [5, с. 111]. Поскольку «значение словесного знака как объекта поэтической рефлексии реализуется лишь в способе понимания, который и есть «смыслом» словесного знака. Поэтому «новое, художественное значение» словесного знака — это новый способ понимания его значения, или каждый раз новый смысл, приобретённый им в безгранично вариативной вербальной среде» [8, с. 139]. Следовательно, по нашему мнению, в контексте данного исследования целесообразно уделять особенное внимание знаковой системе модернистических произведений, чтобы проследить те семантико-синтаксические связи, в которых определённый авторский символ приобретает заданные ему смысловые качества.

Например, в поэме Т.С. Элиота “The Hollow Men” значение символического образа современников поэта, в душах которых лишь пустота и нет ни чувств, ни духовности, который вербализуется через словосочетание “*hollow men*”, уточняется через словосочетание с союзом “without”: “*shape without form*”, “*shade without colour*”, “*gesture without motion*” и простым словосочетанием “*paralysed force*”:

Shape without form, shade without colour,

Paralysed force, gesture without motion [19, p. 53].

То есть, форма и содержание в модернистических поэтических текстах являются лишь средствами, а цель заключается именно в воплощении символического значения. При таком понимании форма в художественном символе — условность и обусловлена творческими приёмами автора, а так же его индивидуальными чувствами и переживаниями: «выходя из представляемого смысла, становится

очевидным, что он — смутное наше волнение, но от него зависит форма творческого видения, то есть образ, который возникает в нашей душе» [3, с. 76].

Таким образом, символ предмета есть оформлением его идейно-образной построения. Но идейная образность, взятая сама собой, совсем ещё не есть символом; чтобы быть символом, она должна указывать на что-то другое, чем не есть она сама, и даже быть для этих других предметов законом их построения [10, с. 23].

Следовательно, на основе выполненного анализа к основным свойствам символа в модернистической поэзии можно отнести:

а. особенность структуры (языкового выражения): нераздельная цельность образа и значения (то есть, образной формы и содержания);

б. символ выражает нечто призрачное, многозначное, такое, что не «изображает», а отсылает в сферу ощущений, к области вечного и истинного, он несёт в себе некоторое идеальное содержание.

Итак, в модернистической поэзии символы характеризуются определённой неопределённостью в отношениях между текстом-выражением и текстом-содержанием: вербальное выражение образов-символов не всегда полностью открывает значение, а лишь как бы намекает на него. Возможно, это объясняется тем, что «выражение есть лишь коротким мнемоническим знаком размытого текста-содержания, или же принадлежностью первого к ... открытой сфере культуры, а второго — к сакральной, эзотерической, таинственной, или романтической необходимости «выразить то, что невозможно выразить» [11, с. 192]. Таким образом, в модернистической поэзии символ охватывает самую сущность абстрактных идей, придаёт им чувственно-наглядную форму.

Список литературы:

1. Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Символы. Знаки. Эмблемы. Энциклопедия. — М.: Астрель, 2004. — 598 с.
2. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Телицын Л.В. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия. 2-е изд. — М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик, 2005. — 494 с.
3. Белый А. Символизм как миропонимание. — М.: Республика, 1994. — 528 с.
4. Гегель Г.В. Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1974. — 452 с.
5. Григорьев В.П. Поэтика слова. — М.: Наука, 1979. — 343 с.
6. Джваршейшвили Р.Г. Психологическая проблема художественного перевода. — Тбилиси: «Мецниереба», 1984. — 166 с.

7. Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц. — Львов: Высшая школа, 1988. — 160 с.
8. Коломієць Л.В. Концептуально-методологічні засади сучасного українського поетичного перекладу (на матеріалі перекладів з англійської, ірландської та американської поезії). Монографія. — К.: Київський Національний Університет ім. Т.Г. Шевченка. ВПЦ «Київський Університет», 2004. — 451 с.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.:«Правда», 1990.
10. Лосев А.Ф. Словарь античной философии. Избр. статьи. М.:Мир идей — Акрон, 1995. — 230 с.
11. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Избранные статьи: В 3х т. — Т. 1. — Таллин: Александра, 1992. — 479 с.
12. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. — М.: Высшая школа, 1988. — 168 с.
13. Никитина Е.С. Семиотика: курс лекций. — М.: Академический проект, 2006. — 528 с.
14. Почепцов Г.Г. Семиотика. — Рефл-бук Ваклер, 2002. — 432 с.
15. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания. — 1955. № 2. — с. 79—90.
16. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М.: Наука, 1977. — 252 с.
17. Ушакова О.М. Европейская культурная традиция в творчестве Т.С. Элиота. — М.: 2007. — 44 с.
18. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — Л.: Атений, 1924. — 193 с.
19. Eliot T.S. Collected Poems: 1909—1962. — New York:Harcourt, 1988. — 183 p.
20. Pound E. The Cantos (1-95) / Ezra Pound. — N.Y.: New Directions Publishing Corporation, A New Directions Book, 1956. — 824 p.
21. Ullmann S. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning. — Oxford/New York, 1962. — 278 p.

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОТРИЦАНИЯ ИСПАНСКИМИ ГРАММАТИКАМИ

Глушук-Олея Анна Игоревна

*канд. филол. наук Херсонского государственного университета,
г. Херсон, Украина
E-mail: naranha@ukr.net*

Отрицание, негативность или негация — одна из важнейших языковых категорий, которая служит для описания действительности, играет огромную роль в процессе коммуникации, является одной из основных умственных операций. Среди остальных универсалий отрицание выгодно отличается особым положением в разных отраслях человеческих знаний — философии, логики, психологии, математики, языкознании.

Универсальность отрицания обусловлена стремлением человека к дифференциации явлений действительности и к отображению этого процесса в языке. В испанском, как и в других языках, к изучению отрицания как лингвистической категории часто обращаются учёные и по сегодняшний день. Но, начиная с классической грамматики А. Небрихи (1492 г.), и включая разные издания грамматик Королевской Академии Наук Испании, едва найдутся исчерпывающие исследования отрицательных элементов; а грамматики, придерживающиеся логической традиции, под отрицанием понимали элемент логики, который, по их мнению, не представлял собой грамматической проблемы, а следовательно, и интереса для полемики [9, с. 22]. В XIX в. происходит разрыв с грамматическим логицизмом [1, с. 84—85], который характеризовался заменой определённых законов развития языка законами и формами логики, и утверждал существование чёткого параллелизма между мышлением и речью [6, с. 266]. Такой разрыв отобразился на разных лингвистических темах, в частности, привёл к заинтересованности отрицательными предложениями. Примером этого могут служить исследования В. Сальва (1830 г.) “*De las frases para negar, preguntar y exclamar*”, где выражается мысль о необходимости детального изучения разных наклонений, времён, которые используются в отрицательных предложениях, а также порядка

слов и отрицательных частиц, предшествующих глаголам [10, с. 486]; в работе описываются указанные аспекты, концентрируется внимание на анализе форм и употребления отрицания, двойного отрицания и последовательности отрицательных элементов. Определённо важной в теории испанского отрицания считается *Gramática de le lengua castellana* А. Белльо (1847 г.), XVI глава которой посвящена анализу общих схем утвердительных предложений и их модификаций в результате употребления отрицательных морфем; таким образом, такое детальное изучение отрицания стало основой для разных грамматик [9, с. 23]. Макроскопический подход А. Белльо позволил признать позитивное значение слов, которые, следуя за глаголом, употребляются как усилители отрицания, и установить, что предшествуя глаголу, они, наоборот, приобретают негативное / отрицательное значение. То есть, было установлено, что некоторые отрицательные слова по происхождению и по сути своей являются позитивными, например *nada* (*nacida*, подразумеваемая вещь), *nadie* (*nacido*, подразумеваемая человека), *jamás* (*ya más*), и, предшествуя глаголу они, как будто, поглощают частицу *no* [3, с. 712]. Например: *No he visto nada / Nada he visto*.

В грамматике Р. Ленца рассматриваются модальные, утвердительные и отрицательные наречия, а отрицательные предложения отдельно не выделены; учёный разделяет все виды предложений на восклицательные, вопросительные, распространительные, и к последним относит негативные предложения, которые одновременно связаны с выражениями утвердительных суждений [7, с. 21, 276]. Грамматическое отрицание по Е. Льюренсу употребляется для выражения несогласия или неправдивости высказывания, для исключения понятия, какого-то признака или обстоятельства, с антитезой или без неё; отрицание настолько отделяется от утвердительного высказывания, насколько полным является исключение качеств и обстоятельств в позитивном суждении [8, с. 7]. В своей научной работе учёный различает два типа отрицания: синтаксическое, которое выражается специальными словами, и морфологическое, выражающееся префиксально, и утверждает, что романские языки тяготеют к использованию синтаксического отрицания благодаря рельефности, какую приобретает сама идея негации, когда она аккумулируется в определённых отрицательных терминах [8, с. 9]. Также Е. Льюренс рассматривает исторический аспект испанского отрицания, например, таких элементов, как *nunca*, *jamás*, *tampoco*, *ninguno*, *etc.*, и изучает употребление некоторых существительных как усилителей отрицания [8]. А. Алонсо и Е. Уренья в *Gramática castellana*

утвердительные и отрицательные предложения относят к распространительным, согласно классификации по намерению говорящего; авторы утверждают, что фразы, в зависимости от утверждения или отрицания, считаются утвердительными и отрицательными [2, с. 22].

Последующие грамматика под отрицанием подразумевают инструмент выражения объективного несоответствия подлежащего и сказуемого, несмотря на их постоянную синтаксическую связь: *Soy estudiantre / No soy estudiante*. Таким образом, вытекает предположение, что испанские грамматика рассматривают утвердительные предложения как основу относительно отрицательных, а саму негацию — как деривацию из утверждения [9, с. 24]. Отрицание, в таком случае, является типом семантико-синтаксических отношений, производным от утверждения, которое выражает не противоположное ему, а означает отсутствие предполагаемой связи [5, с. 56]. По отношению к утверждению, отрицание — это самостоятельная и полноправная категория, и вместе они составляют речевую оппозицию. Сами понятия утверждения / отрицания выражаются предложениями, а понятия правдивости / неправдивости соответствуют пропозиции [4, с. 9]. Например: *Ana vive en Madrid / Ana no vive en Madrid*.

Первое предложение — аффирмация того, что Анна живёт в Мадриде, второе предложение — отрицание первого, и того, что экстралингвистическая ситуация имеет место. Но это не означает, что первая пропозиция правдива, а вторая нет, поскольку всё зависит от реального положения вещей в действительности. Первая будет истинной, если Анна, правда, живёт в Мадриде, и ложной, если она живёт в другом городе. Вторая — наоборот будет правдивой, если Анна не живёт в Мадриде, и неправдивой в обратном случае. То есть, утверждение и отрицание не соответствуют понятиям истинности и ложности [4, с. 10].

Б.С. Алонсо особое внимание уделяет систематизации способов функционирования категории отрицания в испанском языке из-за разноплановости темы, поскольку, исходя из утверждения, отрицание, вместе с сомнением, выражает модальность, отношение говорящего к определённом высказыванию или утверждению [11, с. 379]. С отрицанием выражается не только позиция собеседника, но и реализуется экспрессивная функция. Например, в восклицательных и вопросительных предложениях утверждение и отрицание нейтрализуются: *¿no tienes frío?* ничего не отрицает, а лишь добавляет во фразу модус отрицательного ответа. То есть, можно утверждать,

что не всегда отрицание является противоположностью утверждения, поскольку их оппозиция неоднозначна и, иногда, отсутствует; нельзя однозначно утверждать, что частица *no* может отрицать связь подлежащего и сказуемого, как это определяют другие грамматики [11, с. 380]. Во-первых, их связь неразрывная, во-вторых, частица *no* может выполнять другие функции: предложения в реплике, вывода без конкретной синтаксической функции. Связь подлежащего и сказуемого будет одинаковой в предложениях “*quiero que vengas*” и “*no quiero que vengas*”, или присутствует в синтагмах с подлежащей связью “*quiero que no vengas*” и “*no quiero que no vengas*”, так как *no* относится только к сказуемому. Принимая это во внимание, Б.С. Алонсо наиболее грамматически обоснованным, прежде всего, считает разграничение *лексического* и *грамматического* отрицания [11, с. 380]. Грамматическое отрицание представлено частицей *no* перед отрицаемым элементом. Лексическое отрицание выражается пересемами с отрицательным значением: наречиями, местоимениями, предлогами (*nadie, ninguno, jamás, sin, en absoluto, excepto que, tampoco*). Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что универсальная категория отрицания сложная, многоаспектная и разноплановая, для репрезентации которой используются разноуровневые средства выражения, вследствие чего считаем необходимым комплексный подход к её изучению, прежде всего, в испанском языке.

Список литературы:

1. Alcina Franch J. Gramática española / J. Alcina Franch, José Manuel Blecua. — Barcelona: Ariel, 1975. — P. 84—95.
2. Alonso A. Gramática castellana. Primer Curso (Decimocéptima edición) / A. Alonso, P. Henríquez Ureña. — Buenos Aires: Losada, 1959. — 238 p.
3. Bello A. Gramática de la lengua castellana [Estudios y edición de R. Trujillo]. — Madrid: Arco-Libros, 1988. — 1024 p.
4. González Rodríguez R. La expresión de la afirmación y la negación. — Madrid : Arco-Libros, 2009. — 90 p.
5. Hernández A.C. Nueva sinraxis de la lengua española (sintaxis onomasiológica: del contenido a la expresión). — Salamanca: Colegio de España, 1995 — P. 55—70.
6. Lázaro Carreter F. Diccionario de términos filológicos / Fernando Lázaro Carreter. — Madrid: Gredos, 2008. — 443 p.
7. Lenz R. La oración y sus partes. Estudios de gramática general y castellana. — Madrid: “Revista de la filología española”, 1935. — 570 p.

8. Llorens E.L. La negación en español antiguo con referencia a otros idiomas. — Madrid: “Revista de la filología española”, 1929. — 198 p.
9. Said S.K. Estudio comparativo de los procedimientos de la negación en español y en árabe. — Granada: Universidad de Granada. Facultad de filosofía y Letras. Departamento de Lengua española [Tesis doctoral], 2009. — 492 p.
10. Salva V. Gramática de la lengua castellana, según ahora se habla [Estudios y edición de Margarita Llisteras]. — Madrid: Arco-Libros, 1988. — 1831 p.
11. Sanz Alonso B. La negación en español. — P. 379—384. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: cvc.cervantes.es/ensenanza/.../06_0378.pdf.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УПРАЖНЕНИЙ В ФОРМЕ ИГРЫ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ОБЩЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Смолина Людмила Игоревна

старший преподаватель

Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева,

г. Астана, Казахстан

E-mail: fr-ls2012@yandex.ru

Одна из основных и наиболее трудных задач учебного процесса является обучение речи на иностранном языке. Продуктивные навыки владения речью (говорение, письмо) развиваются значительно медленнее, чем рецептивные (понимание на слух, чтение про себя). Использование специальных упражнений позволяет создать языковую атмосферу на занятии, ослабить влияние родного языка в процессе обучения иностранному языку, создать подобие жизненных ситуаций по соответствующим разговорным темам. Важным приемом обучения является игра. Эмоциональное состояние, сопровождающее игру — интерес, чувство удовольствия, радости — облегчает обучение, помогает обучающимся приблизиться к конкретным целям обучения. Спонтанность игры позволяет включить обучающихся в занятие не частично и не формально, дает возможность проявить свои лучшие личностные качества в полной мере. В игре происходит сглаживание внутренних противоречий личности, поэтому у обучающихся в условиях игрового обучения улучшается психологическое состояние. Игра позволяет создать между преподавателем и группой обучаемых особые отношения доверительности. Совместная деятельность

сплачивает учебную группу, создает непринужденные отношения. По разнообразию игровые задания нельзя сравнить ни с какими другими приемами обучения: преподаватель имеет возможность максимально индивидуализировать учебный процесс с учетом уровня и особенностей личности обучающихся. Игра помогает обучающемуся по-новому увидеть себя и партнера, а также предмет обучения, поэтому использование игры положительно влияет и на все остальные аспекты учебного процесса. Игры — это модели поведения. Учебный эффект игры заключается в том, что у обучающихся формируются достаточно высокие навыки и умения проявления инициативы в действиях, логичности, последовательности, ясности и выразительности умственных и речевых операций. Учебная игровая деятельность, как форма обучения в полной мере отвечает актуальной задаче методики, дидактики, психологии и педагогики, которые стремятся оптимизировать учебный процесс. Наиболее подходящей формой общения на уроке являются ролевые игры. При подготовке ролевой игры необходимо определить цель и языковой материал, составить сценарий игры, распределить роли, психологически подготовить обучаемых. Преподаватель превращается из обучающего и контролирующего в одного из участников игры или в зрителя, который незаметно направляет игру. Ролевые игры позволяют организовать целенаправленную речевую практику обучаемых на иностранном языке, тренировку и активизацию в ее рамках навыков и умений монологической и диалогической речи, различных типов взаимодействия партнеров по общению, формирования и формулирования многообразных функциональных типов высказываний (описания, сообщения информации, доказательства, выражения мнения, согласия и т. п.). Цель каждой из игр, приведенных ниже, составляет речевая тренировка на иностранном языке. Преподаватель сообщает обучаемым игровую цель, которая настраивает их на выполнение различных действий, а иноязычная речь становится средством их выполнения, создавая основу для практики иноязычной речевой деятельности обучаемых (говорения, письма, смыслового восприятия речи — аудирования, чтения).

Примеры игр на совместную речевую деятельность и коммуникативное взаимодействие. Ролевые игры (предлагаемые игры частично из материалов методических семинаров по французскому и немецкому языку)

1. Все участники стоят в кругу. Каждый выбирает себе роль известной личности: певца, актера, президента Задача: познакомиться с соседом и затем представить друг друга. Например:

меня зовут Барак Обама, я американец, я живу в Вашингтоне, я президент. Роль партнера: Познакомьтесь, это Барак Обама, он американец, он живет в Вашингтоне. Группа должна реагировать репликами «Да что вы!», «очень приятно», и задавать вопросы «вы женат?», «какое у вас хобби?» и т. д. Тренируется употребление глагола–связки «быть», лексика по теме «Знакомство».

2. Все участники стоят в кругу, игру начинает учитель. Он говорит, например, такую фразу: «Вчера я встретил...». Все пытаются отгадать, кого он встретил: «Вы встретили мою маму?», «Вы встретили инопланетянина?» Задача: высказать предположение и «заинтриговать» участников игры. Тренируется прошедшее время. Вариантов фразы загадки может быть очень много: вчера я съел ..., в воскресенье я получила ..., вчера я смотрела

3. На стене висит плакат со словами (с картинками): пешком, на автомобиле, на поезде, на пароходе, на велосипеде. Задача: выбрать одно выражение и обосновать свой выбор. Например: на автомобиле. Мне больше нравится автомобиль. Я люблю ездить на автомобиле, потому что это быстро и удобно. На автомобиле можно поехать в кино и на пикник, в другой город, в другую страну. Игра повторяется со следующими тремя плакатами:

1) в деревне, 2) в городе, 3) на море, 4) в горах.

1) желтый, 2) красный, 3) белый.

1) мальчик, 2) девочка.

Участники переходят от плаката к плакату, обмениваясь мнениями в парах или подгруппах. Тренируется тема «Отдых, каникулы», речевой образец «Мне больше нравится ..., потому что ...».

4. Все участники дают ответы на следующие вопросы: 1) с какой исторической известной личностью вы хотели бы оказаться на необитаемом острове и почему? 2) какие три предмета вы бы взяли с собой на остров и почему? 3) чего бы вам не хватало больше всего и почему? Задача: обсудить с партнером ответы на вопросы. Участники тренируются: «Я бы взял ...», «Я бы хотел...», «Мне бы не хватало ...».

5. На столе разложены картинки с изображениями очень красивых вещей (одежда, автомобиль, дома, дорогие украшения). Каждый участник выбирает одну картинку и «мечтает» вслух: куплю эту ..., буду ..., поеду Задача: отговорить от задуманного. Например, ну зачем тебе такая дорогая машина? Ее украдут или сломается Тренируется будущее время.

6. Все играющие получают открытки, не показывая их друг другу. Описывая открытки, задавая вопросы друг другу, играющие

должны найти пары одинаковых открыток. Активируются навыки порождения монологических высказываний типа описания, сравнения.

7. Игроющим предлагается большой список профессий. Они должны ранжировать все профессии и объяснить свое отношение к ним исходя из собственных представлений об их социальной престижности, сказать, какую из перечисленных профессий они избрали бы для себя и своих близких, и аргументировать свой выбор.

8. Организуются две команды «Оптимисты» и «Пессимисты». Игравшие из команды оптимистов выступают с оптимистическими утверждениями на заданную тему, а пессимисты должны им возражать. Затем преподаватель предлагает каждой команде выработать общую точку зрения, а капитанам обобщить ее.

9. «Вечер французского (немецкого, английского) телевидения»: все получают карточку с ролью и некоторое время обдумывают ее. Задача: принять участие в указанной телепередаче. Учитель сидит перед «экраном» телевизора и превращается в зрителя. Диктор получает перечень передач и сам составляет программу. Образцы карточек:

- 1) Вы директор телевидения. Вы составяете и ведете программу.
- 2) Вы член известной рок группы. Будьте готовы ответить на вопросы журналистов об истории вашей группы и о личной жизни.
- 3) Вы политический обозреватель и ведете передачу «Новости». Не забудьте о сенсации.
- 4) Вы рекламируете французские духи (одежду фирмы, ...). Выберите самостоятельно время для рекламной паузы. Вы можете прервать любую передачу.
- 5) Вы журналист. Подготовьте встречу с известной киноактрисой.
- 6) Вы известная киноактриса, будьте готовы ответить на вопросы журналистов о вашем творчестве и о личной жизни.
- 7) Вы ведущий передачи «Спорт для всех».
- 8) Вы ведущий передачи для родителей. Посоветуйте, как лучше всего воспитывать детей вашего возраста.

Для этой игры потребуются некоторые «аксессуары»: украшения, платки, очки, картинки о спорте, о кино, образцы рекламных товаров. Все перечисленное раскладывается на столе. Тематика передач выбирается в зависимости от усвоенного языкового материала.

10. «Прогулка по Парижу/Лондону/Берлину»

Вся группа — туристы, приехавшие в Париж на один день. Гид объявляет программу визита. После знакомства с ситуацией учитель распределяет роли. Образцы карточек:

- 1) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, вам все нравится, вы не можете скрыть свое восхищение увиденным и постоянно

обращаетесь к гида, официанту и служащему со словами: «замечательно», «превосходно» и т. д.

2) Вы в Париже/Лондоне/Берлине не в первый раз, поэтому постоянно прерываете гида, официанта словами: «я знаю, что ...», а это ...», старайтесь сами дать объяснения членам группы.

3) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, но любите все критиковать. На каждое объяснение гида, официанта стараетесь отреагировать словами: «это красиво, но ...», «это вкусно, но ...», «это интересно, но ...».

4) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, вам все здесь нравится, но после каждого объяснения гида, официанта вы обязательно говорите «а у нас в Астане тоже есть ...» или «мы дома тоже готовим ...».

5) Вам все не нравится, у вас тяжелый характер. Допекайте гида, официанта своими замечаниями и вопросами.

6) Вам хочется поближе познакомиться с кем-нибудь из группы. Задавайте вопросы о личной жизни всем подряд: гида, официанту, членам группы.

7) Вы нетерпеливы. Везде, куда вы попадаете, вы стараетесь задать вопрос, не дав гида или официанту раскрыть рот для объяснений. Громко выражаете свой восторг и удивление.

Усложняя игру в процессе обучения, мы соблюдаем принципы постепенности, последовательности и доступности в обучении. Игры усложняются, чтобы закрепить знание нужных конструкций, моделей или определенного лексического материала, развивают творческую самостоятельность обучаемых. Организация игры приносит самому преподавателю профессиональное удовлетворение, так как благодаря ей процесс обучения становится процессом непрерывного творчества.

Список литературы:

1. Материалы семинара для кураторов курсов по немецкому языку, Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit, Алматы, 2003 г.
2. Материалы методического семинара по французскому языку, Alliance Française, Астана, 2010 г.
3. Маслыко Е.А., Бабинская П.К. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие. Вышэйшая школа, Минск. 1998 г. 516 с.
4. Caré J-m, Talarico K. Jeux et technique d'expression pour la classe de conversation. Paris, BELC.
5. Häussermann U., Dietrich G., Günther Christiane C. Sprachkurs Deutsch: Unterrichtswerk für Erwachsene, Verlag Moritz Diesterweg, Frankfurt am Main, 1990, 296 с.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ТОПОС ТЕАТР И ЕГО СТРУКТУРА В МЕТАПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г.А. ТОВСТОНОГОВА

Защепкина Виктория Владимировна

*соискатель кафедры русского языка Северо-Кавказского
федерального университета, г. Ставрополь,
некоммерческая организация Межрегиональная ассоциация
«Центр дополнительного образования «Лидер», г. Ставрополь
E-mail: sgu26@mail.ru*

Являясь предметом пристального внимания человека, язык, из средства отображения мира, констатации положения дел и способа выражения переживаний и чувств, с течением времени стал рассматриваться в качестве самостоятельного явления. Двойственную природу языка Р. Барт объясняет выполнением им различных функций: способностью к организации, классификации и именованию объектов действительности, а также средства передачи информации между участниками коммуникации [2].

Метапоэтика Г.А. Товстоногова представлена фрагментами разных типов текстов, реализующихся как в письменной, так и в устной форме, и являющихся результатом рефлексии режиссера над собственным творчеством, созидательной деятельностью других авторов, репетиционного процесса. Режиссерский метапоэтический текст включает дискурсивные практики, представляющие собственно режиссерскую метапоэтику: определения, коллективные читки, тексты-«заметки», репетиционные тексты, режиссерские экземпляры, тексты-«интервью»; и практики, функционирующие в метапоэтическом дискурсе по принципу дополнительности: мемуарные высказывания, воспоминания современников.

Исследование различных речевых данностей, их дифференциация и анализ позволяет выделить понятие *театр* в качестве ключевого топоса метапоэтики Г.А. Товстоногова и проанализировать его концептуальную структуру. Под топосом понимается совокупность различных индивидуальных образов, объединенных единым смысловым и структурным ядром и выполняющими индивидуальные функции в процессе реализации дискурсивной данности [7].

Рассмотрим модель топоса ТЕАТР в метапоэтическом дискурсе исследуемого режиссера и проследим определяющие сущности его значения.

Многие высказывания Г.А. Товстоногова строятся как определения понятия *театр*, некоторые из них составлены по модели N₁ — N₁. «**Театр — развлечение, театр — зрелище**, где через игру доносится мысль, иногда даже трудно формулируемая, но волнующая душу и сердце зрителя» [3, с. 35].

Рефлексия над понятием «театр» осуществляется в основном посредством несобственно авторской, прямой речи. «Ремесленничество неизбежно, если театр не озабочен поиском правды и поэзии живой жизни, если художник идет не от наблюдений и размышлений над действительностью, а пользуется вторичными литературными ассоциациями» [4, с. 60].

Определяющая роль театра в парадигме других видов искусства отражается в налагаемых на него обязательствах, выраженных должностно-обязательными: должен, обязан. «**Театр обязан быть праздником и зрелищем** только в том смысле, что каждое **представление должно быть увлекательным и интересным**» [5, с. 303]. «**Театр должен приносить радость**» [3, с. 35].

Таблица 1.

Осмысление понятия *театр* строится на растяжении смыслов

-		+
«самодеятельного кружка», «дилетантизм», «дилетантский», «скучный», «драматургия», «балаган»	Театр (определение)	«гармоническое соединение», «зрелище», «праздник», «развлечение», «умный», «тонкое и прекрасное волшебство», «радость»; «обязан соединить, сплавить»; «учитывает все социальные и национальные особенности зрителей, если принимает во внимание силу, стойкость, распространенность традиций»

Прежде всего, Г. Товстоногов определяет театр в качестве учебного заведения, которое осуществляет обучение и воспитание зрителя посредством спектакля. «Театральная школа» существует по своим законам: никого не заставляет отвечать урок, делать домашнее задание, — поэтому в нее приходят с удовольствием снова и снова, чтобы получить наслаждение, заразиться хорошим

настроением. В обстановке веселости и праздности, зритель, тем не менее, должен овладеть глубоким философским смыслом, приобрести определенный опыт и выйти с ним реальную жизнь. **«Театр — школа, в которой не учат в обычном смысле слова. В этой школе не задают уроков и не требуют запоминаний. В этой школе нет учеников и учителей. С высокой кафедры — сцены, вопреки школьному этикету, подсказывают зрителям ответы. И чем незаметнее эта подсказка, тем лучше «ученики» — зрители воспринимают «урок» — спектакль»** [6, с. 201].

Поучительная роль театра не умаляет его развлекательной функции, получения удовольствия от представления, возможности забытья, рассеяться. **«Мы не должны сужать задачи театра до моральной проповеди. Театр — развлечение, театр — зрелище, где через игру доносится мысль, иногда даже трудно формулируемая, но волнующая душу и сердце зрителя. Театр должен принести радость. Об этом тоже не стоит забывать»** [3, с. 35].

Природной чертой театрального искусства называется его связь с настоящим временем, зависимость от социальных, национальных и моральных особенностей определенной эпохи. Содержание и средства театральных спектаклей должны отвечать требованиям времени, быть актуальными для зрителя. Востребованность театра обеспечивается соединением в нем соответствующих эпохе элементов, в качестве которых выступают пьеса, режиссура, актеры, зрители, идея и форма её реализации. **«Театр существует только в настоящем времени, мы лишены возможности тешить себя приятной иллюзией, что нас оценят потомки. Современность — воздух театра, его плоть и кровь»** [5, с. 299].

Г. Товстоногов говорит о необходимости каждого театра иметь свой индивидуальный облик, определяющий выбор репертуара, качество исполнения, основанного на профессиональной подготовке, чтобы не перейти в разряд увлечения, обыденного проявления повышенного увлечения к какому-либо занятию. **«Лицо театра определяется не столько тем, что он играет, сколько тем, чего он не играет, не может и не должен играть. И очень важно понять — чего театр не может играть»** [3, с. 30]. **«Если у театра нет лица, у него нет и диапазона. В таком театре процветает дилетантизм. Вот пример, поясняющий, по-моему, это положение: мы с вами, бреясь по утрам, можем петь все — и арию Риголетто, и арию Ленского, хотя они написаны для разных голосов. И нам никто не скажет: почему ты поешь не свою партию? Как хочу, так и пою. Это и есть дилетантизм»** [3, с. 30]. **«Театр, который ставит все подряд, —**

заведомо дилетантский, у него нет границ, как у человека, поющего для себя, с той только разницей, что я своего вокального искусства никому не навязываю, а театр на такое же искусство продает билеты» [3, с. 30].

Главенствующая роль в определении отличительных черт конкретного театра отводится позиции, занимаемой им по отношению к драматургическому материалу. Г. Товстоноговым признается вторичность театрального искусства перед литературной основой. По мнению режиссера, драматург, с одной стороны, выступает посредником между персонажем и актером, а, с другой стороны, ограничивает творческое видение сценической реализации пьесы. «У театра есть «враг». Разбудите среди ночи любого режиссера, и он, не открывая глаз, назовет вам имя этого «врага»: драматургия» [4, с. 6]. **«В основе театра лежит литература, построенная по законам сцены, то есть драматургия. Вторичность, отметьте у себя в тетрадах, шестая специфическая особенность театрального искусства»** [1, с. 161].

Среди значительного количества компонентов, используемых в процессе подготовки спектакля и во время его премьеры, единственным незаменимым, базисным элементов, на основе которого осуществляется наработка всего остального материала, является пьеса. «Но без пьесы — никогда, как ваятель — без гипса, как хлебороб — без земли и семян. Может, театр и действительно начинается с вешалки, но только тот, у которого есть пьеса» [4, с. 10].

Взгляды театра на сцене выражают актеры, которых, по словам Г. Товстоногова, должно быть, по крайней мере, двое. Они представляют на сценической площадке одновременно несколько концепций: взгляды театра, образ персонажа, свою собственную индивидуальность. «Несмотря на то, что **материал театра — живой действующий человек, театр начался не с одного артиста, а с двух. Театр одного актера, художественное чтение — это театр в широком смысле слова. Но все-таки в чистом виде театр — это два человека, которые вступают в борьбу**» [1, с. 158]. «Так вот, образность сегодняшнего театра, по-моему, заключается в том, чтобы второй смысл, второе значение происходящего на сцене также возникало только через актера, через его живую жизнь» [4, с. 29].

Актер обеспечивает связь театра со зрителем, протекающую сразу в нескольких направлениях. Во-первых, зритель определяет репертуар театра, его концепцию, идеологическое направление. **«Театр становится современным только в том случае, если он точно учитывает все социальные и национальные особенности зрителей,**

если **принимает во внимание силу, стойкость, распространенность традиций**» [6, с. 293]. «Если театр перестает ощущать качественные изменения, происходящие в сознании зрителей, он безнадежно отстает от жизни, теряет с ней контакты и остается без публики» [4, с. 154].

Во-вторых, присутствие зрителя является одним из обязательных элементов, обеспечивающих возможность осуществления театрального действия, протекающего в ограниченный промежуток времени. «Третья особенность театрального искусства: **творческий процесс происходит на глазах у зрителей, в настоящее время. Искусство театра начинается только в присутствии зрителя. Зритель, в свою очередь, в известных пределах воздействует на спектакль, видоизменяет его**» [1, с. 160]. «Этот друг — наш сегодняшний зритель, люди, много людей, которые здесь, сию минуту, вместе с нами созидают тонкое и прекрасное волшебство, именуемое театром. Это личное, кровное участие людей в живом процессе творчества — корни театра, дарящие ему вечные соки весны, питающие его непреходящее цветение» [4, с. 17].

Режиссер утверждает, что отношения между театром и зрителем должны быть двусторонними, позволяющими строить диалог в дружеской манере, обмениваться мнениями, обсуждать идеи, а иногда искать истину в жарких спорах. «А каждый театр — это десятки тысяч зрителей. Поэтому творческая «веротерпимость» — нетерпима. Я за горячие споры, за боевые дискуссии. За откровенный, честный, пусть не всегда приятный разговор [4, с. 87]. «Дело было в гармонии целого и в создании такого контакта со зрительным залом, который возможен только в театре и необходим прежде всего в театре» [4, с. 115].

Говоря о специфическом языке театрального искусства, режиссер высказывается против надуманного использования непонятных зрителю символов (кодов), разгадывание которых требует определенных усилий и способностей. «**Искусству театра противопоказан иероглиф, ребус**, который надо разгадывать в течение спектакля, вместо того, чтобы заниматься существом проблемы человеческих взаимоотношений. Хотя, есть целые группы зрителей, которым это доставляет удовольствие» [1, с. 409].

Основываясь на пространственно-временных показателях, режиссер сближает театр с такими искусствами, как кинематограф и цирк. «**Кинематограф театрален так же, как и искусство цирка**. Эти виды близки к театру, им так же **присуще существование во времени и пространстве**» [1, с. 160].

Сопоставляя театральное искусство со спортом, Г. Товстоногов иногда полностью стирает различия между ними. Возможным объяснением этому, является понимание данных видов деятельности в качестве объектов увлечения, а также способов развития и укрепления, как организма, так и духа. «Сегодня, как никогда, происходит сближение науки и искусства, сейчас **спорт**, например, **очень похож на театр, даже границы исчезают**» [1, с. 159].

Таким образом, структура топоса ТЕАТР в метапоэтике Г. Товстоногова отражает многоаспектное и разностороннее представление режиссера о театре и может быть представлена следующей моделью: определение театра, природа театра, театр и драматургия, театр и пьеса, лицо театра, театр и актер, театр и зритель, театр и спорт. Авторская рефлексия затрагивает не только вопросы сущности театрального искусства, его организацию и взаимодействие между организующими элементами, но и определяет связь с окружающей действительностью и смежными явлениями.

Список литературы:

1. Георгий Товстоногов репетирует и учит. Литературная запись С.М. Лосева. Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2007. — 608 с.
2. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. — с. 35.
3. Товстоногов Г.А. Беседы с коллегами. М.: Союз театр, деятелей РСФСР, 1988. — 528 с.
4. Товстоногов Г.А. Круг мыслей. Круг мыслей. Л.: Искусство, 1972. — 287 с.
5. Товстоногов Г.А. Зеркало сцены. Кн. 1: О профессии режиссера. Л.: Искусство, 1980. — 303 с.
6. Товстоногов Г.А. Зеркало сцены. Кн. 2: Статьи. Записи репетиций. Л.: Искусство, 1980. — 261 с.
7. Эпштейн М. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. — с. 60.

О ПЕРВИЧНОМ ЗВУКОСИМВОЛИЗМЕ АБСТРАКТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Петухова Елена Владимировна

*канд. филол. наук, доцент Курского государственного университета,
г. Курск*

E-mail: petukhova.lena@gmail.com

Долгое время лингвисты ставили под сомнение значимость звукоизобразительности как основного признака, влияющего на номинацию лексической единицы. Как следствие, подобного рода лексика считалась недостойной сколь-либо серьезного внимания (вспомним, например, высказывание Э. Сепира о звукоподражании: «ономатопея играет определенную роль во всех языках, но лишь малую роль, и трудно увидеть, каким образом имитация природных звуков могла развиваться в язык как мы его понимаем» [5, с. 324]). Соссюровский же принцип произвольности языкового знака, согласно которому «...связь, соединяющая означающее с означаемым произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассоциации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту мысль мы можем выразить проще: *языковой знак произволен*» [6, с. 100] подчинил себе всю лингвистику и оставался неоспоримым.

Данный подход представляется справедливым, если рассматривать только синхронический срез языковой системы. Однако поскольку эта система носит динамический характер, то такое разделение представляется несколько схематичным, искусственным. Если состояние системы языка на данном временном этапе есть результат его развития во времени и пространстве, то необходимо подвергнуть анализу и диахронический аспект системы. Как справедливо отмечает М.М. Маковский «каждое слово содержит своеобразную тайнопись своей жизни [3, с. 13], где в закодированном виде воплощается его «родословная».

Это особенно важно, когда речь идет о звукоизобразительной системе языка, где весьма сильны процессы денатурализации, когда фонетическое и семантическое развитие лексемы приводит к ослаблению либо утрате первичной фонетической связи между звуком и значением [1, с. 187]. При прохождении нескольких стадий от натуральной в генезисе через квазинатуральную до конвенциональной в синхронии, языковая система (в частности, ее звукоизобразительная составляющая) содержит в себе единицы, уже не осознаваемые как фонетически мотивированные. Если исходить из идеи изначальной

фонетической мотивированности лексемы, то этимолого-фоносемантический анализ и диахронический подход оказываются обязательными и необходимыми условиями фоносемантического исследования.

В тех случаях, когда речь идет об ономатопах (звукоподражаниях), то есть, когда в основе номинации языкового знака лежит акустический признак, звукоизобразительная мотивация ощущается и в синхронии (ср. англ. *bleat* “to utter the cry of a sheep, goat, or calf or a sound resembling such a cry”, эст. *määgima*, исп., *balar*, рус. *блеять*, тур. *melemek*, индонез. *mengembik*; англ. *cluck* “(a sound like the call of a hen”, норв., *klukk*, исл. *gagg*, греч. *κακάρισμα*, рус. *кудахтанье*, тур. *gidaklama*, исп. *cloqueo*; англ. *grunt* “to make a low, rough sound”, чеш. *chrochtat*, фин. *röhkä*, венг. *röfög*, рус. *хрюкать*, индонез. *menggeruh*). К ономатопам, которые подверглись более активному процессу денатурализации, можно отнести, например, английские слова *flirt* и *speak* [4, с. 148]. Если же в основе номинации лежит не акустический, а артикуляторный признак, звукоимбовольческие соответствия оказываются настолько «затемнены», что необходим *системный* этимологический, диахронический, а также сопоставительный типологический анализ. Как становится очевидным из анализа микрофрагмента, приведенного С.В. Ворониным в своем фундаментальном труде «Основы фоносемантики», даже единицы, достигшие высот семантической абстракции в современной синхронии, обладают первоначальной звукоизобразительностью. Разрабатывая теорию примарной мотивированности языкового знака, С.В. Воронин говорит об ошибочности соотнесения абстракции с произвольностью знака, так как для абстракции «безразлично, немотивирован ли (уже) знак или же он (еще) мотивирован, и начальная мотивированность не мешает ему подниматься до самых больших высот абстракции» [1, с. 149]. Так, например, анализируя лексику *хотеть* и ссылаясь на лингвистические изыскания А.М. Газова-Гинзберга, С.В. Воронин предполагает связь др.-рус. *хоть* «любовник» (отсюда — *хотеть*) с корнем **hwj-* «страстно желать, хотеть, любить», который происходит от звукоизображения вздоха/звука дыхания.

Выдвигая предположения о фонетической мотивации готского глагола *haban* «держатъ, иметь» (восходящего к индо-европейскому корню **kap-/ghabh* «хватать, брать, держать»), он указывает на невозможность доказательства факта отприродной связи «звук-значение» а) без выхода в более широкую индоевропейскую сферу и далее в «еще более широкую сферу ностратики», б) без обращения к этимологии выявленных соответствий и наконец, в) без восстановления направления семантического развития «хватать (хapatъ) ртом» > «хватать

рукою»> «брать» > «держать, иметь» [1, с. 154]. Таким образом, на примере фрагмента древнегерманской лексики демонстрируется закономерная возможность развития изначально фонетически мотивированного языкового знака до значительной степени абстракции.

Продолжая тему появления абстрактных значений у примарно изобразительной единицы в ходе семантической эволюции звукоизобразительной системы языка, можно обратиться, например, к английским однокоренным лексемам *deceive*, *receive*, *perceive*, *conceive*. Каждая имеет синхронически «незвуковое» значение:

deceive «to mislead by a false appearance or statement»;

receive «to take into one's possession»;

perceive «to become aware of, know, or identify by means of the senses.»;

conceive «to form (a notion, opinion, purpose, etc.); to form a notion or idea of; imagine; to hold as an opinion; think».

Все они около 1300 года пришли через старофранцузский из латыни, где соответственно имели формы *decipere* “to ensnare, take in”, *recipere* “regain, take back”, *percipere* “obtain, gather”, *concipere* “to take in and hold”. Если в современном английском языке их семантическая структура продолжила свое развитие в направлении дальнейшей абстракции, и общее значение «брать, обладать» уже подвергается метафоризации (особенно, в случае лексемы *deceive*), то в их латинских «предках» общий семантический признак выражен довольно прозрачно. Если мы продолжим анализ, то увидим, что латинские формы образованы путем префиксации: *de-*, *re-*, *per-*, *con-* + основа *cipere*, которая является формой *capere* «брать». Глагол *capere* в свою очередь восходит к индо-европейскому корню **kap-/ghabh* «хватать, брать, держать». Именно к этому корню восходит и гот. *haban*, о котором говорилось выше, и рус. *хватать* (**хабить*).

В данном контексте интересно отметить, что даже такое абстрактное понятие как *концепт* (*concept*) < *conceptum* является формой причастия прошедшего времени от *capere*. К этому же корню восходит и английское *capable* «having power and ability; efficient; competent», образованное от прилагательного *capax* «способный много удерживать», которое является производным от *capere*. Думается, ни одна из обсуждаемых здесь лексем не будет восприниматься современными носителями языка как звукоизобразительная. Однако с позиций диахронического подхода эти единицы являются примарно мотивированными, так как при возникновении представляли собой единство звуковой формы и содержания. Схема их семантической эволюции примерно такова: «хватать» > «брать» > «воспринимать, понимать, постигать»; «вводить в заблуждение»

Еще одним примером развития абстрактного значения примарно звукоизобразительной единицы может служить английская единица *anger*, которую можно отнести к разряду фоноинтракинесемизмов, в частности, к обозначению удушья. Эта неголосовая инспираторная кинема восходит к древнесеверному *angra* и имеет параллели в старофранцузском (*enge*) и готском (*aggwus*) с уже конкретным значением «узкий». Индоевропейская основа — **angh-* также семантически конкретна и обозначает понятия узости и боли. У А. Йоханнессона встречается упоминание о том же корне: «звук, выражающий страх (с исконным значением «узкий»: так, о сужении горла при страхе)...» [7, с. 12]. То же можно сказать и о сходных в звуковом отношении лексемах *anguish*, *anxious* имеющих абстрактные значения страдания, волнения, мучения, тоски. Они восходят к латинскому *angusta* «сжатие, удушье» и далее к индоевропейскому корню со значением «узость, жатие». Размышляя о возможных первичных фоносемантических соответствиях древних основ, необходимо отметить, однако, предполагаемую диффузность протоиндоевропейских корней, а, следовательно, их вероятную расплывчатость и многозначность, что являлось результатом несовершенства артикуляторного аппарата [2, с. 96].

Таким образом, в процессе эволюции примарно фонетически мотивированный языковой знак может развить абстрактные значения. Изучение подобных процессов возможно лишь при динамическом (синхронно-диахронном) подходе.

Список литературы:

1. Воронин С.В. Основы фоносемантики. — М.: ЛЕНАНД, 2006. — 248 с.
2. Кажибеков Е.З. Фоносемантическая характеристика пратюркского корня // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990.
3. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М., 1992. — 189 с.
4. Петухова Е.В. Звукоизобразительность в диахронии // Голос культуры в иноязычном образовании. Курск, 2009. — С. 148—154.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии (под ред. А.Е. Кибрика). М., 1993. — 655 с.
6. Слюсарева Н.А. «Соссюр и соссюрианство»// Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977. — С. 63—124.
7. Johannesson A. Some remarks on the origin of the n-sound. Reykyavik, 1954. — 68 p.
8. Skeat W. The Concise Dictionary of English Etymology. — Wordsworth Edition Limited 2007. — 643 с.

2.5. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛАКУНАРНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Абдулганеева Ирина Игоревна

*аспирант Кафедры немецкого языка Института языка
Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: hamidullina.irin@mail.ru*

Семантические расхождения между языками отражают национальную специфику различного «мирообразования», уникальность культурного пласта народов. Язык, являясь зеркалом культурно-исторического, духовно-нравственного опыта каждого народа, отражает национально-культурологические, духовно-религиозные аспекты быта и жизнедеятельности. Национально-специфический компонент в языке обусловлен неповторимостью и самобытностью культуры и быта определенного этноса. В связи с этим возникает проблема перевода явлений, понятий, отсутствующих в языковой системе переводящего языка.

Лакунарность как проблема перевода всегда занимала и занимает весомое место в исследованиях ученых, являясь предметом многочисленных споров и дискуссий. Особое место занимает проблема перевода художественного текста. Всякий язык живет в форме текстов. Текст можно рассматривать не только как коммуникативное образование, но и как форму существования человеческой культуры. В процессе межкультурной и межъязыковой коммуникации проявляется определенная несоизмеримость культур и языков в виде несовпадений тех или иных реалий и их языковых презентаций — лакун [7, с. 8—9].

В структурах повседневности лакуны постоянно возникают как «ситуации непонимания», «ситуации неправильного перевода» при взаимодействии разных этносов, культур, конфессий. На межличностном уровне лакуны являются результатом межличностной коммуникации и обусловлены различием персональных тезаурусов, лексического и этимологического богатства памяти.

Вступая в контакт с «чужой» культурой, инокультурным текстом, реципиент осознанно и неосознанно оценивает ее в «кодах» своей культуры. Этим априорно закладывается основа для неадекватного распредмечивания специфических особенностей «чужой» культуры. Они могут быть либо неадекватно интерпретированы реципиентом, либо вовсе не поняты. Все, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, что кажется ему странным и требующим интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, т. е. лакун [4]. К основным признакам лакун относят «непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость)» понятий для реципиента [5, с. 32].

Согласно И.В. Томашевой степень национального в художественном тексте осложняет осуществление его адекватного перевода на другой язык, в текстах перевода в этом случае увеличивается число лакун, в том числе и эмоционально маркированных, элиминирование которых представляет переводческую проблему. В связи с этим выделяется эмотивный тип лакунарности текста перевода, влияющий на динамическую эквивалентность и прагматику данного текста [7, с. 6—7].

В нашем исследовании мы рассматриваем лакунарность в контексте сопоставления художественных текстов с русскими дериватами с суффиксами-интенсификаторами с их аналогами в немецком языке. Русский язык обладает огромным количеством дериватов, образованных при помощи суффиксов-интенсификаторов, которые не имеют аналогов в системе словообразования немецкого языка. Суффиксы-интенсификаторы в русском языке способны выразить огромный спектр как положительных, так и отрицательных оценок, как правило носят субъективно-оценочный характер, выражая отношение реципиента к происходящему. Суффиксами-интенсификаторами в немецком языке являются суффиксы диминутивного значения. Отсюда вытекает проблема: нахождение способов перевода русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами на немецкий язык. Таким образом, лакунарность отражает отсутствие в переводящем языке словообразовательных формантов, выражающих степень экспрессивности и национально-специфической коннотации русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами.

Вся художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, в которых запечатлены оценочный компонент и индивидуальный опыт автора, способы его эмоционального рефлексирования [10, с. 3]. Суффиксы-интенсификаторы -ишк и -онк в дериватах «**санишками, клячонкой**»

в следующем примере выражают авторскую привязанность и трогательность к «русскому крестьянину», его желание приукрасить их нужду и доверительное отношение к ним.

Особенно любил я беседовать с ночными извозчиками, бедными подгородными крестьянами, прибывавшими в столицу с окрашенными вохрой **санишками** и плохой **клячкой** — в надежде и самим прокормиться и собрать на оброк господам [9].

Besonders gern unterhielt ich mich mit den Nachtkutschern, armen Bauern aus der Umgegend, die mit einem gelbgestrichenen **Schlitten** und einem **ärmlichen Karrengaul** in die Hauptstadt kamen — in der Hoffnung, dort selber ihren Unterhalt zu finden, wie auch die Abgabe an ihre Gutsherren erübrigen zu können [12].

Отсутствие в немецком языке суффиксов-интенсификаторов для передачи национально маркированной коннотации русских дериватов в первом случае не компенсируется вообще: «**санишками**» переведено нейтральным существительным “**Schlitten**”; во втором случае переводится существительным мужского рода «кляча» — “**Karrengaul**”, вместо определения в русском языке «плохой клячкой» в немецком — “**ärmlichen**”, в значении — бедной, скудной.

В переводах, при отсутствии любого показателя экспрессивности утрачивается индивидуально-психологический уровень произведения, связанный с индивидуальным стилем автора, способом проявления в языковом построении выразительных и изобразительных способностей, субъективно-оценочных и объективных отношений, склонностей и особенностей писателя как определенного психологического субъекта [2, с. 150—152].

Художественный язык, будучи рассчитан на восприятие и понимание его на фоне общенародного, общенационального языка, отличается от него тем, что действительность языка художественного произведения — это действительность целого художественного мира, в результате чего языковые и внеязыковые (содержательные) стороны художественного произведения спаяны значительно прочнее, чем в других функциональных стилях. Поэтому закономерности построения художественного языка объясняются не грамматическими и синтаксическими правилами, правилами построения смысла. Язык со своим прямыми значениями как бы весь опрокинут в тему и идею художественного замысла. Таким образом, возникает семантическая двойственность художественного языка как результат столкновения объективной значимости слов и их субъективной смысловой направленностью [1, с. 114].

Следующий пример демонстрирует лексический способ элиминирования русских дериватов с суффиксами-интенсификаторами. Национально-специфическая коннотация, выраженная посредством «шапоньки, армячишко», носит характер частичного элиминирования.

Вот однажды нанял я такого извозчика... Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные; русые волосы выются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной **шапоньки**. И как только налез этот рваный **армячишко** на эти богатырские плеча! [9].

Einst nahm ich wieder mal einen solchen Kutscher ... Ein Bursche von etwa zwanzig Jahren, hochgewachsen, stämmig, wie aus Kernholz; mit blauen Augen und frischroten Backen; sein Haar quoll in blonden Locken unter der tief bis auf die Augenbrauen herabgezogenen **geflickten Mütze** hervor. — Und wie hatte er bloß diesen zerrissenen **kleinen Kittel** über seine riesigen Schultern ziehen können! [12].

“**Kittel**” переводится существительным мужского рода «халат» суффикс-интенсификатор -ишк компенсируется определением “**klein**” — маленький, при переводе деривата «**шапоньки**» значение суффикса-интенсификатора -оньк вообще не компенсируется и элиминировано нейтральным “**Mütze**” — шапка.

Следующий пример является показателем элиминирования русского деривата суффиксом-интенсификатором на немецкий язык при помощи диминутивного суффикса.

Потом опять принимаются бродить вдоль и поперек. Между нами вертится небольшого роста мальчик; от времени до времени он пищит тонким, однозвучным голоском: «**Тятенька, боюсь!**» — Мне тошно на сердце от этого писку — и я тоже начинаю бояться... чего? не знаю сам. Только я чувствую: идет и близится большая, большая беда [8].

Zwischen ihnen bewegt sich ein kleiner Knabe; von Zeit zu Zeit wimmert er mit dünner eintöniger Stimme: “**Väterchen, ich fürchte mich!**”! — Bei diesem Wimmern wird mir kalt ums Herz — und auch mich beschleicht Furcht ... Wovor? Ich weiß es selbst nicht. Nur dies eine fühle ich: heran kommt und nähert sich ein großes, großes Unheil [11].

Неузуальное обращение в русском языке с суффиксом-интенсификатором -еньк «**тятенька**» переводится на немецкий язык при помощи узуального деривата «Vater» с диминутивным суффиксом -chen.

Как справедливо отмечает А. Попович эквивалентность следует искать на уровне структуры текста, т. е. в стиле: только на этом уровне произведение переходит из одного языка в другой в качестве однородного образования [6, с. 93]. Следуя принципам стратегии формы, переводчик, напротив, часто вынужден жертвовать смысловой

прозрачностью в угоду максимальной точности при передаче нетривиальных особенностей построения текста, его отдельных характерных элементов [5, с. 450].

Анализ перевода примеров художественных текстов подтвердил тот факт, что феномен лакуарности при сравнении словообразовательных средств (суффиксов-интенсификаторов) систем немецкого и русского языка приводит к наличию лакун в лексической системе немецкого языка. Лакуарность как проблема перевода художественного текста выступает одним из детерминантов нахождения способов элиминирования различных типов лакун, необходимостью выявления способов передачи всех коннотативных оттенков лакун, содержащих национально-специфические элементы культуры и языкового сознания носителей языка.

Список литературы:

1. Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста: учебное пособие / М.П. Брандес; В.Н. Провоторов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: КДУ, 2006. — 240 с.
2. Брандес М.П. Стилистический анализ. — М.: Высшая школа, 1971. — 190 с.
3. Глазачева Н.Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации // Лакуны в языке и речи: Сб. науч. тр. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. Вып. 2. с. 31—34.
4. Данильченко Т.Ю. Теоретический журнал «CREDO NEW». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://credonew.ru/content/view/962/62/>.
5. Михеев М.Ю. Перевод на основе базы прецедентных словосочетаний, или переводных фрагментов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог 2004». М.: Наука, 2004, С. 449—456.
6. Попович А. Проблемы художественного перевода. — М.: Высш.шк., 1980. — 199 с.
7. Томашева И.В. Эмотивная лакуарность художественной прозы дис. ... к. фил. н. Волгоград, 1995. 189 с.
8. Тургенев И.С. Конец света. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ilibrary.ru/text/1378/p.10/index.html>.
9. Тургенев И.С. Маша. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ilibrary.ru/text/1378/p.11/index.html>.
10. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. — № 5 — 2007.С. 3—7.
11. Turgenev I. Das Ende der Welt. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gutenberg.org/files/37716/37716-h/37716-h.htm>.
12. Turgenev I. Mascha. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gutenberg.org/files/37716/37716-h/37716-h.htm>.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И СЦЕНИЧЕСКИЕ ПСЕВДОНИМЫ КАК ОСОБЫЕ НОМИНАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Джарасова Тойжан Тайбулатовна

*канд. филол. наук, доцент кафедры иностранной филологии
и общего языкознания, КазНУ им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
Email: toma9192@mail.ru*

Псевдонимы как особая категория именования людей относятся к разряду малоисследованных ономастических единиц, имеющую широкую перспективу лингвистического, типологического и сопоставительного изучения, и могут представлять собой интересные, порой специфические характеристики онимов в различных аспектах их функционирования.

Как и любой тип именования, псевдоним возникает из потребностей коллектива и отражает черты данного социума, его языковую принадлежность, особенности номинации в зашифровке подлинного имени.

По утверждениям Н.Н. Вербицкой и Н.С. Гребенщиковой, «существуют две самостоятельные, довольно тесно связанные между собой группы собственных имен: имена, сложившиеся естественным путем, и имена искусственно созданные, вымышленные» [2, с. 127], где вторые имена или искусственные фамилии, придуманные самим автором в качестве нового именования, относятся к группе псевдонимов.

Псевдоним — наиболее позднее неофициальное именование человека. Слово «псевдоним» имеет греческое происхождение и состоит из двух основ: *ψευδής* — «ложный» и *ὄνομα* — «имя». В английском языке термину «псевдоним» соответствуют «pseudonym, pen-name (литературное имя), stage-name (сценическое имя)». Несмотря на то, что псевдоним является одним из видов антропонимов, до сих пор не существует единого определения этого термина. В различных источниках представлены разные дефиниции:

«Псевдоним — вид антропонима, вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него. В русской традиции псевдоним может заменять фамилию (чаще всего), имя личное, отчество, всю формулу имени» [4, с. 13].

«Псевдоним — подпись, которой автор заменяет свое настоящее имя. Широко распространен в литературе всех стран и эпох, особенно на востоке» [8, с. 11].

«Псевдоним — условное имя автора или артиста, которое заменяет его настоящее имя или фамилию (либо то и другое)» [1, с. 974].

Известно, что псевдоним как выдуманное имя или условный знак используется для маскировки, иногда даже для сознательной мистификации публики. Употребление вымышленного имени это, прежде всего, стремление спрятаться или надеть определенную «маску», например, замена неблагозвучного имени благозвучным ярким псевдонимом, принятие символического псевдонима. Именно поэтому школьный писатель Ю.Г. Кокош выбрал для творческой деятельности псевдоним *Томин*, из-за неудачной ассоциации фамилии русская писательница С.П. Коровина взяла новое литературное имя *Прокофьева*.

Псевдоним рождается на основе свободного творческого поиска, выбора, осуществляемого автором в соответствии с определенным жанром и стилем, в отличие от естественного и длительного исторического развития реальной ономастики в определенной социальной среде.

Основным отличием псевдонима от фамилии является тот факт, что подлинная фамилия — это официальное употребление имени, требующее полной формы именованного (фамилия и инициалы), и это юридически фиксируемое слово, с помощью которого осуществляется социальная легализация личности, псевдоним же — неофициальный тип именованного. Фамилия сопровождает человека в течение всей жизни, начиная с рождения, в то время как жизнь псевдонима ограничена относительно небольшим отрезком или носит разовый характер.

Псевдоним может выполнять функцию характеристики или быть эмоционально насыщенным (ср.: фамилия С.Г. Петров и псевдоним *Скиталец*; фамилия John Jackson и псевдоним *William Silent* (молчаливый)). Как утверждает А.В. Суперанская, «появление экспрессивности у имени собственного происходит по причине его употребления не в той ситуации, где он нейтрален и нормативен, а там, где он обладает дополнительной информацией экспрессивного характера» [9, с. 180]. Поэтому употребленные в несоответствии с требованиями именованного могут отнестись к вымышленным именам, например, «говорящие псевдонимы», отмечающие особенности внешности, черты характера, происхождение автора: *Якутский* (писатель Н.Г. Золотарев, якут по национальности), *Welsh* (англоуэльская поэтесса Earle Jeane), *Слепцов* (слепой литератор Н.П. Николаев), *Маленький Алексей* (писатель А.Г. Попов, имел небольшой рост), *Little* (английский мыслитель, писатель Thomas More

был небольшого роста), *Русский Путешественник* (Н.М. Карамзин), *Travelwriter* (английская путешествующая писательница Matilda Barbara Edwards).

Псевдонимы характеризуются способностью выражать психологическое состояние человека, эмоции, различные оттенки субъективной оценки и, таким образом, выполняют *экспрессивную* функцию. Почти все псевдонимы уже в момент создания получают определенную стилистическую окраску. Элемент оценки может быть заключен в самом значении слова: *Сергей Грустный* (поэт С.М. Архангельский), *Озлобленные новаторы* (коллективный псевдоним В.Э. Мейерхольда и В.М. Бebutова); *Рифмач*, *Профан*, *Пропойца* (неизвестные авторские псевдонимы, взятые с газеты); *William Silent* (молчаливый) — John Jackson; *Victor Witty* (остроумный) — Victor George Charles, *Sapper* (Глупец) — Herman Ceril Mneile; *Prophet* (Пророк), *Cynic* (Циник) — Theodore Dreiser.

При образовании псевдонимов автор использует существующую систему моделей и норм в соответствии с местом, временем, жанром, стилем, социальной средой и т. д. В связи с этим о псевдонимах можно говорить как о вторичном именовании, моделирующей реальную систему имен, а сам псевдоним определить как антропоним с ограниченной сферой употребления, выполняющий специфические функции, являющийся результатом самоименования автора и предполагающий наличие истинных фамилии, имени, отчества.

При описании псевдонимов можно прибегнуть к лингвистической классификации (по словообразовательным, фонетическим, семантическим признакам). Псевдоним может также изучаться в планах социологическом, психологическом, историческом, эстетическом. При этом каждый раз у исследователя будут совершенно разные задачи.

Псевдонимы по характеру частотности и употребительности, по степени повторяемости могут составить следующие группы:

Постоянный псевдоним — это имя, под которым автор выступает в печати, широко известен читателям, когда псевдоним становится литературным именем, фактически заменяя его настоящую фамилию. Так, например, в русской и английской литературе известны следующие псевдонимы:

- Анна Ахматова* — А.А. Горенко;
- Б. Полевой* — Б.Н. Кампов;
- Л. Пантелеев* — А.И. Еремеев;
- А. Платонов* — А.П. Климентов;
- Найденев* — С.А. Алексеев;
- O. Henry* — William Sydney Porter;

Mark Twain — Samuel Langhorne Clemens;

Jack London — John Griffith;

Lewis Carroll — Charles Dodgson.

Редкий псевдоним — это имя, которым автор подписывается под одним или двумя произведениями, употребляя один и тот же псевдоним, что носит случайный характер. Например, известный писатель К.Г. Паустовский свой первый рассказ «На воде» опубликовал под именем *К. Балагин*; русский поэт С.А. Есенин первое свое стихотворение «Береза» опубликовал как *Аристон*.

Английский писатель Harry Petterson выпустил две первые книги “The Eaglehas Lauded”, “Touchthe Devil” под псевдонимом *Jack Higgins*, в дальнейшем этот псевдоним он не использовал.

Любопытно, что псевдонимы авторов литературной продукции оказались в конце XX — начале XXI вв. под влиянием тенденций, общих для номинации разнообразных товаров народного потребления. В современном мире автор использует псевдоним как способ привлечения внимания к себе и продуктам своего творчества. «Псевдоним рассматривается как важная составляющая презентационного комплекса, который обеспечивает предварительную, предшествующую прочтению рефлексию» [8, с. 221]. Имя автора выступает в качестве знака, на который ориентируется потребитель текста. «Перед автором... стоит задача «сделать» себе имя, которое будет в дальнейшем реальным залогом коммерческого успеха. Прибыль, коммерческий эффект рассматриваются едва ли не как важнейший результат творчества» [6, с. 127]. Например, авторы, работающие в приключенческом жанре, часто выбирают себе псевдонимы сообразно художественной системе своих текстов: это антропонимы, заимствованные (или созданные на их основе) из ономастикона традиционных мифологических текстов или прецедентных текстов данного жанра. Так, напоминающие эльфийский язык имена *Нуеннах* и *Иллет* являются псевдонимами Натальи Васильевой и Натальи Некрасовой, написавших «Хроники черной Арды» — продолжение знаменитой эпопеи Толкиена.

В условиях современного развивающегося шоу-бизнеса псевдонимы приобретают сходство с такими элементами искусственного словотворчества, как товарные знаки и обнаруживают тяготение к языку рекламы. По утверждению К.С. Мочалкиной, «с товарными знаками псевдонимы роднит искусственность их создания и вольное обращение с языковым материалом» [8, с. 77]. Так, например, привлекая внимание адресата, вызывая приятные ассоциации, сценические псевдонимы современных звезд эстрады успешно

выполняют рекламную функцию: *Ариана, Ньюша, Жасмин, Тарзан, Лада Дэнс, Елка, Шура, Глюкоза, Pink, 50 Cent, Rihanna, Eminém, Cheryl Cole, George Michael, Willi M., Lady Gaga, Pitbull*. Новые имена исполнителей несут на себе эстетико-декоративную функцию: они, как правило, звучны и призваны дополнить сценический образ певца.

У современных певцов пользуется популярностью особый вид псевдонимов — так называемый *преноним* — имя, употребленное без фамилии [3, с. 278]. Так, например, известны имена: *Алсу, Валерия, Диана, Каролина, Лунда, Нюка, Beyoncé, Shakira, Timbaland, Енуга, Fergie, Pink, Usher, Madonna, Cher* и т. д.

Исходя из рассмотренных выше положений, к псевдонимам мы можем отнести настоящие имена авторов, употребленные без фамилий, и истинные инициалы. Эти антропонимы объединены общими функциями, являются самоименованиями авторов, существуют наряду с официальными именами, но в определенной сфере употребления и в определенный период времени.

Мода диктует использование слов с определенной семантикой, распространенных словообразовательных моделей, популярных искусственных имен. В настоящее время по-прежнему сильно стремление к отбору наиболее благозвучных и соответствующих национальной фонетике имен. Следование современной моде — необходимое условие создания псевдонимов, способных обеспечить рекламную привлекательность автору или результатам его деятельности.

Конец XX — начало XXI вв. можно назвать пиком псевдонимотворчества среди звезд эстрады. Псевдоним уподобляется своеобразному товарному знаку, становится частью имиджа (от англ. Image — образ, облик, представление о чем-то). Убежденность в том, что у известного человека должна быть приятная на слух и яркая, запоминающаяся фамилия, настолько сильна, что служит мощным толчком для принятия псевдонима. Сравните следующие известные псевдонимы:

Жанна Фриске — Жанна Копылова;
Григорий Лепс — Г. Свиридзе;
Наташа Королева — Наталья Порывай;
Маша Распутина — Алла Агеева;
Валерия — Алла Перфилова;
Глюкоза — Наталья Ионова;
Ирина Аллегрова — Инесса Климчук;
Лариса Долина — Лариса Мячинская;
Карандаш — Михаил Румянцев;

Александр Маринин — Александр Выгузов;
Жасмин — Сара Семиндуева;
Marilyn Monroe — Norma Jeane Mortenson (Baker);
Elvis Costello — Declan Patrick MacManus;
Tina Turner — Anna Mae Bullock;
Elton Hercules John — Reginald Kenneth Dwight.

Псевдоним является знаком демаркации прежней или актуальной профессиональной деятельности тех, кто выступает в качестве автора популярных произведений. Такие псевдонимы, в общем, достаточно узнаваемы при сравнении с паспортным именем автора. Они предстают в виде переработки паспортного имени:

- сотрудник правоохранительных органов Андрей Пименов и психолог Андрей Ильичев известны широкой публике как авторы криминальных романов *Алексей Кивинов* и *Андрей Ильин*;
- Марина Анатольевна Алексеева, 20 лет прослужившая в МВД, пишет детективы под псевдонимом *Александра Маринина*.

Не рискуют выступать под своими именами многие ученые и общественные деятели (писатель-фантаст *Кир Булычев* — ученый-историк И.В. Можейко; русский поэт *Лев Лосев* — филолог Лев Владимирович Лифшиц). Есть такие примеры и в зарубежной литературе. Английский ученый Charles Dodgson был преподавателем математики; сочинение сказок для детей отнюдь не являлось его главным занятием. Поэтому научные труды он подписывал своей настоящей фамилией, а прославившие его книги о приключениях Алисы в стране чудес (1865 и 1871) выпустил от имени *Lewis Carroll*, это имя впоследствии стало его литературной фамилией.

Таким образом, в образовании литературных и сценических псевдонимов действует сразу несколько имяформирующих линий, что дает весьма неоднородную картину.

Псевдонимы, являясь словами искусственной номинации, порождены и функционально детерминированы разнообразными экстралингвистическими факторами. Они очень легко вбирают в себя все то, что актуально для отдельных эпох, живо реагируют на все явления, происходящие в окружающей человека среде.

Процессы формирования и дальнейшего развития системы псевдонимов, так или иначе, связаны с явлениями культурного и мировоззренческого порядка. Можно предположить, что с изменением языка, обычаев, культуры появятся, видимо, и другие сферы распространения псевдонимов и мотивы для выбора нового имени.

Список литературы:

1. Большой Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1997. — 1456 с.
2. Вербицкая Н.Н., Гребенщикова Н.С. Тематические группы женских имен в русской поэзии // Вопросы фундаментальной грамматики. Гродно, 2000. — с. 127—137.
3. Джарасова Т.Т. Псевдонимы как фрагмент языковой действительности. Алматы: Казак университеті, 2007. — 114 с.
4. Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). М.: Наука, 1977. — 312 с.
5. Козлов Е.В. Игры с именем и вокруг имени (имя автора в паралитературе) // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. Волгоград: Перемена, 2003. — с. 126—138.
6. Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии: Дис. канд. филолог. наук. Волгоград, 2004. — 184 с.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. — 192 с.
8. Подсеваткин С. Энциклопедия псевдонимов. М.: ТЕРРА, 1999. — 256 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. — 366 с.

2.6. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

ПРОБЛЕМНОЕ ОБУЧЕНИЕ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Чурикова Ирина Алексеевна

*преподаватель немецкого и английского языков, ГБОУ СПО
Венцы-Заря зооветеринарный техникум КК, п. Венцы
E-mail: yency@yandex.ru*

Целью написания данной работы является совершенствование методов преподавания иностранного языка.

Научно-технический прогресс, новое содержание и новые формы труда требуют внедрения новых приемов и методов обучения, которые создавали бы наиболее благоприятные условия для эффективного усвоения студентами знаний, развития их мышления, формирования у них познавательного отношения к действительности и навыков самообучения и самообразования.

Проблемное обучение предусматривает новую структуру урока, при которой отводится большое место самостоятельной работе студентов. Однако роль преподавателя при этом не уменьшается, а возрастает, так как ему необходимо четко управлять учебным процессом и давать студентам конкретные задания, следить за ходом их выполнения, анализировать правильность мыслительной деятельности студентов, контролировать конечный результат выполнения заданий, осуществлять подход к студентам [1, с. 14].

Сущность проблемного обучения заключается в создании перед студентами проблемных ситуаций, необходимых для выполнения заданий определенной трудности, для преодоления которой требуется творческая мыслительная деятельность. То есть проблемное обучение — это такая форма организации учебных занятий, при которой знания передаются студентам не в готовом виде, а в процессе самостоятельной познавательной деятельности в условиях проблемных ситуаций.

Проблемные ситуации, используемые в целях обучения, должны иметь обучающий характер.

Проблемное обучение преследует две цели:

1. Сформировать у студентов необходимую систему знаний, умений, навыков.
2. Достигнуть высокого уровня умственного развития студентов.

Обе эти задачи могут быть реализованы с большим успехом именно в процессе проблемного обучения, поскольку усвоение учебного материала происходит в ходе активной поисковой деятельности студентов, в процессе решения ими системы проблемно-познавательных задач. Обучающая деятельность студентов в процессе переноса ранее ситуаций при выполнении все новых и новых заданий, сопровождаемая интеллектуальным удовлетворением от преодоления трудностей и иллюзией полной самостоятельности в «открытиях», все это благоприятно влияет на становление личности: формируются устойчивые познавательные интересы и мотивы учебной деятельности, вырабатывается творческое отношение к учебному материалу [3, с. 27].

Проблемный подход при обучении английскому языку может осуществляться по всем видам речевой деятельности (устной речи, чтении, письму). На каждом этом этапе может использоваться система упражнений, в основе которой заложена проблемная ситуация. При выполнении этих упражнений огромную роль играет зрительная и слуховая наглядность, которая позволяет разнообразить варианты проблемных ситуаций.

Так, например, при обучении диалогической речи по темам: «Семья», «Город», «Спорт» можно использовать упражнения, построенные по «модели коммуникативной ситуации».

Весь цикл обучения диалогической речи по этой модели содержит пять этапов:

1. Предъявление модели
2. Контроль понимания
3. Подготовка к воспроизведению диалога
4. Полусвободное говорение
5. Свободное говорение, то есть самостоятельное высказывание

в объеме лексико-грамматического материала по этим темам.

Задача первого этапа — показать студентам, о чем они будут говорить в связи с данной ситуацией, и добиться понимания речи диктора или преподавателя.

Целью работы на втором этапе является проверка понимания содержания диалога действующих лиц. На четвертом этапе при сохранении аналогичной ситуации, вносятся некоторые изменения. Так, например, в микродиалоге «Семья»

- What is your father, Alex?
- My father is a veterinary.
- How old is your father?
- He is 38.
- What is his name?
- His name is Oleg Vasilyevich.

студенты заменяют лексику, обозначающую членов семьи и названия профессий и, соответственно, притяжательные местоимения. Пятый этап — завершающий. Это свободное говорение. Студенты ведут беседу друг с другом уже о членах своей семьи и их профессиях.

Для выполнения упражнений с использованием модели коммуникативной ситуации необходимо соблюдать следующие условия:

- во-первых, студенты должны быть подготовлены к этой работе, то есть они должны уметь реализовать уже известные им речевые образцы и лексические единицы в данном диалоге (получить настрой);
- во-вторых, преподаватель сам должен заранее подготовить необходимые картинки. Так, например, при работе с диалогом по теме «Город» нужно иметь макет города или план города с обозначениями улиц, площадей, магазинов и так далее.

— Excuse me, can you tell me the way to Revolution Square? I'm here for the 1st time.

— With pleasure. Go as far as Gorky Street and then turn to the right. You will see the Russian Hotel there.

— Oh, thank you very much.

— Not at all.

При выполнении ситуативно-коммуникативных упражнений (4-й этап) могут быть использованы и элементы программированного обучения.

Каждая пара студентов получает индивидуальные задания. На карточках участников диалога имеются вопросы и предполагаемые ответы с правильно размеченной интонацией. Вот пример такой карточки:

A talk with a novice.

1. Good morning!	1. Good morning!
2. Are you a new pupil of our group?	2. Yes, I am.
3. What is your name?	3. My name is...

4. How old are you?	4. I am...
5. Where've you come from?	5. I've come from...
6. Do you like your future profession?	6. Of course I do. The profession of a ... is not easy, but I like it because...
7. Do you go in for sport?	7. Yes, I do. I think it is not difficult to guess that I play basketball, considering my size.
8. I like to take you to the gym	8. With pleasure! Come on!

Использование заданий проблемного характера возможно также и при обучении монологической речи.

Так при изучении темы «Наша Родина» каждый студент получает карточку с заданием, например: 1. Посмотрите на картину. Опишите свой родной город или село. Употребите данные слова и выражения.

При обучении монологической речи возможны проблемные ситуации не только с опорой на картинку, но и на текст. Например, дается задание:

1. Подобрать предложения, соответствующие содержанию картинки;
2. Прочитать текст и составить рассказ по картинкам к тексту;
3. Выбрать какой-либо персонаж, изображенный на картинке и рассказать о нем;
4. Рассказать о своей будущей работе на основе текста, в котором описывается деятельность ученого, художника и так далее.

Эти задания мы используем, в основном, при работе с текстами домашнего чтения.

Используем мы и ситуации вербального (словесного) характера. Например, по теме «Наш техникум»:

1. Вы перевелись в другой техникум. В группу, где вы будете учиться, вы встретились со студентами. О чем бы вам хотелось поговорить с ними?
2. В вашу группу пришла девушка-новичок. Расскажите ей о техникуме, занятиях, досуге студентов.
3. В вашем техникуме проводится день «открытых дверей». Расскажите школьникам об истории создания вашего техникума, и что особенно интересно в нем.
4. Вас попросили выступить перед учащимися средней школы. Что бы вы рассказали им о своей будущей профессии?

5. Расскажите в письме о том, как вы проводите в техникуме свободное от занятий время (кружки, художественная самодеятельность, библиотека и так далее).

6. Убедите свою подругу в том, что проживание в общежитии имеет больше преимуществ по сравнению со съемной квартирой.

Введение лексики в проблемных ситуациях имеет также большое значение. Так по теме «Космические полеты» новая лексика вводится в микроситуациях типа:

- Man's dream of outer space became reality on the 12th of April 1961. Yuri Gagarin a citizen of the USSR made the world's first space flight on board the spaceship "Vostok". This day has gone down in history as a great achievement.

- When we speak of successes in space exploration, we have to mention Sergey Korolyov. His name is connected with the invention of space rockets, earth's first artificial satellite the "Vostok", "Voschod" spaceship, the 1st sputniks of the "Kosmos" series.

- Last lesson we spoke about the 12th of April as a day of opening the space age. That day the spaceship "Vostok" was launched with the man on board and after orbiting our planet successfully returned to the earth. The flight showed the advantages of the socialist system in the development of science and technology and also showed that it has reached a high stage.

Вся работа ведется на слуховой основе.

Для развития понимания читаемого текста на беспереводной основе перед студентами следует поставить познавательные задачи, которые позволили бы им выразить свое мнение о прочитанном, обосновать и доказать свою точку зрения. Для этого можно использовать алгоритм чтения, который мы применяем в работе с общественно-политическими текстами из газет.

Основными блоками алгоритма чтения являются:

1. Названия статьи.
2. Автор.
3. Где опубликована статья.
4. Основное содержание.
5. Факты.
6. Оценка информации (свое отношение к прочитанному).
7. Наиболее важные слова и словосочетания для запоминания.

Можно дать студентам и такие задания после прочтения текста:

1. Разделите текст на смысловые части и озаглавьте их;
2. Прочитайте абзац и найдите предложение, в котором выражена оценка поведения героя;

3. Скажите, что во внешности и в поведении героя вызывает симпатию у читателей. Прочитайте слова и словосочетания, раскрывающие это.

4. Озаглавьте текст по-другому, полнее передав основной его смысл.

Все названные выше задания, ситуации вызывают у студентов самостоятельность решения той или иной проблемы, повышают уровень усвоения знаний. Однако следует заметить, что упражнения, в основе которых заложена проблемная ситуация, необходимо выполнять в комплексе с другими типами упражнений. В этом случае они помогут добиться более эффективных результатов в достижении поставленных целей. Таким образом, благодаря такому виду организации учебной деятельности, как проблемное обучение, у студентов воспитывается способность самостоятельно анализировать проблемную ситуацию, видеть проблему и находить правильный ответ.

Список литературы:

1. Матюшкин А.М. Актуальные проблемы проблемного обучения: учеб. пособие — М.: Педагогика, 1972. — 307 с.
2. Роботова А.С. Введение в педагогическую деятельность/А.С. Роботова, Т.В. Леонтьева, И.Г. Шапошникова. — М.: Академия, 2007. — 286 с.
3. Титова Е.Н. Повышение эффективности урока иностранного языка — ключевая задача реформы школы/ Е.Н. Титова //Иностранные языки в школе. — 1985. — № 4. — С. 27—32.
4. Цетлин В.С. Реальные ситуации общения на уроке/ В.С. Цетлин //Иностранные языки в школе. — 2000. — № 3. — С. 48—51.

«НАУКА И ИСКУССТВО: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

21 января 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 28.01.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,375. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3